

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке BooksCafe.Net](#)

[Все книги автора](#)

[Эта же книга в других форматах](#)

Приятного чтения!

Голдсмит Оливер Векфильдский Священник

Оливер Голдсмит

Векфильдский Священник.

История его жизни, написанная, как полагают, им самим

Sperate, miseri; cavete, felices.

{Надейтесь, страждущие;

трепещите, счастливы (лат.).}

ПРЕДУВЕДОМЛЕНИЕ

В предлагаемом труде тысяча недостатков, и вместе с тем можно привести тысячу доводов в пользу того, что недостатки эти являются его достоинствами. Впрочем, в этом нет надобности. Книга бывает занимательна, несмотря на бесчисленные ошибки, и скучна, хоть в ней не найдется ни единой несообразности. Герой этой повести совмещает в себе трех самых важных представителей человеческого рода: священника, земледельца и главу семьи. Он равно готов поучать и повиноваться; в благополучии прост, в несчастье величественен. Кому, впрочем, в наш век утонченности и процветания придется по душе такой герой? Те, кого привлекает великосветская жизнь, с презрением отвернутся от непритязательного круга, собравшегося у семейного очага; те, кто привык принимать непристойности за остроумие, не найдут его в простодушных речах селянина; тем, кто воспитан ни во что не ставить религию, будет смешон человек, черпающий главное свое утешение в мыслях о будущей жизни.

Оливер Голдсмит

ГЛАВА I

Описание векфильдской семьи, в которой фамильное сходство

простирается не только на внешние, но и на нравственные черты

Всю жизнь я придерживался того мнения, что честный человек, вступивший в брак и воспитавший многочисленное семейство, приносит в тысячу раз больше пользы, чем тот, кто, пожелав остаться холостым, только и знает, что болтать о благе человечества. По этой-то причине, едва миновал год после моего посвящения, как я начал подумывать о супружестве; и в выборе жены поступил точно так же, как поступила она, когда выбирала себе материю на подвенечный наряд: я искал добротности, не прельщаясь поверхностным лоском. И надо сказать, что жена мне досталась кроткая и домовитая. К тому же, не в пример другим нашим деревенским девицам, она оказалась на редкость ученой - любую книжку осилит, если в ней не попадаются чересчур уж длинные слова. Что же до варений, да солений, да всяческой стряпни, так тут уж никому за ней не угнаться! Кроме того, она хвалилась чрезвычайной своей бережливостью, хотя я не могу сказать, чтобы мы вследствие экономических ее ухищрений стали особенно богаты!

Как бы то ни было, мы нежно любили друг друга, и чувство наше крепло по мере того, как сами мы старились. Словом, мы не имели причин роптать ни на судьбу, ни друг на друга. Жили мы в прекрасном доме, посреди живописной природы, и общество, окружавшее нас, было самое приятное.

Мы гуляли по окрестностям или находили себе занятие дома, навещали богатых соседей, помогали бедным; ни о каких переменах не помышляли, тягостных забот не ведали, и все наши приключения совершались подле камина, а путешествия ограничивались

переселением из летних спален в зимние, и из зимних - в летние.

Жилище наше стояло неподалеку от проезжей дороги, и к нам частенько наведывались путники и прохожие, которых мы непременно потчевали крыжовенной настойкой, ибо она составляла гордость дома; и должен сказать со всей беспристрастностью историка, что никто ни разу ее не хулил. Многочисленная родня, иногда такая дальняя, что мы даже не подозревали о ее существовании, помнила о своей кровной связи с нами, не справляясь с гербовником, и частенько нас навещала. Не всегда, однако, родство это придавало нам блеск, так как среди родственников попадалось немало увечных, слепых и хромых. Но жена моя полагала, что раз они одной с нами крови, то и место им за одним с нами столом. Таким образом гости наши, хоть они не блистали богатством, оставались всегда всем довольны. Известно ведь, и это непреложная истина, что чем беднее гость, тем легче ему угодить. А для меня счастливым лицом все равно, что для иного любителя красивый тюльпан или редкая бабочка. Впрочем, если среди наших родственников попадался человек вовсе непутевый, или кто-нибудь из них оказывался очень уж беспокойным гостем, или, наконец, просто был нам не по душе, я стремился одолжить ему что-нибудь - куртку, башмаки или не слишком дорогую лошадь - и всякий раз с величайшим удовлетворением замечал, что человек этот больше у нас не появляется. Таким образом избавлялись мы от людей нам неприятных. Но конечно же, ни страннику, ни бедняку, нашедшему приют в лоне векфильдского семейства, отказа никогда не бывало.

Так прожили мы несколько лет, наслаждаясь безмятежным счастьем. Разумеется, посещали нас иногда и невзгоды, но ведь провидение ниспосылает их нам лишь затем, чтобы мы могли еще сильнее оценить его милости. То школьники заберутся в мой фруктовый сад, то жена припасет сладкую подливку к пудингу, а кошки или дети возьмут да и полакомятся ею без спросу. Иной раз помещик заснет в самом трогательном месте моей проповеди, а то, глядишь, его супруга, повстречавшись в церкви с моей, ответит на ее любезное приветствие едва приметным поклоном. Но все эти мелкие неприятности тут же нами и забывались, и к концу третьего или четвертого дня мы уже сами обычно дивились своей досаде.

Наградою за умеренность, которой придерживались всю жизнь родители, было то, что дети наши появились на свет здоровыми, не изнеженные последующим воспитанием, такими же и выросли; сыновья - полные жизненных сил крепыши, дочери - цветущие красавицы. Всякий раз, что я окидывал взглядом всю эту маленькую компанию, которой суждено было со временем сделаться опорой моей старости, мне невольно приходил на ум всем известный анекдот о графе Абенсберге: когда Генрих II проходил через Германию, все вельможи встречали его дорогими подарками, граф же подвел к своему государю собственных детей, в количестве тридцати двух человек, говоря, что это самая большая его драгоценность. У меня их было, правда, всего только шестеро, но я тем не менее полагал, что принес отечеству чрезвычайно щедрый подарок, и в силу этого считал, что оно в долгу передо мной. Старшего нашего сына назвали Джорджем в память его дяди, оставившего нам десять тысяч фунтов. За ним шла девочка, которую я хотел назвать Гризельдой в честь ее тетки, но этому воспротивилась жена; она зачитывалась романами все то время, что была беременна, и настояла на том, чтобы дочь нарекли Оливией. Не прошло и года, как у нас родилась еще одна девочка. На этот раз я решительно был намерен назвать дочь Гризельдой; но тут одна из наших богатых родственниц пожелала крестить ее и выбрала ей имя Софья. И вот у нас в семье завелось два романтических имени, но, право же, я в этом ничуть не виноват. Следом за ними появился Мозес, а после перерыва в двенадцать лет у нас родилось еще два сына.

Тщетно стал бы я скрывать восторг, охватывавший меня при виде всей этой молодой поросли; но еще больше гордилась и радовалась, глядя на них, моя супруга. Бывало, какая-нибудь гостья скажет:

- Поверьте, миссис Примроз, таких хорошеньких деток, как ваши, во всей округе не сыщешь!

- Да что, милая, - ответит жена, - они таковы, каким их создало небо: коли добры, так и пригожи; по делам ведь надобно судить, а не по лицу.

И тут же велит дочерям поднять головки; а сказать по правде, девицы у нас были и в самом деле прехорошенькие! Ну, да наружность в моих глазах вещь столь незначительная, что, если бы кругом все не твердили о красоте моих дочерей, я бы о ней вряд ли и упомянул. Оливия, которой исполнилось восемнадцать лет, обладала всепокоряющей красотой Гебы, как ее обычно рисуют живописцы, - открытой, живой и величавой. Черты Софьи на первый взгляд казались менее разительны, но действие их было тем убийственнее, ибо в них таились нежность, скромность и полное соблазна очарование. Первая побеждала сразу, с одного удара, вторая - постепенно, путем повторных атак.

Душевные свойства женщины обычно определяются ее внешним обликом. Так, во всяком случае, было с моими дочерьми. Оливии хотелось иметь множество поклонников, Софье одного, да верного. Оливия подчас жеманилась от чрезмерного желания нравиться, Софью же так страшила мысль обидеть кого-нибудь своим превосходством, что она иной раз даже пыталась скрывать свои достоинства. Первая забавляла меня своей резвостью, когда я бывал весел, вторая радовала благоразумием, когда я был настроен на серьезный лад. Ни в той, ни в другой, однако, качества эти не были развиты до крайности, и я часто замечал, что дочери мои как бы меняются друг с дружкой характерами на целый день. Так, стоило резвухе моей, например, облачиться в траур, как в чертах ее проступала строгая важность, и напротив - несколько ярких лент вдруг придавали манерам ее сестры несвойственную, казалось бы, им живость. Старший сын мой, Джордж, получил образование в Оксфорде, так Н|LK я предназначал его для одной из ученых профессий. Второй сын, Мозес, которого я прочил пустить по торговой части, обучался дома, всему понемножку.

Ну, да невозможно сказать что-либо определенное о характере молодого человека, который еще не видел света. Словом, фамильное сходство объединяло их всех, и, собственно, у всех у них характер был одинаковый - все были равно благородны, доверчивы, простодушны и незлобивы.

ГЛАВА II

Семью постигает несчастье. Лишившись состояния, человек благородный не теряет чувства собственного достоинства

Почти всеми мирскими делами нашей семьи вершила жена; но в вопросах духовных я был полный хозяин. Мой приход доставлял мне ежегодно около тридцати пяти фунтов, которые я жертвовал целиком в пользу вдов и сирот священнослужителей нашей епархии; обладая изрядным состоянием, я мог не заботиться о вознаграждении и испытывал тайную радость при мысли, что исполняю свой долг безвозмездно. Кроме того, я решил не держать помощника и вменил себе в обязанность хорошенько познакомиться со всеми своими прихожанами, призывая людей семейных к трезвости, а холостым рекомендуя супружество; так что за несколько лет моего пребывания в Векфильде там даже сложилась такая поговорка: "В Векфильде три недостатка: священнику недостает чванства, молодым людям - невест, а кабатчикам - завсегдатаев".

Брак всегда был излюбленным предметом моих рассуждений, и я даже составил несколько проповедей, в которых доказывал, что он является неперменным залогом счастья; тут, однако, я держался таких же точно убеждений, что и Уистон, и полагал, что священник англиканской церкви по смерти своей первой жены не имеет права жениться вторично, иными словами - я был сторонником строжайшего единобрачия.

С самых первых моих шагов я был посвящен в знаменательный спор, породивший столь великое количество ученых сочинений. Я и сам выпустил несколько трактатов, в которых излагал свой взгляд на этот предмет; правда, никто их не покупал, и они так и остались лежать у книгопродавца, но зато я утешался мыслью, что мои творения доступны одним лишь избранным счастливым. Кое-кто из моих друзей называл это моей слабостью - бедняги, разве просиживали они, подобно мне, долгие часы, размышляя о сем предмете? Я же чем больше думал о нем, тем больше постигал всю его важность. В осуществлении своих принципов я даже пошел несколько дальше самого Уистона. Так, он, потеряв жену, приказал вырезать на ее могильном камне надпись, гласящую, что под ним покоится тело

единственной жены Уильяма Уистона; а я при живой жене заказал ей эпитафию, где превозношу благоразумие, бережливость и смирение, не покидавшие ее до самой смерти; красиво переписанная и вправленная в изящную рамку, она висела у нас над камином и отвечала нескольким весьма полезным целям одновременно: напоминала жене о ее долге, указывала на мою верность ей, вызывала в ней желание заслужить добрую славу и вместе с тем не давала забывать о бренности человеческой жизни.

Быть может, мои беспрестанные рассуждения о браке тому виною, но мой старший сын, едва окончив колледж, уже сделал свой выбор, полюбив всем сердцем дочь одного духовного лица, жившего неподалеку от нас и облаченного высоким саном; за ней можно было ожидать изрядное приданое; впрочем, она и без всякого приданого была хороша. Все (за исключением моих дочерей, конечно) признавали, что мисс Арабелла Уилмот - настоящая красавица. Тут было не одно очарование молодости, здоровья и невинности - прозрачный румянец ее был так нежен, взор обличал такое чувствительное сердце, что даже старость не могла взирать на нее равнодушно. Мистер Уилмот, зная, что я в состоянии выделить немалую долю своему сыну, не возражал против такого жениха, и у нас царила гармония, какая обычно устанавливается между двумя семьями накануне окончательного сближения. Убедившись на собственном опыте, что пора ухаживания - самая счастливая пора в нашей жизни, я был не прочь продлить ее для них как можно дольше: встречаясь ежедневно, влюбленные принимали участие в общих увеселениях, и взаимное чувство их как будто возрастало от того еще более. По утрам обычно нас будила музыка, в погожие дни мы выезжали на охоту. Часы от завтрака до обеда дамы посвящали нарядам и наукам; так, пробежав глазами страничку книги, они гляделись в зеркало, которое и тут, я думаю, философы и те не станут со мной спорить подчас являет больше красот, чем иная книжная страница. За обедом верховодила жена, ибо привыкла собственноручно резать жаркое, ссылаясь при этом на обычай своей матушки; нужно ли говорить, что она не упускала случая поведать нам историю каждого блюда! После обеда, не желая расставаться с дамами, я обычно давал слуге распоряжение отодвинуть стол, и иногда мои дочери вместе с учителем музыки устраивали для нас чрезвычайно приятный концерт. Прогулки, чай, кадрили, фанты - так коротали мы остаток дня, не прибегая к картам, потому что я терпеть не могу никаких азартных игр, кроме игры в триктрак, в которую подчас сражался со своим старинным приятелем, ставя по два пенса на кон. Не могу тут обойти молчанием досадный случай, приключившийся со мной в последний раз: мне нужно было выкинуть четыре очка, а между тем у меня выходила все двойка да единица - пять раз кряду!

Прошло несколько месяцев, и мы стали наконец подумывать о том, чтобы назначить день для бракосочетания наших влюбленных, которые, по-видимому, страстно того желали. Не стану описывать ни суетливую важность, с какой хлопотала жена, готовясь к торжеству, ни многозначительные взгляды, которыми обменивались между собой мои дочери; говоря откровенно, меня в то время занимало совсем другое: я заканчивал очередной трактат на излюбленную свою тему и надеялся вскоре его напечатать. Я считал это сочинение образцовым как в отношении логики, так и стиля, и в гордыне сердца своего не удержался и показал его старинному своему другу, мистеру Уилмоту, ибо был уверен в его одобрении. Увы, я слишком поздно убедился, что он был горячим поборником противоположного направления, на что у него были чрезвычайно веские основания, ибо он в ту самую пору задумал жениться в четвертый раз! Как и надо было ожидать, между нами завязался спор, и притом настолько ожесточенный, что, казалось, того и гляди, расстроится задуманный нами брак. Во избежание этого мы положили встретиться накануне бракосочетания и повести диспут по всем правилам.

Обе стороны проявили изрядный пыл. Он утверждал, что я еретик, я обратил тот же самый упрек против него, он возражал, я отвечал. Между тем в самый разгар дискуссии один из моих родственников отозвал меня в сторону и с выражением глубокого участия посоветовал отказаться от дальнейшего спора или хотя бы перенести его на какой-нибудь другой день, после свадьбы моего сына.

- Как? - вскричал я. - Отказаться от правого дела и признать супружество мистера Уилмота законным в ту самую минуту, когда я доказал всю абсурдность его доводов? Да я скорее откажусь от состояния, чем от своих взглядов!

- Как это ни прискорбно, - отвечал на это родственник, - но я должен сообщить вам, что состояния-то у вас почти и нет никакого. Купец, которому вы вверили деньги, обанкротился и скрывается от кредиторов; полагают, что он не даст и шиллинга за фунт. Я не хотел огорчать вас до свадьбы, но, быть может, мое сообщение несколько остудит ваш полемический задор, ибо надеюсь, что вы достаточно рассудительны и поймете сами, что сейчас не время обнаруживать свои истинные чувства и что нужно подождать хотя бы до тех пор, пока состояние девушки не перейдет к вашему сыну.

- Ну, нет, - отвечал я, - если мне и впрямь грозит разорение и суждено сделаться нищим, то негодяем я быть не хочу, и я не подумаю, конечно, отречься от своих убеждений. Я сию же минуту пойду и извещу всех о том, что со мной случилось. Что же касается спора, я, напротив, беру назад уступки, которые сделал старику, и не соглашусь признать его супругом четвертой миссис Уилмот - ни в одном из значений этого слова!

Напрасно пытался бы я описать чувства, охватившие обе семьи при известии о нашей беде; но что были наши чувства по сравнению с горестью влюбленных! Мистер Уилмот, который уже и без того был не прочь расстроить этот брак, теперь, узнав о постигшем меня ударе, окончательно решил: в одном ему никак нельзя было отказать - в благоразумии, этой подчас единственной добродетели, какую нам удастся сохранить на семьдесят третьем году жизни!

ГЛАВА III

Переселение. В конечном счете оказывается, что человек сам является творцом своего счастья

Мы еще тешили себя надеждой, что, быть может, слух о нашем несчастье был пущен кем-нибудь по злобе либо по неведению, когда из города прибыло письмо от моего поверенного, целиком подтверждающее дошедшую до нас весть. Если бы разорение наше коснулось одного меня, я бы особенно не горевал; я огорчился единственно из-за семьи, которую ждало унижение - ведь ни жена моя, ни дети не были приучены равнодушно сносить высокомерие людское!

Не раньше чем через две недели начал я уговаривать их умерить свое отчаяние, ибо преждевременные утешения служат лишь напоминанием о беде. Все это время мысли мои были заняты изысканием средств к существованию; наконец довольно далеко от старого нашего местожительства мне предложили небольшой приход, фунтов на пятнадцать, и таким образом я мог рассчитывать и впредь жить, не поступаясь своими нравственными правилами. Я с радостью согласился на это предложение, а про себя решил завести небольшое хозяйство на месте, чтобы пополнить свои доходы.

После того как я принял решение уехать, я стал приводить в порядок остатки своего состояния; когда я собрал одни долги и выплатил другие, от наших четырнадцати тысяч фунтов осталось всего лишь четыреста. Поэтому главной моей заботой теперь было заставить мое семейство смириться и сообразовать свою гордость с положением, которое нам отныне предстояло занимать, ибо что может быть хуже самолюбивой нищеты?

- Вы, конечно, знаете, дети мои, - начал я, - что никакое благоразумие не могло бы предотвратить разразившуюся над нами беду; однако оно в состоянии помочь нам справиться с некоторыми ее последствиями. Мы теперь бедны, мои дорогие, и разум повелевает нам смириться. Откажемся же без сожалений от роскоши, которая не мешает стольким людям быть несчастными, и постараемся в более скромной доле обрести тот душевный покой, обладая которым может быть счастлив всякий! Бедные прекрасно обходятся без наших услуг, почему бы и нам не научиться жить без их помощи? Итак, дети мои, сразу откажемся от всяких поползновений на барский размах! И с теперешними нашими средствами мы можем прожить счастливо, если будем разумны. Будем же довольствоваться малым, и тогда у нас всего будет вдоволь!

Так как старший мой сын обучался всяким наукам, я решил послать его в столицу, где, приложив свои способности, он был бы в состоянии и себя прокормить, и нам помочь. Может быть, самое горькое в бедности - это необходимость разлучаться с близкими. И вот он наступил, день нашей первой разлуки! Простившись с матерью, братьями и сестрами, которые перемежали поцелуи со слезами, он подошел ко мне, чтобы я его благословил. От всей души дал я ему свое благословение. Вместе с пятью гинейми это составляло все, чем я мог его оделить!

- Сын мой, - воскликнул я, - ты идешь в Лондон пешком, как некогда шагал туда твой великий предок Хукер! Дарю тебе такого же коня, каким епископ Джуэл одарил его, - прими сей посох и еще прими сию книгу, да укрепит она твой дух в пути; вот, кстати, две строчки, которые стоят миллиона: "Я был молод, и состарился, и не видел праведника оставленным и потомков его просящими хлеба". Пусть же это послужит тебе утешением в твоих странствиях. Иди, сын мой, и как бы ни сложилась судьба твоя, являйся ко мне раз в год; прощай же и не падай духом!

Смело посылал я на ристалище жизни своего сына, не плюющего иных доспехов, кроме честности и душевной чистоты, ибо знал: что бы ни ожидало его - победа или поражение, - он все равно останется благородным человеком.

Его отъезд предварил наш собственный лишь на несколько дней. Прощание с местами, где мы провели столько безмятежных часов своей жизни, не обошлось без слез, и я думаю, ни один человек, как бы тверд духом он ни был, не нашел бы в себе силы подавить их. К тому же мысль о путешествии за семьдесят миль, которое предстояло совершить нашей семье, дальше чем за десять миль дотоле никуда не выезжавшей, повергала нас в уныние, а вопли и причитания беднейших из моих прихожан, пожелавших проводить нас первые несколько миль, еще больше это уныние усугубляли. К концу первого дня путешествия мы благополучно добрались до какой-то деревеньки, расположенной в тридцати милях от нашего будущего пристанища, и устроились ночевать на постоялом дворе. После того как нам отвели комнату, следуя своему всегдашнему обычаю, я пригласил хозяина распить с нами бутылочку вина; он принял мое приглашение тем охотнее, что счет, который готовился предъявить нам наутро, от этого отнюдь не должен был сократиться. Зато он мог рассказать мне о людях, среди которых мне суждено было отныне жить, а главное, о мистере Торнхилле, помещике, в чьих владениях находился мой новый дом, расположенный к тому же всего в нескольких милях от его собственной усадьбы. Он аттестовал его как джентльмена, который в жизни привык искать одни наслаждения и славился своей приверженностью к прекрасному полу. Никакая добродетель, по словам хозяина, не могла устоять против его искусства и настойчивости, и на десять миль кругом едва ли можно было встретить девушку, которая бы не оказалась жертвой его вероломства. Надо сказать, что сведения эти, глубоко опечалившие меня, на дочерей моих возымели действие прямо противоположное: черты их словно озарились предвкушением торжества; жена, по-видимому, испытывала такую же радость и уверенность в могуществе их чар и силе их добродетели. Мысли наши были еще заняты мистером Торнхиллом, когда в комнату вошла хозяйка и сообщила своему мужу, что у постояльца, который живет у них вот уже вторые сутки, нет денег, чтобы оплатить счет.

- Нет денег? - повторил хозяин. - Этого не может быть, ибо не далее как вчера он дал три гиней пристава, чтобы тот отпустил одного старого, израненного солдата, которого должны были наказать плетью за то, что он похитил собаку.

Когда же хозяйка в ответ лишь повторила свои слова, муж ее, клянясь, что так или иначе взыщет с постояльца свое, двинулся было к дверям; но я стал просить его познакомить меня с человеком, который, судя по его словам, был столь щедр и сострадателен.

Хозяин вышел и вскоре вернулся в сопровождении господина лет тридцати на вид; кафтан его все еще хранил следы позументов, наружность была изящна и печать мысли лежала на его челе. В обращении его проглядывало что-то повелительное, чуть резковатое, и казалось, что он то ли не понимает светских условностей, то ли нарочно пренебрегает ими.

Когда хозяин оставил нас, я не удержался и выразил незнакомцу сожаление по поводу того, что вижу благородного человека в столь печальных обстоятельствах, и тут же предложил ему свой кошелек, чтобы вывести его из временного затруднения.

- Принимаю вашу помощь от всей души! - воскликнул он. - Я рад, что совершил оплошность и отдал все деньги, какие были при мне, ибо благодаря этому убедился, что существуют еще на свете такие люди, как вы. Но прежде всего разрешите узнать имя и местожительство моего благодетеля, чтобы при первой возможности выплатить долг.

В ответ я назвал себя и поведал о несчастье, меня постигшем; а также рассказал, куда мы держим путь.

- Вот и отлично! - воскликнул он. - Ведь я сам направляюсь в ту сторону, и просидел тут двое суток из-за разлива реки, которая к завтрашнему дню, надо надеяться, войдет в берега.

Я тоже выразил радость, узнав, что мы попутчики, и пригласил его отужинать с нами. Жена и дети присоединились к моей просьбе. Беседа незнакомца была так занята и поучительна, что я готов был слушать его без конца; но нам давно уж было пора на покой; нужно было подкрепить свои силы сном, ибо на следующий день нам опять предстояло двинуться в путь.

Наутро мы все отправились вместе - мы верхами, а мистер Берчелл, - так звали нашего нового знакомого - пешком по обочине, причем он говорил с улыбкой, что не обгоняет наших одров из одного лишь великодушия. Так как вода еще не совсем спала, нам пришлось нанять проводника, который трусил впереди, в то время как мы с мистером Берчеллом замыкали шествие. Мы разгоняли дорожную скуку с помощью философских споров, в которых он оказался весьма искусным. Особенно же меня поразило то обстоятельство, что защищал он свои убеждения с таким упорством, словно был не должником моим, а покровителем. Время от времени он сообщал мне, кому принадлежат поместья, мимо которых мы ехали.

- Это вот, - сказал он, указывая на великолепнейший дом несколько поодаль, - принадлежит мистеру Торнхиллу; его дядя, сэр Уильям Торнхилл, довольствуясь малым и проживая большей частью в городе, предоставляет почти все свое состояние в распоряжение молодого человека.

- Возможно ли, - вскричал я, - чтобы соседом моим оказался племянник человека, столь известного своею добродетелью, щедростью и чудачествами!" Я слышал, что сэр Уильям Торнхилл самый щедрый человек и вместе с тем самый большой оригинал во всем королевстве; говорят также, что это человек непревзойденной доброты!

- И даже несколько чрезмерной как будто, - возразил мистер Берчелл. - В юности, во всяком случае, он доводил свою доброту до излишества, ибо, обладая пылкой душой, он даже в добродетели своей не мог удержаться от романтического преувеличения. С молодых лет почувствовал он склонность к военному искусству и к наукам; и на том и на другом поприще преуспел: отличился как солдат и прослыл ученым человеком. Но лесть, эта неперемнная спутница честолюбцев, - ибо из всех людей они наиболее падки на нее, - не замедлила явиться и тут. Он был окружен толпой, где каждый стремился обнаружить перед ним лишь одну сторону своего характера, и в своем благоволении ко всему роду людскому он забывал об отдельных его представителях. Ему был мил весь свет, богатство мешало ему видеть, что в мире водятся также и негодяи. Врачи говорят, что есть такой недуг, при котором тело больного становится настолько остро чувствительным, что малейшее прикосновение причиняет боль. И вот то, что некоторым довелось испытать физически, этот господин ощущал душевно. Чужая невзгода, подлинная ли, вымышленная, все равно, - трогала его сердце, и душа его содрогалась от боли, которую причиняли ей страдания ближнего. Так как он был готов оказывать помощь всякому, то, разумеется, в тех, кто был расположен просить его о помощи, тоже не было недостатка; щедрость его начала уже отражаться на его кошельке, но великодушие от того нисколько не убывало; оно, казалось, росло по мере того, как скудел кошелек. Сам же он становился что ни беднее, то безрассуднее.

И хоть речи его были разумны, вел он себя, как последний глупец.

И вот, окруженный наглецами и уже бессильный удовлетворить всех, кто к нему обращался, он стал вместо денег раздавать обещания. Это было все, что у него осталось, огорчить же кого-либо отказом у него не хватало решимости. Таким образом он собрал вокруг себя целую толпу прихлебателей, которых он жаждал облагодетельствовать, а вместо того невольно обманывал. Люди эти некоторое время продолжали осаждать его, затем, осыпав заслуженными упреками, с презрением его оставили. При этом чем ничтожнее становился он в глазах людей, тем более жалким начинал он казаться самому себе. Он привык полагаться на лесть, и теперь, когда лишился этой опоры, голос сердца не в состоянии был утешить его, ибо он не привык к нему прислушиваться.

Все переменялось. Друзья более не расточали ему восторженных похвал, ограничиваясь простым одобрением, да и оно все чаще стало принимать форму дружеского совета, а за советом, если он его отвергал, следовали упреки. Тут он понял цену друзьям, которых привлекали к нему блага, им расточаемые. Тут-то понял он, что, если хочешь, чтобы сердце другого человека принадлежало тебе, нужно отдать ему взамен свое. Тут-то понял я, что... что... что же это я хотел сказать? Забыл!.. Короче говоря, сударь, он решил подумать о себе и составил план спасения своего быстро тающего состояния. Своеобычный и тут, он исходил пешком всю Европу, и теперь, хотя ему нет еще тридцати, он сделался богаче прежнего. Щедрость его стала разумнее и умереннее, но он по-прежнему слышет чудачком в благодеяния свои облакает в самую затейливую форму.

Я слушал мистера Берчелла с таким увлечением, что даже ни разу не взглянул вперед; но вдруг до моих ушей донеслись тревожные крики, и, повернув голову, я увидел младшую свою дочь посреди бурного потока, с которым она тщетно боролась: лошадь выбросила ее из седла. Она уже дважды погрузилась в воду с головой, а я не мог соскочить достаточно проворно, чтоб поспеть ей на помощь. Да и смятение мое было так велико, что я все равно не был бы в состоянии ее спасти; гибель ее казалась неминуемой. Но тут мой спутник, увидев, какая ей угрожает опасность, кинулся в воду и после значительных усилий доставил ее на противоположный берег,

Меж тем мы поднялись несколько выше по течению, нашли брод и благополучно переправились на ту сторону; вместе с дочерью пытались мы выразить свою признательность ее избавителю. Впрочем, благодарность ее легче представить, чем описать! Не столько словами, сколько взглядами выражала она свои чувства, продолжая между тем опираться на его руку, словно все еще нуждаясь в его поддержке. Жена тоже высказала надежду, что ей представится случай когда-нибудь отблагодарить его под нашей кровлей.

Затем, после того как мы все вместе подкрепились обедом в ближайшей харчевне, мистер Берчелл простился с нами, так как отсюда путь его лежал в другую сторону; мы поехали дальше, причем жена не преминула заметить, что он ей до чрезвычайности понравился, прибавив, что, если бы он был человеком благородного происхождения и обладал приличным состоянием, позволяющим ему думать о такой семье, как наша, она лучшего жениха для своей дочери и не пожелала бы. Я не мог удержаться от улыбки, слушая эту горделивую речь; впрочем, я никогда не считал нужным осуждать невинные заблуждения, если они доставляют человеку немного радости.

ГЛАВА IV

Даже при самом скромном достатке возможно счастье, ибо оно заложено в нас самих и не зависит от внешних обстоятельств

Новое наше пристанище находилось в небольшой деревушке, где поселяне пахали свою землю сами, не ведая ни нужды, ни избытка. В собственном хозяйстве находили они почти все необходимое и лишь изредка выезжали в город за покупками. Вдали от света они сохранили первозданную простоту и, скромные и непривередливые от века, даже не вменяли себе в заслугу свою умеренность. В будние дни они трудились, весело и с охотой, а в праздник предавались отдыху и развлечениям. В сочельник пели гимны, в утро святого Валентина дарили девушкам ленты, на масленицу пекли блины, первого апреля изощрялись

в остроумии и накануне Михайлова дня свято соблюдали обычай колоть орехи.

Предупрежденная о нашем прибытии, вся деревня в праздничных нарядах, под звуки флейты и барабана высыпала встречать своего нового священника. В нашу честь было приготовлено пиршество, и мы весело уселись за стол; пусть шутки и не блистали остроумием, зато смеялись им от души.

Наш домик стоял у косогора, позади подымалась прелестная рощица, впереди протекал говорливый ручей, по одну сторону простирался луг, по другую - полянка. Мне принадлежало около двадцати акров пахотной земли, после того над я уплатил своему предшественнику сто фунтов за право владения ею. Невозможно представить себе что-либо прелестней маленьких моих полей, окаймленных кустарником, среди которого высились вязы неопишущей красоты. Соломенная крыша придавала особенно уютный вид одноэтажному домику; внутри стены были чисто выбелены, и мои дочери взялись украсить их произведениями собственной кисти. Правда, одна и та же комната должна была служить нам гостиной и кухней, но нам от этого было только теплее. - К тому же содержалась она в образцовом порядке: блюда, тарелки и медные кастрюли были вычищены и натерты до блеска и стояли по полкам сверкающими рядами, так что любо было смотреть на них, и глаз не требовал более богатого убранства. В доме было еще три комнаты - в первой расположились мы с женой, во второй, смежной с нею, - наши две дочери, в третьей стояли две кровати для мальчиков.

Вот какой порядок был установлен в маленькой республике, которую я управлял: к восходу солнца все собирались в общей комнате, где уже горел огонь, разведенный служанкой. Обменявшись приветствиями, - а надо сказать, что я всегда стоял за то, чтобы близкие соблюдали друг с другом известные обряды вежливости, ибо излишняя свобода в обращении губительна для дружбы, мы склоняли голову и воздавали хвалу всевышнему, даровавшему нам еще один день. Исполнив этот долг, я отправлялся с сыном на обычные наши работы, между тем как жена и дочери готовили завтрак, за который мы садились всегда в одно и то же время. Этой трапезе я отводил полчаса, обеду - час; за столом жена и дочери болтали какой-нибудь невинный вздор, мы же с сыном заводили философскую беседу.

Вставая вместе с солнцем, мы прекращали свои труды с его заходом, и возвращались в лоно семьи, где нас ожидали приветливые взоры и уютный очаг, в котором весело потрескивали дрова. Не испытывали мы также и недостатка в гостях. И фермер Флембро, наш разговорчивый сосед, и слепой музыкант со своей флейтой - оба частенько заглядывали к нам отвесть нашей крыжовенной настойки; жена не забыла секрет приготовления этого напитка, который по-прежнему составлял гордость дома. Простодушные эти люди помогали нам коротать вечера каждый на свой лад: один играл на флейте, другой ему подпевал, услаждая наш слух какой-нибудь старинной балладой, вроде "Жестокой Барбары Аллен" или "Последнего "прости" Джонни Армстронга". День завершался так же, как и начинался, - молитвой, и тут я заставлял младших сыновей читать заданную на тот день главу из Писания. Кто читал громче, отчетливей и лучше другого, получал полпенса, которые и опускал в воскресенье в кружку для бедных.

Воскресный день у нас бывал днем истинного великолепия, и все мои попытки как-то ограничить эту пышность оказывались бесплодными. Тщетно чаял я проповедями своими против гордыни подавить тщеславие моих дочерей; тайное влечение к былой роскоши так или иначе обнаруживало себя, и они по-прежнему обожали кружева, ленты, узорную вышивку и стеклярус; и даже матушка их не могла перебороть свою страсть к пунцовому атласному платью, ибо я как-то обмолвился, что оно ей к лицу.

Особенно огорчили они меня в первое наше воскресенье на новом месте. Еще накануне я высказал пожелание, чтобы мои девицы были готовы пораньше, так как привык появляться в церкви задолго до своих прихожан. Они точно исполнили мое приказание; но когда мы утром собрались к завтраку, я увидел, что жена моя и дочери блистали нарядами совсем как в былые дни - волосы напомажены, лица усеяны мушками, шлейфы собраны сзади в шуршавший при малейшем движении узел. Я не удержался от улыбки при виде такого

тщеславия; от жены своей, во всяком случае, я ожидал большего благоразумия. Однако я не растерялся и с важностью обратился к сыну, чтобы тот велел закладывать карету. Девушки были поражены моим приказом, я, однако, повторил его еще торжественнее прежнего.

- Ты, верно, шутишь, мой друг, - воскликнула жена, - мы прекрасно дойдем пешком; нам уже не нужна больше карета!

- Ошибаешься, душа моя, - возразил я, - нам как раз очень нужна карета, ибо если мы пойдем в церковь в этом наряде пешком, то все мальчишки будут улюлюкать нам вслед.

- Вот как! - ответила жена. - А я - то думала, что мой Чарльз любит, чтобы его детки были чистенько и нарядно одеты.

- Чистенько и нарядно - пожалуйста! - прервал я ее. - Я буду только рад; но тут у вас не чистота, а просто-напросто мишура какая-то. Ваши оборки, рюши да мушки приведут лишь к тому, что нас возненавидят все женщины в приходе. Нет, дети мои, - продолжал я, оставив шуточный тон, - эти ваши платья придется перекроить, ибо франтовство вовсе не к лицу людям, чье состояние не позволяет предаваться подобной роскоши. Впрочем, и богачи - так ли уж пристало им бахвалиться великолепием своих нарядов? Ведь самый приблизительный подсчет покажет, что весь неимущий мир мог бы прикрыть свою наготу на то золото, что наши щеголи и щеголихи тратят на отделку своего платья.

Моя речь возымела действие: они тотчас и без возражений отправились переодеваться, а на следующий день, к великой моей радости, я обнаружил, что дочери сами, по своей воле, сели перекраивать шлейфы в воскресные жилетки для наших малышей - Дика и Билла. Замечательнее же всего то, что без шлейфов платья обеих девиц только выиграли!

ГЛАВА V

Новое и блистательное знакомство. То, на что мы более всего уповаем, обычно и губит нас

Неподалеку от дома, в тени боярышника и жимолости, мой предшественник поставил скамью. Сюда-то в хорошую погоду, когда работа спорилась, мы все собирались отдохнуть от дневных трудов и в вечерней тиши любоваться обширной панорамой, открывающейся взору. Здесь же иной раз пили мы чай; трапеза эта ныне казалась нам настоящим пиршеством; мы справляли ее не каждый день, и всякий раз испытывали неизведанное доселе удовольствие, облакая все хлопоты, связанные с ее приготовлением, чрезвычайной торжественностью. Покуда мы пили чай, оба наших малыша поочередно читали вслух и свою порцию получали после взрослых. Иногда же, разнообразия ради, дочка пели, сопровождая себя на гитаре; мы с женой во время такого концерта обычно прохаживались по зеленому склону, украшенному колокольчиками и васильками, с упоением беседуя о наших детях и наслаждаясь ветерком, который, казалось, нес нам здоровье и душевный покой.

Постепенно мы пришли к убеждению, что всякое состояние таит в себе какие-нибудь, ему одному свойственные радости. Каждое утро мы вставали, чтобы вновь приняться за труды; зато вечером мы могли предаваться безмятежному веселью.

Однажды в начале осени, в праздник, - а праздники я соблюдал, ибо надо же было когда-нибудь и отдыхать, - мы собрались в привычном месте, и дочка по обыкновению своему затеяла концерт. Вдруг шагах в двадцати от нас быстро пронесся олень, и по его частому дыханию мы заключили, что за ним гонятся охотники. Не успели мы как следует погоревать о бедняге, как увидели мчавшихся за оленем по той же тропе собак и всадников. Я хотел тут же вернуться в дом со всем своим семейством, но любопытство ли было виной, или внезапность, или еще какая, более затаенная причина, а только жена моя с дочками не двинулись с места. Охотник, ехавший впереди всех, пролетел мимо нас, за ним столь же стремительно проскакало еще четверо или пятеро всадников.

Наконец появился какой-то молодой человек, по наружности более благородного происхождения, чем остальные; он круто осадил коня, некоторое время разглядывал нас и, вместо того чтобы следовать за охотниками, соскочил наземь, бросил поводья слуге, который сопровождал его, и легкой, небрежной походкой направился к нам. Не взяв на себя

труда представиться, он подошел к моим дочкам и, - очевидно, не сомневаясь в ласковом приеме, - намеревался приветствовать их поцелуем; но они уже с малых лет постигли искусство единым взглядом пресекать дерзость в самом ее зародыше. Тогда, сообщив, что его фамилия Торнхилл, а также что обширные угодья, расстилавшиеся вокруг, принадлежат ему, он снова приблизился, чтобы поцеловать мою жену и дочерей, и - таково обаяние богатства и красивого наряда! - на этот раз ему отказа не было. Непринужденность его манер, - не лишенных, правда, некоторой доли самонадеянности, - вскоре передалась и нам; заметив музыкальные инструменты, лежавшие подле нас, он стал уговаривать моих дочерей спеть. Не в моих правилах поощрять дружбу с неровней, поэтому я мигнул девочкам, чтобы они не соглашались; однако намек мой остался втуне, ибо, увидев, что матушка одобрительно им кивает, они, не задумываясь, спели модную песенку Драйдена.

Мистер Торнхилл пришел в восторг и от исполнения и от выбора и, когда они кончили, сам схватил гитару. Играл он весьма посредственно: тем не менее старшая моя дочь отплатила ему за его похвалы с лихвой, уверяя, что он играет еще громче, чем ее учитель музыки. На этот комплимент он отвечал поклоном, она же, в свою очередь, сделала ему реверанс. Он стал расхваливать ее вкус, она - изумляться тонкости его суждения; можно было подумать, что они уже век знакомы; а любящая мать, разделяя их восторг, стала усиленно приглашать молодого помещика в дом - отведать крыжовенной настойки. Вся семья, казалось, только и думала, как ему угодить; девицы мои стремились развлекать его разговором на самые, по их мнению, злободневные темы, в то время как Моисей, напротив, задал ему несколько вопросов, касающихся древних писателей, за что и был награжден смехом; малыши тоже так и льнули к новому знакомцу. С трудом удерживал я их от того, чтобы они своими грязными пальчиками не пачкали кружева его костюма и не задирали клапаны карманов, желая ознакомиться с их содержимым. С наступлением вечера он стал прощаться, но прежде попросил разрешения повторить свой визит, и мы с величайшей готовностью позволение свое дали - как-никак мы жили в его владениях!

Не успел он уйти, как жена открыла военный совет, посвященный исходу сражения. Она была довольна: и не такое сбывалось! Настанет день, говорила она, когда мы снова поднимем голову и будем не хуже всяких иных прочих, и, наконец, с какой это стати морщинистые мисс Ринкльс обе нашли себе по богатому жениху, а ее собственные дети ни одного? Так как последний довод адресовался прямо ко мне, я отвечал, что и сам не вижу никаких к тому причин, так же как не вижу, почему мистер Симкинс выиграл десять тысяч фунтов в лотерее, а мы ничего.

- Право, Чарльз! - воскликнула жена. - Вечно ты так, чуть только мы с девочками воспрянем духом, ты непременно должен испортить нам настроение. Софья, дружок, как тебе показался гость? Не правда ли, мил?

- Очень даже, матушка, - отвечала та, - обо всем-то он может говорить, никогда-то не растеряется; и чем ничтожней предмет разговора, тем больше мыслей высказывает он о нем.

- Ну да, - возразила Оливия, - он человек, может, и неплохой, но мне, признаться, совсем не по душе; он так развязан и дерзок и на гитаре играет из рук вон плохо.

Оба эти высказывания я истолковал в обратном смысле. Надо было понимать, что Софья столь же в душе презирает его, сколь восхищается им втайне Оливия.

- Что бы вы о нем ни думали, дети мои, - сказал я, - мне, говоря откровенно, он не очень-то пришелся по сердцу. Неравная дружба всегда кончается разочарованием; и мне показалось, что, несмотря на всю свою непринужденность, он не забывал ни на минуту о расстоянии, разделяющем нас. Будем лучше держаться людей нашего круга! Все мы презираем охотников за приданым, но ведь девушка, если она охотится за богатым женихом, ничуть не лучше! Итак, даже если бы его намерения и оказались честными, мы все равно были бы достойны презрения; а если нет... Я содрогаюсь при одной мысли о том! Конечно, поведение моих дочек не внушает мне ни малейшей тревоги, но его репутация заставляет меня насторожиться.

Я хотел было высказать еще несколько соображений по этому поводу, но тут вошел

слуга помещика; он принес нам олений бок и сказал, что его господин велел кланяться и что он намерен отобедать у нас на этой педеле. Подарок был так кстати и так красноречиво свидетельствовал в пользу нашего нового знакомца, что все мои дальнейшие речи все равно были бы бессильны стереть это выгодное впечатление. Я молчал, довольствуясь тем, что указал на опасность, избежать которую теперь зависело от них самих. Ибо та добродетель, что нуждается в постоянном стороже, едва ли стоит того, чтоб ее сторожили.

ГЛАВА VI

Радости сельской жизни

Так как спорили мы до появления оленьего бока довольно горячо, то ради наискорейшего восстановления семейного мира все единодушно сошлись на том, чтобы часть оленины зажарить к ужину. Дочки живо принялись за дело.

- Какая жалость, - воскликнул я, - что ни сосед, ни путник не заглянет к нам сегодня и не разделит с нами нашу роскошную трапезу, ибо всякое блюдо становится вкуснее, когда приправой ему служит гостеприимство!

- Смотрите-ка, кто идет! - вскричала тут жена. - Наш добрый мистер Берчелл, - тот самый, что спас Софью и переспорил вас.

- Переспорил меня?! - возразил я. - Душа моя, вы ошибаетесь. Человека, который способен меня переспорить, не так то легко найти. Я никогда не высказывал сомнений в вашей способности приготовить паштет из гусяной печени, там, где дело идет о споре, предоставьте, мой друг, мне самому судить.

Едва успел я произнести эти слова, как вошел бедный мистер Берчелл; вся семья радушно приветствовала его, все с чувством жали ему руку, а малютка Дик услужливо пододвинул ему стул.

Я был рад дружить с беднягой по двум причинам: во-первых, он искал моей дружбы, а во-вторых, всячески пытался выказать мне свою. Говорили, будто он был происхождения благородного, хоть и беден, и что молодость его прошла как-то безалаберно, - впрочем, ему и сейчас еще не было тридцати. Иной раз от него можно было услышать весьма дельное слово; однако большую часть времени он проводил с детьми, с этим "незловивым народцем", как он их называл. Он был мастер петь баллады и рассказывать сказки, и невозможно было представить себе, чтобы он вышел из дому с пустыми карманами, - непременно припасет для детишек либо пряник, либо грошовую свистульку. Он имел обыкновение раз в год на несколько дней забредать в наши края и тогда пользовался гостеприимством кого-нибудь из поселян.

Мы усадили его ужинать с нами, и жена щедрой рукой разливала крыжовенную настойку. Пошли рассказы; он спел нам несколько старинных песенок, а детям поведал историю Беверлендскэго Оленя, повесть о терпеливой Гризельде, приключения Кота Мурлыки и, наконец, рассказал о замке прекрасной Розамонды. Между тем петух наш, который всегда кричал в одиннадцать, возвестил, что пора отправляться на покой; тут возникло непредвиденное затруднение с устройством нашего гостя на ночь; в доме не оказалось свободной постели, стучаться же на постоялый двор было поздно. Выход нашел малютка Дик, сказав, что уступит гостю свою часть постели, а сам ляжет с братцем Мозесом, если тот не будет возражать.

- А я, - подхватил Билл, - уступлю мистеру Берчеллу свою половину, если меня приютят сестрички!

- Bravo, детки! - вскричал я. - Молодцы! Гостеприимство есть первейший долг христианина. Зверь лесной идет в свое логово, птица небесная летит в гнездышко, а беспомощный человек находит пристанище только среди себе подобных.

Величайшим скитальцем в этом мире был тот, кто пришел спасти его: он не имел своего дома, словно нарочно, чтобы испытать наше гостеприимство. Дебора, душа моя, - обратился я к жене, - дай мальчишкам по кусочку сахара, да смотри, чтобы Дику достался кусок побольше, - ведь главный затейщик тут он!

Рано поутру я позвал всю семью ворошить сено от второго укуса; гость вызвался

помогать, и мы охотно приняли его в компанию; работа спорилась; мы переворачивали ряд за рядом; я шел впереди, остальные - на мной следом. И все же от меня не ускользнуло рвение, с каким мистер Берчелл помогал Софье справляться с ее уроком. Закончив свою работу, он всякий раз принимался за ее участок, и между ними завязывалась оживленная беседа; впрочем, я был самого высокого мнения о Софьином благоразумии, знал, что честолюбие ей не чуждо, и мне даже в голову не приходило, чтобы нищий неудачник мог представлять для нее какую-либо опасность. Вечером мы снова пригласили мистера Берчелла ночевать у нас; на этот раз он, однако, отказался - его ждали у соседа, он даже запасся свистулькой для его сынишки.

За ужином, когда мы остались одни, разговор коснулся только что покинувшего нас злополучного молодого человека.

- Бедняга! - воскликнул я. - На его примере можно видеть, сколь пагубно предаваться легкомысленным проказам и расточительству в юные годы. Вот ведь - и умом как будто не обижен, но тем непростительнее бывшие его безрассудства! Несчастный горемыка! Где они все - льстецы и гуляки, некогда столь послушные его воле? Как знать, может быть, угождают своднику, который разбогател благодаря его мотовству! Те же самые люди, что когда-то превозносили своего покровителя до небес, поют теперь хвалу этому своднику; те, что прежде приходили в восторг от его остроумия, теперь глумятся над его простотой. Он беден, и сам виноват в своей бедности, ибо у него нет ни стремления стать независимым, ни навыка к какому-нибудь полезному ремеслу.

Тайная причина побудила меня высказаться, быть может, с большей суровостью, чем следовало, и Софья тотчас мягко меня упрекнула.

- Как бы ни заблуждался он прежде, - сказала она, - нынешние его обстоятельства, мне кажется, должны были бы оградить его от нареканий. За бывшие свои безрассудства он и без того наказан тем, что так беден. И не вы ли сами, батюшка, учили нас, что не следует лишний раз бичевать того, на кого провидение и так обрушило карающую руку?

- Твоя правда, Софья! - воскликнул мой сын Мозес. - И у одного из древних писателей находим мы великолепный пример подобной жестокости в лице деревенского невежды, который пытается освежевать Марсия, после того как, согласно преданию, с него уже содрали кожу. К тому же я вовсе не уверен, что нашему бедняку так уж худо, как вы, батюшка, думаете. О чувствах других людей не следует судить по себе. Каким бы мрачным не представлялось нам жилище крота, сам зверек, в нем обитающий, находит свои хоромы достаточно светлыми. И сказать по чести, я не заметил, чтобы гость наш особенно тяготился своим положением, - право же, Софья, всякий раз, как я видел его беседующим с тобой, мне казалось, что я вижу самого счастливого человека на свете.

Слова эти, произнесенные без какой-либо задней мысли, тем не менее вызвали на щеках Софьи румянец, и для того, чтобы скрыть его, она стала смеяться, уверяя брата, что даже не расслышала толком, о чем говорил ей гость, но что он, должно быть, и в самом деле некогда был блестящим молодым человеком. Горячность, с какой она оправдывалась, и самый ее румянец не совсем пришлись мне по сердцу, однако я решил не давать воли своей мнительности.

Так как помещик обещал прийти на следующий день, жена отправилась готовить олений паштет; Мозес погрузился в книгу, а я занялся с малышами; дочери тоже не сидели сложа руки; я долго наблюдал, как они что-то такое варят на огне. Я полагал, что они решили помочь своей матушке. Но малютка Дик шепотом сообщил мне, что они готовят туалетную воду. Питая предубеждение против всех этих притираний и снадобий, ибо мне точно известно, что, нимало не улучшая цвет лица, они, напротив, для него губительны, я неприметно пододвинул свое кресло к камину, схватил кочергу и начал ворошить ею дрова якобы для того, чтобы поправить огонь, и вдруг, как бы невзначай, перевернул весь состав - приготовить его заново они бы уже не успели.

ГЛАВА VII

Столичный остряк. Самый последний тупица может показаться

занимательным в течение одного-двух вечеров

На другой день мы ждали к себе мистера Торнхилла, и можно вообразить, какие были произведены опустошения в кладовой: не хотелось ударить в грязь лицом! Жена и дочери, разумеется, пожелали предстать перед гостем в самом радужном своем оперении. Мистер Торнхилл прибыл в сопровождении двух приятелей, псаря и собственного капеллана. Своим многочисленным слугам, чтобы не обременять нас, он приказал отправиться в ближайший трактир. Но жена, обуреваемая гордыней, пожелала распространить свое гостеприимство также и на слуг - вследствие чего, замечу кстати, в течение последующих трех недель стол наш был весьма и весьма скромнен. Правда, намек, брошенный накануне мистером Берчеллом, будто бы мистер Торнхилл сватается к мисс Уилмот, бывшей невесте сына моего, Джорджа, несколько умерил наше радушие; впрочем, случай помог ослабить натянутость, которую все невольно испытывали: ибо, когда, не помню кто, невзначай упомянул ее имя, мистер Торнхилл тотчас воскликнул, что просто понять не может, как такую дурнушку называют красавицей, - и даже при этом побожился.

- Да я бы скорее остановил свой выбор на одном из страшилищ, что украшают церковь святого Дунстана, - прибавил он. - Разрази меня молния, если это не так!

Он рассмеялся, а вслед за ним засмеялись и мы: шутки богача всегда остроумны. Оливия же притом еще не удержалась и шепотом, достаточно, однако, громким, заметила, что мистер Торнхилл обладает неиссякаемым запасом остроумия.

После обеда я предложил свой обычный тост - за церковь. Капеллан поблагодарил меня, сказав, что церковь является его единственной возлюбленной.

- А что, Франк, признайся, - начал помещик со своей обычной лукавой усмешкой, - что, если бы церковь, твою возлюбленную, как ты ее величаешь, разодетую в батист, поставить по одну сторону, а мисс Софию, без всякого батиста, по другую, - кого бы ты выбрал?

- Обоих, конечно! - воскликнул капеллан.

- Молодчина, Франк! - вскричал помещик. - И пусть я захлебнусь этим вином, если хорошенькая девушка не стоит всех попов на свете! Ведь все эти церковные десятины и прочее - дьявольский обман, и ничего больше! Я берусь доказать, что это так.

- Сделайте милость, докажите! - воскликнул сын мой Мозес. - Я же со своей стороны постараюсь опровергнуть вас.

- Отлично, сударь! - вскричал помещик, сразу смекнув, с кем имеет дело, и подмигнув, как бы приглашая всех принять участие в предстоящей забаве. Если вы хотите начать диспут, я принимаю ваш вызов. Но прежде всего нам нужно установить, как вы намерены вести его - аналогическим или диалогическим методом?

- Я желал бы вести его на разумных началах, - отвечал Мозес, в восторге от того, что ему представилась возможность выступить в словесном поединке.

- Вот и отлично! - воскликнул помещик. - Итак, я полагаю, вы не станете отрицать, что все сущее существует? Если вы не примете этого постулата, мне придется уклониться от дальнейшего обсуждения.

- Что ж, - ответствовал Мозес, - это я, пожалуй, могу допустить. Будь по-вашему.

- Я полагаю также, - продолжал его оппонент, - что вы согласитесь с тем, что часть меньше целого?

- Допускаю! - вскричал Мозес. - Ибо это не только справедливо, но и разумно.

- Полагаю, - воскликнул помещик, - что вы не станете отрицать, что сумма трех углов треугольника равна сумме двух прямых углов?

- Это не подлежит никакому сомнению, - отвечал тот и важным своим взором окинул всех нас.

- Превосходно! - вскричал помещик и продолжал скороговоркой: - Итак, на основании обусловленных мною предпосылок, позвольте мне заметить, что взаимосвязанность самостоятельных существования, имеющая место при обратимом двойном взаимоотношении, само собой разумеется, вызывает возможный диалогизм, который в известной мере доказывает, что сущность духовного субстрата следует отнести к категории

вторичных предиктов.

- Погодите, сударь! - вскричал тут Мозес. - Я отрицаю это положение. Или вы полагаете, что я так, без боя, приму столь еретическую доктрину?

- Как? - воскликнул помещик в притворном иступлении. - Не примете? Извольте же ответить мне на следующий вопрос: согласны ли вы с Аристотелем, когда он утверждает, что родственное родственно?

- Безусловно, - отвечал Мозес.

- В таком случае, - вскричал помещик, - отвечайте без обиняков на следующий мой вопрос: чего, по вашему мнению, недостает в первой части моего силлогизма: *secundum quoad* или *quoad minus*? Да приведите ваши доводы тут же, без обиняков, слышите?

- Прошу прощения, сударь, - отвечал Мозес, - я еще не могу оценить всю силу вашей аргументации; впрочем, если бы вы представили ее в виде одной-единственной посылки, то я думаю, что без труда мог бы ответить вам.

- Нет уж, сударь! - вскричал помещик. - Увольте! Вы, оказывается, хотите, чтобы я снабдил вас не только аргументами, но и мозгами. Прошу прощения, сударь, но вы слишком многого захотели!

Все стали смеяться над беднягой Мозесом, который один хранил унылый вид среди веселых лиц, его окружавших; в течение всего вечера он не проронил более ни слова. Мне вся эта сцена не доставила ни малейшего удовольствия. Зато Оливия принимала все ходячие, истасканные остроты нашего гостя за чистую монету, вследствие чего он и сам показался ей в высшей степени блистательным молодым джентльменом; и если вспомнить, что в понятие это входят стройный стан, изысканный наряд и хорошее состояние, то нам не трудно будет простить ее заблуждение. Несмотря на то, что на самом деле мистер Торнхилл был сущим невеждой, он умел непринужденно болтать, с величайшей легкостью разглагольствуя обо всем, что составляло обычный предмет разговоров в гостиных. Удивительно ли, что, обладая такими талантами, он завоевал расположение девушки, привыкшей ценить в себе, а следовательно и в других, один лишь внешний лоск?

Когда наш гость ушел, мы снова принялись обсуждать его достоинства. Так как все взоры и речи свои он обращал к Оливии, никто уже не сомневался, что она и была причиной его посещения. Да и сама она как будто без досады принимала добродушное подтрунивание сестры и брата. Моя Дебора тоже вся сияла, торжествуя победу дочери, словно то была ее собственная победа.

- Теперь, мой друг, - обратилась она ко мне, - я тебе, так и быть уж, признаюсь, что это я разрешила девочкам принимать ухаживания нашего помещика. Я ведь никогда не падала духом, и вот теперь ты видишь, что я права! Ибо кто знает, чем все это кончится?

- Кто знает! - повторил я со вздохом. - По правде сказать, мне это совсем не нравится: человек бедный да честный, признаться, мне больше был бы по душе, нежели блистательный этот джентльмен со всем его богатством и безбожием. И если он на самом деле таков, каким он мне кажется, знай: не видать вольнодумцу моего дитяти!

- Однако, отец, - воскликнул Мозес, - не чересчур ли вы суровы? Ведь небо карает не за помыслы, а за поступки. У всякого человека могут оказаться греховные мысли, коих он не в силах в себе побороть. Быть может, и в данном случае вольные мысли о религии забрели в голову этому джентльмену нечаянно. А раз так, то как бы порочны ни были его мысли, сам он, являясь лишь пассивным их вместилищем, не более виноват в своих заблуждениях, чем правитель города, не защищенного крепостной стеной, в том, что в него вторглись неприятельские полчища.

- Верно, сын мой, - возразил я, - но правитель, который зазывает к себе неприятельскую армию сам, никакого снисхождения не заслуживает. Точно так же обстоит дело с теми, кто намеренно идет навстречу заблуждению. И не в том беда, что они не в силах устоять против некоторых доводов, которые кажутся им убедительными, а в том, что на другие доказательства, которые предлагаются их вниманию, они и взглянуть не желают. И пусть мы не вольны в своих мыслях в ту минуту, когда они у нас возникают, все же они получают

доступ к нам либо вследствие закоренелой развращенности нашей, и тогда мы заслуживаем наказания, либо по причине крайнего легкомыслия, и тогда мы достойны презрения.

Тут жена вступила в разговор, уведя его, впрочем, несколько в сторону. Она заметила, что среди наших знакомых, к тому же вполне почтенных, можно насчитать немало вольнодумцев и что они тем не менее все оказались превосходными мужьями, не говоря о том, что она знавала девиц, которые, выйдя замуж за вольнодумцев, так искусно повели дело, что мужья их вскоре превратились в самых добрых христиан.

- И кто знает, друг мой, - заключила она, - чего только не удастся добиться нашей Оливии! Девочка за словом в карман не полезет, о чем ни заговори, да и спор вести она как будто мастерица.

- Вести спор, душа моя? Разве она читала какие-нибудь полемические сочинения? Не помнится мне, чтобы я давал ей подобные книги. Ты, право, преувеличиваешь ее достоинства.

- Ах нет, батюшка, - возразила тут Оливия, - ничуть. Я перечитала ужас сколько рассуждений. Я читала диспут между Твакумом и Сквэром, спор Робинзона Крузо с дикарем Пятницей, и сейчас как раз читаю о словесном состязании в "Благочестивых влюбленных".

- Отлично, - вскричал я, - умница! Теперь я вижу, что ты просто создана для того, чтобы обращать вольнодумцев на путь истинный, - так поди же помоги матушке испечь пирог с крыжовенной начинкой!

ГЛАВА VIII

Любовь, которая поначалу сулит мало хорошего, в конце концов может оказаться источником, большого счастья

На следующее утро нас вновь посетил мистер Берчелл, а между тем я, имея на то особые причины, начинал уже находить его визиты чересчур частыми. Но что делать? Не отказывать же бедняге от дома! Труд его, правда, более чем окупал гостеприимство, которое мы ему оказывали, ибо он работал вместе с нами, не жалея сил, и чем бы мы ни были заняты - воротили ли сено, или складывали его в скирды, - старался за двоих. Под его забавный разговор всем нам работалось веселей, да и сам он был так умен, до такой степени ни на кого не похож, что невольно возбуждал и любовь, и смех, и сердечное участие. Не нравилась мне в нем только явная его привязанность к моей Софье. Он шутивно величал ее своей маленькой госпожой, а когда дарил моим дочерям ленты, то самые красивые доставались младшей. Каким-то непостижимым для меня образом с каждым днем он все больше чаровал нас своим обхождением, замечания его казались нам все остроумнее, и даже в самом простодушии его мы теперь видели особую мудрость.

Обедали мы тут же, на лугу, и сидели, вернее сказать возлежали, за своей скромной трапезой, постлав скатерть прямо поверх сена, причем душой пиршества был мистер Берчелл. Перекликавшиеся друг с другом два дрозда да дерзкие малиновки, которые прилетали клевать крошки прямо с наших ладоней, довершали идиллию, а звуки, которые доносились до наших ушей, казались лишь эхом, лишь отзвуком безмятежности, нас охватившей.

- Всякий раз, как я сижу вот так, - говорила Софья, - я невольно вспоминаю столь прелестно описанных мистером Геєм влюбленных, которых смерть сразила в объятиях друг друга. Описание это так трогательно, что я сто раз, наверное, перечитывала его, всякий раз заново им восхищаясь!

- А по мне, - возразил мой сын, - самые сильные места в этой картине уступают тем, что мы встречаем в "Акиде и Галатее" Овидия. У римского поэта сильнее развито чувство контраста, а ведь искусство трогать сердца зиждется как раз на умелом использовании этого приема.

- Замечательно, - сказал мистер Берчелл, - что оба названных вами поэта в одинаковой степени способствовали развитию дурного вкуса у себя на родине, ибо у обоих можно видеть чрезмерное увлечение эпитетом. Поэты же посредственного дарования обнаружили, что легче всего подражать им в их недостатках; и вот английская поэзия, точно так же, как и

поэзия Римской империи, представляет собой лишь набор пышных образов, без всякой связи и содержания; цепь эпитетов, ласкающих слух, но не прибавляющих ничего к смыслу. Впрочем, сударыня, я смело критикую других, и вы вправе требовать, чтобы я сам предстал перед судом людским. Согласен с вами, и, признаться, затем только и сделал свое замечание, чтобы иметь предлог прочитать собравшемуся обществу балладу; каковы бы ни были ее недостатки, она, во всяком случае, лишена тех, о которых я сейчас говорил.

БАЛЛАДА

- Веди меня, пустыни житель,
Святой анахорет;
Близка желанная обитель;
Приветный вижу свет.
Устал я: тьма кругом густая;
Запал в глуши мой след;
Безбрежней, мнится, степь пустая,
Чем дальше я вперед.
- Мой сын, - в ответ пустыни житель,
Ты призраком прельщен:
Опасен твой путеводитель
Над бездной светит он.
Здесь чадам нищеты бездомным
Отверзта дверь моя,
И скудных благ уделом скромным
Делюсь от сердца я.
Войди в гостеприимну келью;
Мой сын, перед тобой
И брашно с жесткою постелью,
И сладкий мой покой.
Есть стадо, - но безвинных кровью
Руки я не багрил:
Меня творец своей любовью
Щадить их научил.
Обед снимаю непорочный
С пригорков и полей,
Деревья плод дают мне сочный,
Питье дает ручей.
Войди ж в мой дом - забот там чужды;
Нет блага в суете:
Нам малые даны здесь нужды,
На малый миг и те.
Как свежая роса денницы
Был сладок сей привет;
И робкий гость, склоня зеницы,
Идет за старцем вслед.
В дичи глухой, непроходимой
Его таился кров
Приют для сироты гонимой,
Для странника - покров.
Непышны в хижине уборы,
Там бедность и покой;
И скрипнули дверей растворы
Пред мирною четой.
И старец зрит гостеприимный,

Что гость его уныл,
И светлый огонек он в дымной
Печурке разложил.
Плоды и зелень предлагает,
С приправой добрых слов;
Беседой скуку озлащает
Медлительных часов.
Кружится резвый кот пред ними;
В углу кричит сверчок:
Трещит меж листьями сухими
Блестящий огонек.
Но молчалив пришлец угрюмый;
Печаль в его чертах;
Душа полна прискорбной думы
И слезы на глазах.
Ему пустынный отвечает
Сердечною тоской:
- О юный странник, что смущает
Так рано твой покой?
Иль быть убогим и бездомным
Творец тебе судил?
Иль предан другом вероломным?
Или вотще любил?
Увы! спокой себя; презренны
Утехи благ земных;
А тот, кто плачет, их лишенный,
Еще презренней их.
Приманчив дружбы взор лукавый,
Но ах! как тень вослед
Она за счастьем, за славой,
И прочь от хилых бед.
Любовь... любовь, Прелест игрою;
Отрава сладких слов:
Незрима в мире: лишь порою
Живет у голубков.
Но, друг, ты робостью стыдливой
Свой нежный пол открыл...
- И очи странник торопливо,
Краснея, опустил.
Краса сквозь легкий проникает
Стыдливости покров;
Так утро тихое сияет
Сквозь завес облаков.
Трепещут перси; взор склоненный;
Как роза, цвет ланит...
И деву-прелесть изумленный
Отшельник в госте зрит.
- Простишь ли, старец, дерзновенье,
Что робкою стопой
Вошла в твое уединенье,
Где бог один с тобой?
Любовь надежд моих губитель,

Моих виновник бед;
Ищу покоя, но мучитель
Тоска за мною вслед.
Отец мой знатностию, славой
И пышностью гремел;
Я дней его была забавой;
Он все во мне имел.
И рыцари стеклись толпою:
Мне предлагали в дар
Те - чистый, сходный с их душою,
А те - притворный жар.
И каждый лестью вероломной
Привлечь меня мечтал...
Но в их толпе Эдвин был скромный;
Эдвин, любя, молчал.
Ему с смиренной нищетою
Судьба одно дала:
Пленять высокою душою;
И та - моей была!
Роса на розе, цвет душистый
Фиалки полевой
Едва сравниться могут с чистой
Эдвиновой душой.
Но цвет с небесною росой
Живут один лишь миг:
Он одарен был их красою,
Я - легкостию их.
Я гордой, хладною казалась;
Но мил он втайне был;
Увы! Любя, я восхищалась,
Когда он слезы лил.
Несчастный!.. Он не снес презренья;
В пустыню он помчал
Свою любовь, свои мученья
И там в слезах увял.
Но я виновна; мне страданье;
Мне увядать в слезах,
Мне будь пустыня та изгнанье,
Где скрыт Эдвинов прах.
Над тихою его могилой
Конец свой встречу я,
И приношеньем тени милой
Пусть будет жизнь моя!
- Мальвина! - старец восклицает,
И пал к ее ногам...
О, чудо! Их Эдвин лобзает;
Эдвин пред нею сам.
- Друг незабвенный, друг единый!
Опять навек я твой!
Полна душа моя Мальвиной
И здесь дышал тобой.
Забудь о прошлом; нет разлуки;

Сам бог вещает нам:
Все в жизни радости и муки,
Отныне - пополам.
Ах! будь и самый час кончины
Для двух сердец один:
Пусть с милой жизнью Мальвины
Угаснет и Эдвин.
{Перевод В. А. Жуковского.}

Нежное участие, казалось, примешивалось к одобрению, с каким Софья слушала балладу. Внезапный выстрел, раздавшийся где-то совсем близко, нарушил наш покой. В ту же минуту из кустарника выскочил охотник и стал искать подстреленную птицу. Охотником оказался капеллан помещика, его жертвой - один из двух дроздов, что так приятно улаживали нас своим пением. Громкий выстрел, к тому же прозвучавший чуть ли не над самым ухом, порядком напугал моих дочерей, так что Софья, я заметил, со страху даже бросилась в объятия мистера Берчелла, как бы ища у него защиты.

Охотник подошел и попросил прощения за то, что причинил нам беспокойство; он и представления не имел, сказал он в свое оправдание, что мы находимся поблизости. Затем, подсев к моей младшей дочери, по обычаю охотников поднес ей трофеи, доставшиеся ему этим утром. Софья собралась уже отказаться, но матушка сделала ей тайный знак глазами, - она быстро поправилась и приняла подарок, правда, не очень охотно. Верная себе, матушка ее не стала скрывать своего торжества и шепотом заметила, что Софья одержала такую же победу над капелланом, какую одержала Оливия над его хозяином. Я, однако, подозревал, и не без основания, что мысли нашей Софьи были устремлены совсем в другую сторону. Оказывается, капеллан шел известить нас о том, что мистер Торнхилл намерен в честь наших дочерей дать бал при луне, на лужайке против нашего дома, с музыкой и угощением.

- Не стану скрывать, - присовокупил капеллан, - что имею особую корысть в том, чтобы первым доставить вам эту весточку, так как надеюсь, что в награду мисс Софья согласится быть моей дамой на этом балу.

Софья отвечала, что была бы счастлива принять его приглашение, если бы это было совместимо с ее чувством справедливости.

- Но вот джентльмен, - продолжала она, указывая взглядом на мистера Берчелла, - разделявший со мной все тяготы этого дня и поэтому имеющий право делить также и радости его.

Любезно поблагодарив ее за внимание, мистер Берчелл тем не менее уступил свое право капеллану, говоря, что в этот вечер он зван за пять миль от нас на торжественный ужин в честь праздника урожая. Признаться, отказ его меня удивил; и уж совсем было мне невдомек, как это моя младшая дочь, девица, казалось бы, рассудительная, могла предпочесть человеку вполне обеспеченному человека, чье состояние было вконец расстроено. Впрочем, тут, видно, закон один - если оцепить женщину по достоинству может лучше всего мужчина, то и в нас никто так хорошо не разбирается, как дамы. Мужчины и женщины словно нарочно поставлены шпионить друг за другом, и при этом и те и другие обладают особым даром, позволяющим им безошибочно друг о друге судить.

ГЛАВА IX

На сцене появляются две знатные дамы. Изысканный наряд предполагает изысканные манеры

Едва успел мистер Берчелл откланяться, а Софья принять приглашение капеллана, как из дома примчались мои малыши, чтобы сообщить, что к нам прибыл помещик и с ним целая толпа народу. Мы поспешили домой, где застали помещика с его прихлебателями и двумя нарядными молодыми особами, которых он нам представил как знатных дам, пользующихся большим влиянием в столичном свете, где они привыкли блистать. Когда обнаружилось, что для такого многочисленного общества у нас не хватает стульев, мистер Торнхилл тотчас предложил, чтобы дамы посадили джентльменов себе на колени. Этому я воспротивился

самым решительным образом, оставив без внимания неодобрительный взгляд, который жена метнула в мою сторону. Тотчас снарядили Мозеса за стульями к соседу. А так как оказалось, что для контрданса не хватает дам - то два джентльмена, прибывшие с мистером Торнхиллом, присоединились к Мозесу, чтобы заодно подыскать себе пару. Ни дамы, ни стулья не заставили себя ждать. Джентльмены привели двух румяных дочерей соседа Флембро; на макушке у каждой красовалось по алому бантику.

Но одно непредвиденное обстоятельство чуть было не испортило всего дела: хоть обе мисс Флембро и почитались первейшими плясуньями в нашем приходе, в совершенстве владея искусством джиги и хороводных плясок, они не имели ни малейшего понятия о контрдансе. Сперва мы были несколько обескуражены, но затем принялись их вертеть в разные стороны: то легонечко подтолкнем одну, то подтянем за руку другую, и, глядишь, все пошло как по маслу! Оркестр наш составляли две скрипки, флейта и барабан. Ярko светила луна; бал открыли мистер Торнхилл с моей старшей дочерью, вызвав восторг зрителей: прослышав о том, что у нас затевается, соседи сбежались и обступили нас со всех сторон.

Движения моей дочери были преисполнены такой грации, столько в них было огня, что жена не удержалась и стала уверять меня, будто девчонка только потому так ловко пляшет, что переняла все фигуры у матери. Столичные гости, как ни старались подражать ей, все не могли держаться с такой же легкостью. Они плыли, приседали, замирали и подскакивали но все это было не то. Правда, зеваки говорили, что танцуют они великолепно, но, по меткому замечанию соседа Флембро, "ножки мисс Ливви так и вторят музыке - что твое эхо!". И часу не прошло, как столичные дамы, опасаясь простуды, предложили закончить бал. Одна из них при этом выразилась весьма, на мой взгляд, грубо.

- Черт меня подери, - сказала она, - я ужас как взопрела!

Дома нас ожидал изысканный холодный ужин, который мистер Торнхилл позаботился привезти с собой. Разговор сделался немного чопорнее; тут уж столичные дамы совершенно затмили моих девиц - они только и говорили, что о свете и светской жизни; коснулись также таких модных тем, как художества, благородный вкус, Шекспир и музыкальные стаканы. Правда, раза два, к великому нашему смущению, они обмолвились бранным словом, но тогда я принял это за вернейший признак светскости (впоследствии, впрочем, я узнал, что сквернословие нынче уже вышло из моды). Однако великолепие их одежды служило как бы вуалью, благодаря которой грубое выражение, слетавшее с их уст, теряло свою резкость.

Девицы мои смотрели на гостей с нескрываемой завистью и восхищением. Все, что в их манерах не совсем отвечало нашему представлению о приличии, мы относили за счет хорошего тона, принятого в высшем обществе. А необычайное снисхождение, какое оказывали нам эти дамы, затмевало в наших глазах все прочие их достоинства. Одна из них заметила, что Оливии столичная жизнь пошла бы очень на пользу, а другая тотчас прибавила, что короткая зима в столице сделала бы Софью неузнаваемой. Жена горячо поддержала обеих, говоря, что и сама только о том и мечтает, как бы послать дочерей на один сезон в столицу, дабы они там пропитались светским обращением. Я не удержался и возразил, что воспитание их и без того не соответствует скромному положению, которое им суждено занимать в обществе, и что приучать их к более изысканному образу жизни было бы насмешкой над их бедностью, ибо у них развился бы вкус к удовольствиям, для них недоступным.

- Нет таких удовольствий, нет таких радостей, - перебил меня мистер Торнхилл, - которых они не были бы достойны! Ведь сами они словно созданы на радость людям. Что касается меня, - продолжал он, - то я обладаю изрядным состоянием; а как девиз мой - любовь, свобода и наслаждение, - то, если половина всего, чем я владею, способна доставить прелестной Оливии радость, я готов передать эту долю ей, не попросив взамен ничего, кроме дозволения присоединить в придачу самого себя!

Не такой уж я был невежда в мирских делах, чтобы не знать, что за подобными оборотами обычно кроются самые гнусные предложения. Впрочем, я старался обуздать свое негодование.

- Сударь! - вскричал я. - В семье, которую вам угодно было удостоить своим посещением, развито чувство чести не менее щепетильной, нежели ваша собственная! И всякая попытка оскорбить это чувство может вызвать самые неприятные последствия. Да, сударь, одна честь и осталась нам от всех наших богатств, и это единственное сокровище мы должны беречь как зеницу ока.

Впрочем, я тут же и пожалел, что погорячился, ибо молодой человек, схватив меня за руку, стал клятвою меня уверять, что благородство моих чувств приводит его в восторг, хотя суть моих подозрений огорчает его до крайности.

- Что же до того, - продолжал он, - на что вы только что изволили намекнуть, уверяю вас, сударь, что я и в мыслях ничего подобного не имел. Нет, нет, клянусь всеми соблазнами мира, добродетель, которая требует длительной осады, - не в моем вкусе! Молниеносный наскок - вот залог моих любовных успехов!

Тут столичные дамы, которые до сих пор держались так, словно не понимали, о чем шла речь, стали проявлять признаки крайнего неудовольствия по поводу его последних чересчур вольных слов и завели благопристойную и чинную беседу о добродетели; моя жена, капеллан и я не замедлили принять участие в разговоре, а под конец и сам помещик умилился и сказал, что раскаивается в своих сумасбродствах. Мы говорили о радостях умеренной и воздержанной жизни, о лучезарной ясности души, не оскверненной пороками. Я был так доволен, что даже позволил малышам посидеть с нами попозже, чтобы и они могли вкусить душеспасительной беседы, - мистер Торнхилл пошел еще дальше и попросил меня прочитать молитву. Я с радостью исполнил его просьбу.

В таком духе мы приятнейшим образом скоротали вечер, и гости наконец начали подумывать о возвращении допой. Знатным дамам, по-видимому, очень не хотелось расставаться с моими дочерьми, к которым они привязались необычайно, и они стали упрашивать меня, чтобы я позволил девицам проводить их до дому. Помещик поддержал их просьбу, моя жена присоединила к ним свою, а девицы глядели на меня с мольбой. Несколько потерявшись, я выдвинул было кое-какие доводы против такого предложения, но дочки с легкостью их опровергли, так что в конце концов я был вынужден прямо и безоговорочно воспретить поездку. В награду на другой день все кругом меня хмурились и на все мои слова мне отвечали только односложными "да" и "нет".

ГЛАВА X

Мы не желаем отставать от сильных мира сего. Невзгоды, постигающие бедняка, когда он пытается казаться выше своего состояния

Я начал замечать, что все мои пространные и усердные лекции об умеренности, простоте и смирении были начисто забыты. Внимание к нам сильных мира сего разбудило гордость, которую я отнюдь, как оказалось, в них не уничтожил, а только усыпил. Снова, как в былые времена, на подоконнике теснились баночки с притираниями для лица и шеи. Выйдут ли во двор солнышко оказывалось врагом, посягающим на белизну кожи, дома ли сидят - огонь в очаге грозился испортить цвет лица. Жена заявила, что от раннего вставания у барышень могут пострадать глазки, что от работы после обеда краснеют их носики, и в конце концов уверила меня, что ничто так не способствует белизне рук, как безделье. И вот вместо того, чтобы дошивать рубашки для Джорджа, они у нас теперь перекраивали наново старую свою кисею или вышивали по канве. Общество барышень Флембро - еще в недавнем прошлом резвых их подружек оказалось вдруг недостаточно изысканным, и бедняжкам вышла полная отставка; отныне свет и светская жизнь, художества, благородный вкус, Шекспир и музыкальные стаканы составляли исключительно предмет нашего разговора.

Все это, впрочем, мы могли бы снести, но тут, на беду нашу, подоспела цыганка: вот когда мы взвились под самые облака! Едва только появилась эта смуглая сивилла, как девицы мои обе прибежали ко мне просить по шиллингу на гаданье. Сказать по правде, мне наскучило быть всегда благоразумным, и на этот раз я не в силах был отказать им - я так любил видеть радость на их личиках! Я дал каждой по шиллингу; ради чести семьи, однако, я должен заметить, что у девиц при себе всегда были деньги, ибо жена моя щедро оделила

каждую монетой достоинством в одну гинею, которую, впрочем, строго-настрого заказала разменивать. Когда они после довольно длительного совещания у гадалки наконец с ней расстались, я понял по их лицам, что нас ожидают великие удачи.

- Ну, девочки, как же ваши дела? Что, Ливви, довольна ли ты тем, что гадалка наговорила тебе на твою денежку?

- Право, батюшка, - отвечала дочка, - она, должно быть, в сговоре с нечистой силой, потому что она прямо так и объявила, что не пройдет и года, как я выйду замуж за помещика!

- А у тебя как дела, Софья? - обратился я к младшей. - Кто твой суженый?

- Ко мне, батюшка, - отвечала она, - как только сестрица выйдет за своего помещика, присваивается настоящий лорд.

- Как? - вскричал я, - Только и всего - за целых два шиллинга? Помещик да лорд - за свои два шиллинга? Глупенькие, да я бы за полцены посулил одной из вас принца, а другой набоба!

Любопытство их, впрочем, имело последствия самые серьезные; отныне нам уже стало казаться, что звезды уготовили для нас судьбу совершенно исключительную, и мы уже предвкушали будущее свое великолепие.

Наверное, тысячу раз говорилось до меня - и я скажу в тысячу первый, что пора предвкушения много слаще той, что увенчана исполнением наших желаний. В первом случае мы готовим себе блюдо сами, по собственному вкусу, во втором его для нас готовит жизнь. Невозможно тут привести всю цепь сладостных грез, которым мы предавались. Звезда наша, казалось, снова начала восходить; кругом только и разговоров было, что о страсти, которую помещик будто бы питает к моей дочери, и - таково действие молвы! - она в конце концов на самом деле не на шутку в него влюбилась. В эту приятнейшую эпоху нашей жизни жене снились на редкость чудесные сны, и каждое утро она их торжественно и обстоятельнейшим образом нам пересказывала. То ей приснится гроб и две скрещенные кости над ним - вестник близкой свадьбы; то почудится, будто карманы дочерей набиты доверху медяками - верное доказательство того, что вскоре они наполнятся золотом.

Да и у самих девиц, что ни шаг, то новая примета: таинственные поцелуи витали на их устах, в пламени свечи им мерещились обручальные кольца, в горящем камине прыгали кошельки, полные денег, и даже чайники на дне чашки располагались узором, который сулил им любовь.

К концу недели столичные дамы прислали нам записку, в которой свидетельствовали свое почтение и выражали надежду встретиться с нами в воскресенье в церкви. И вот в субботу я замечаю, что жена с дочерьми о чем-то шушукуются все утро, кидая в мою сторону загадочные взгляды, точь-в-точь заговорщицы! Сказать по правде, я не сомневался, что у них уже готов какой-нибудь нелепый план для того, чтобы явиться на следующий день во всем своем блеске. Вечером они открыли военные действия по всем правилам: осадой, разумеется, руководила жена. Рассудив, что после чая я должен быть в хорошем расположении духа, она начала следующим образом:

- А что, Чарльз, дружок, верно, завтра у нас в церкви будет немало людей из общества?

- Возможно, дружок, - отвечал я. - Ну, да не беспокойся, много (ц будет народа или мало, без проповеди вы не останетесь).

- В этом я не сомневаюсь, - возразила она. - Но, дружок, я все думаю, как бы нам поприличнее туда явиться, ведь кто знает, чем все это кончится!

- Весьма похвально, - ответил я, - что вы так беспокоитесь. Я и сам люблю, чтобы мои прихожане, являясь в церковь, соблюдали приличия и в поведении своем, и в одежде. Благоговение и смирение, ясный и веселый дух вот к чему должно нам всем стремиться!

- Да-да, - воскликнула она, - все это я прекрасно знаю! Но я хочу сказать, что самое наше прибытие в церковь надо обставить достойным образом, чтобы мы не вовсе слились с чернью, нас окружающей.

- И тут я с тобой согласен, мой друг, - отвечал я, - и я только что сам хотел тебе сказать о том же. Достоянное всего было бы явиться в церковь заранее, чтобы иметь возможность до начала службы предаться благочестивым размышлениям.

- Ах, Чарльз, - перебила она, - все это прекрасно, но ведь я не о том! Я хочу сказать, что отправляться в церковь нам подобает, как благородным людям. Ты же знаешь, от нас до церкви целых две мили, и, право же, мне больно смотреть на девочек, когда они пробираются на свои места - красные, запыхавшиеся, растрепанные, словно перед тем бегали взапуски на деревенской ярмарке. Вот я и хочу, дружок, предложить тебе кое-что: у нас две рабочие лошади - жеребец, что служит нам уже десятый год, да Блекберри, который вот уже месяц, как ровнешенько ничего не делает. Лошади только и знают, что жиреть да лепиться. Почему бы им не поработать? И вот увидишь: они будут выглядеть совсем неплохо, надо только заставить Мозеса привести их немножко в порядок.

Я отвечал, что, на мой взгляд, гораздо приличнее добираться пешком, чем на таких жалких одрах, ибо Блекберри крив на один глаз, а у жеребца начисто отсутствует хвост; кроме того, неприученные ходить под седлом, они того и гляди могут выкинуть какую-нибудь штуку, и, наконец, у нас только и есть одно седло да седельная подушка.

Все мои возражения, однако, были отмечены, и я был вынужден дать свое согласие. На следующее утро я застал сборы в поход, но, убедившись, что на эти хлопоты потребуется немалое время, отправился в церковь пешком, не дожидаясь остальных; они обещали, что вскорости последуют за мной. Простояв за кафедрой целый час в ожидании, я в конце концов вынужден был начать службу. Когда же служба подошла к концу, а их все не было, я не на шутку встревожился. Обратно я шел проезжей дорогой, - по ней надо было идти пять миль, тогда как тропа сокращала это расстояние до двух миль.

И вот где-то на полпути я повстречал кавалькаду, направлявшуюся в церковь: на одной лошади восседали сын, жена и малыши, а на другой - обе мои дочери. Я спросил, почему они так опоздали, хотя одного взгляда было достаточно, чтобы догадаться о тысяче невзгод, постигших их на пути. Сперва лошади ни за что не желали идти со двора и сдвинулись только после того, как мистер Берчелл любезно взялся подгонять их палкой и так гнал их на протяжении двухсот ярдов. Затем у жены на седельной подушке порвались подпруги, и пришлось остановиться и заняться починкой. И наконец, одной лошади вздумалось вдруг постоять, и ни палка, ни уговоры не могли принудить ее двинуться с места. Встреча моя с ними произошла как раз после окончания этого плачевного эпизода. По правде сказать, убедившись, что никакой серьезной беды с ними не стряслось, я не очень-то горевал из-за постигшей их неудачи, так как она давала мне повод подтрунивать над ними в дальнейшем; радовался я также и тому, что дочки получили наглядный урок смирения.

ГЛАВА XI

Мы все еще не желаем сдаваться

Наступил канун Михайлова дня, и сосед Флембро позвал нас к себе играть в разные игры и угощаться калеными орехами. Только что пережитые незадачи несколько посбили с нас спесь, а то, как знать, быть может, мы и отклонили бы это приглашение. Так или иначе, мы соблаговолители пойти в гости и повеселиться. Гусь и клецки нашего доброго соседа были великолепны, а пунш, по признанию такого придирчивого ценителя, как моя жена, просто превосходен. Правда, разговор нашего хозяина оказался хуже угощения, ибо истории, которыми он нас потчевал, были длинны и скучны, а непременным героем их всякий раз оказывался он сам; к тому же мы слышали их раз десять, по крайней мере, и каждый раз смеялись. Впрочем, у нас достало добродушия посмеяться и в одиннадцатый раз.

В числе приглашенных был также мистер Берчелл. Большой охотник до всяческих невинных забав, он затеял игру в жмурки; жену мою уговорили принять участие в игре, и я с удовольствием убедился, что годы еще не совсем состарили ее. Мы с соседом между тем наблюдали за играющими, смеясь каждой их увертке и похваляясь друг перед другом былой своей ловкостью. За жмурками следовали "горячие устрицы", "вопросы и ответы", и наконец все уселись играть в игру, известную под названием "Где туфелька?". Тем, кто незнаком с

этой допотопной забавой, я должен все же объяснить, в чем она заключается. Играющие садятся прямо на пол в кружок, в то время как один стоит посредине и стремится перехватить туфельку, которую сидящие передают друг другу; причем всякий норовит подsunуть туфельку под себя, и она снует и беспрестанно мелькает наподобие ткацкого челнока. Та, что водит, естественно, не может быть обращена лицом ко всем сразу и вот главная прелесть игры заключается в том, чтобы шлепнуть ее подошвой по наименее защищенной части тела. Наступил черед Оливии водить; колотушки сыпались на нее со всех сторон, растрепанная, увлеченная игрой до самозабвения, голосом, который заглушил бы уличного певца, зывала она к игрокам, чтобы они не жульничали, когда - о, ужас! - в комнате появились две наши знатные дамы из столицы - леди Бларни и мисс Каролина Вильгельмина Амелия Скеггс! Перо бессильно передать это новое наше унижение, и я даже пытаюсь не стану описывать его. Боже праведный! Такие блистательные дамы - а мы в таких не изящных позах! А все это мистер Флембро с его грубой затеей! Мы так и застыли от изумления, словно в камень обратились!

Встревоженные тем, что не видели нас в церкви накануне, дамы задумали проведать нас и, не застав дома, явились сюда. Оливия взяла объяснения на себя и, не вдаваясь в излишние подробности, сказала:

- Наши лошади сбросили нас.

При этом известии дамы не на шутку взволновались, но, услышав, что никто из нашей семьи не получил никаких повреждений, пришли в неопиcуемый восторг; однако, узнав, что мы чуть не умерли со страха, чрезвычайно опечалились; когда же их заверили, что ночь мы спали превосходно, они снова были наверху блаженства. Снисхождение их к моим дочерям было безмерно. Уже в первое свое посещение - изъявляли они чувства самые теплые, теперь это была пламенная дружба, и они ничего так не желали, как того, чтобы она превратилась в вечную. Леди Бларни испытывала особое влечение к Оливии, а мисс Каролине Вильгельмине Амелии Скеггс (не могу отказать себе в удовольствии приводить ее имя полностью!), видимо, больше приглянулась младшая. Гости разговаривали между собой, в то время как мои дочки молча восхищались их манерами и тоном. Впрочем, всякому читателю, каким бы скромным ни был его собственный удел, всегда лестно послушать великосветский разговор о лордах, знатных дамах и рыцарях подвязки; поэтому я позволю себе привести заключительную часть беседы наших дам.

- Подлинно мне известно лишь одно, - вскричала мисс Скеггс, - все это либо правда, либо нет! Можете, однако, поверить, баронесса, что все общество было фраппировано - это уж точно. Милорд изменился в лице, миледи сделалось дурно, а сэр Томкин, выхватив шпагу из ножен, поклялся, что останется предан ей до последней капли крови!

- Однако, - возразила наша баронесса, - странно, что герцогиня со мной ни словечком не обмолвилась об этой истории; не думаю, чтобы у ее светлости вдруг завелись от меня секреты. Со своей стороны могу лишь сообщить - и это уж истинная правда, - что наутро герцог троекратно воззвал к своему камердинеру: "Джерниган! Джерниган! Джерниган! Дайте мне мои подвязки!"

Но я забыл упомянуть о весьма нелюбезном поведении мистера Берчелла, который во все время разговора сидел лицом к камину и после каждой фразы приговаривал: "Чушь!" - производя этим самое неприятное действие на всех нас и мешая разговору расправить крылья и воспарить под облака.

- К тому же, душенька Скеггс, - продолжала баронесса, - об этом ровно ничего не говорится в стихах доктора Бердока, которые он сочинил по этому случаю.

- Чушь.

- В самом деле, удивительно! - воскликнула мисс Скеггс. - Ведь он пишет для собственной забавы и поэтому обычно ничего не вычеркивает. Может быть, ваша честь позволит мне взглянуть на стихи?

- Чушь.

- Ах, душенька, - возразила баронесса, - неужто вы думаете, что я стану таскать их с

собой? Хотя, по правде сказать, они прелестны, а уж я как-никак кое-что в этом деле смыслю. Во всяком случае, я знаю, что мне нравится, а что нет. Стишки доктора Бердока меня всегда приводили в восхищение. Ведь нынче пишут все такое низменное, ничего светского. Он да еще наша обожаемая графиня, что живет на Ганновер-сквер, - единственные исключения.

- Чушь.

- Ваша честь забывают, - возразила ее собеседница, - собственные свои сочинения в "Дамском журнале". Надеюсь, их вы не назовете низменными? Но говорят, что нам предстоит лишиться творений этого пера в дальнейшем. Неужто это правда?

- Чушь.

- Что делать, душенька! - отвечала ее приятельница. - Вы же знаете, что моя компаньонка выходит замуж за капитана Роуча, а бедные глаза мои не позволяют мне писать самой, и вот я ищу сейчас другую. Не так-то легко найти что-нибудь подходящее, к тому же тридцать фунтов в год - вознаграждение чересчур ничтожное для благовоспитанной девушки из хорошей семьи, которая умеет читать, писать и держаться в обществе; что же касается наших городских вертушек, то они несносны.

- Чушь.

- И не говорите! - воскликнула мисс Скеггс. - В этом я убедилась на опыте. Из трех компаньенок, что мне пришлось сменить за последние полгода, одна не желала, например, заниматься рукоделием и часу в день, другой, видите ли, двадцать пять гиней в год показалось мало, а третью я сама была вынуждена прогнать, так как мне показалось, что она завела шашни с моим капелланом. Ах, дорогая моя леди Бларни, за добродетель ведь ничего не жаль отдать - да где ее нынче найдешь?

- Чушь.

Жена моя прилежнейшим образом внимала всему, что говорилось: особенно сильное впечатление произвела на нее последняя часть разговора. Тридцать фунтов и двадцать пять гиней в год составляют ровнехонько пятьдесят шесть фунтов пять шиллингов; и потом деньги эти, можно сказать, так прямо лежат на дороге - кому надо, тот и бери! Так почему бы им в самом деле не попасть к нам? Она вперила в меня пылкий взор, стараясь проникнуть в мои мысли, я же, сказать по правде, и сам был того мнения, что две эти вакансии так и глядели на моих дочерей. К тому же, если молодой помещик подлинно питал серьезное чувство к моей старшей дочке, то здесь для нее открывалась возможность наилучшим образом подготовиться к ожидавшему ее новому положению в обществе.

И вот жена, чтобы нам не пришлось себя упрекать впоследствии в том, что мы в решительную минуту сплеховали и упустили такой прекрасный случай, собралась с духом и выступила от имени всей семьи:

- Прошу прощения за свою смелость, сударыни! - воскликнула она. - Мы, конечно, не имеем ни малейшего права рассчитывать на такое счастье, но вместе с тем вы поймете родительское сердце - какая мать не думает о том, чтобы вывести своих детей в люди? Что же касается моих дочерей, то скажу прямо: образование они получили изрядное и природой, слава богу, не обижены. Во всяком случае, в наших краях лучше их не найдете никого: читают, пишут, расходы подсчитывают, владеют иглой в совершенстве, вышивают и гладью и крестиком, всякое рукоделье знают, кайму вам обошьют и фестончиками и кружевом, оборки плоить умеют, в музыке толк понимают, могут белье скроить; кроме того, старшая силуэты вырезает из бумаги, младшая премило гадает на картах...

- Чушь.

Выслушав красноречивую эту тираду, гости погрузились на несколько минут в молчанье; взгляды, которыми они обменялись между собой, выражали важность и колебание. Наконец мисс Каролина Вильгельмина Амелия Скеггс сооблаговолела заметить, что, по ее мнению и насколько можно судить на основании столь непродолжительного знакомства, наши девицы и в самом деле, быть может, им бы подошли.

- Впрочем, в делах такого рода, сударыня, - обратилась она к моей супруге, -

необходимо прежде всего навести самые тщательные справки и как можно короче узнать друг друга. Не подумайте, сударыня, - прибавила она тут же, - чтобы я имела малейшее сомнение в добродетели, благоразумии и скромности ваших дочерей, но подобные дела необходимо вести по всей форме, сударыня, да, да, по всей форме!

- Чушь.

Жена от души одобрила такую осмотрительность, говоря, что всю жизнь она сама отличалась чрезвычайной щепетильностью; впрочем, она предложила им запросить мнение соседей о наших дочерях. Это предложение баронесса отклонила, сказав, что с нее будет вполне достаточно рекомендации ее кузена Торнхилла, и теперь все наши надежды мы возложили на него.

ГЛАВА XII

Судьба словно нарочно подвергает семейство векфилдского священника новым унижениям, иная обида хуже горя

Возвратившись домой, мы посвятили остаток вечера составлению стратегического плана, с помощью которого нам предстояло одержать окончательную победу. Дебора в своих рассуждениях о том, которой из двух ее дочерей досталось лучшее место и которой из них суждено возвращаться в более изысканном обществе, проявила немало тонкости. Теперь все дело было за рекомендацией помещика. Впрочем, мы уже столько видели от него знаков дружеского расположения, что с этой стороны не ждали никаких трудностей. Даже после того как мы все легли, жена никак не хотела уgomониться.

- А что, Чарльз, между нами говоря, сегодняшний день прошел не напрасно!

- Пожалуй! - отвечал я, несколько потерявшись.

- "Пожалуй"?! Только и всего? - воскликнула она. - А я так очень довольна! Вот увидишь - девочки завяжет ценнейшие знакомства в столице. И если я в чем уверена, так это в том, что нигде, ни в одном городе мира нет такого богатого выбора женихов, как в Лондоне. К тому же, дружок, ты знаешь, каждый божий день на свете приключаются диковинные вещи. А если знатные дамы так очарованы моими дочерьми, что же скажут знатные джентльмены, когда познакомятся с ними! Entre nous {Между нами (франц.)}, я должна тебе сказать, мне чрезвычайно нравится леди Бларни - такая любезная, право! Впрочем, я всей душой полюбила и мисс Каролину Вильгельмину Амелию Скеггс. А все-таки неплохо я их на слове поймала, когда они заговорили о том, что ищут компаньонку! Признайся, дружок, что я для наших девочек постаралась, на славу!

- Что ж, - отвечал я, еще не сообразив, как на все это дело смотреть, дай бог, чтобы и через три месяца ты могла сказать то же самое.

К такому способу я прибегал всякий раз, когда хотел поразить жену своей прозорливостью: если бы поездка девиц увенчалась успехом, возглас мой можно было бы толковать как благочестивое пожелание, в противном же случае - как пророческие слова. Однако, как я и опасался, весь этот разговор служил лишь прологом к тому, чтобы ознакомить меня с новым планом, а самый план заключался в том, чтобы - поскольку отныне нам предстояло держать головы несколько выше - на ближайшей ярмарке продать жеребца (он ведь все равно старый) и купить верховую лошадь, на которой можно было бы ездить в одиночку и по двое, чтобы не зазорно нам было являться на люди - в гости или в церковь!

Я решительно возражал против этого проекта, но возражения мои были столь же решительно отменены. И по мере того как я одну за другой сдавал свои позиции, противник мой наступал, покуда наконец не вынудил меня согласиться на продажу жеребца.

На другой день как раз открывалась ярмарка, и я думал было отправиться на нее сам; но жена уверила меня, будто я простужен, и ни за что не соглашалась выпускать меня из Дому.

- Нет, нет, дружок, - говорила она, - наш Мозес - мальчик смысленный, продать ли, купить - все у него превосходно получается, - ведь самыми удачными нашими сделками мы обязаны ему! Он берет измором и торгуется, пока ему не уступят.

Будучи и сам изрядного мнения о коммерческой сметке сына, я охотно поручил ему это

дело, и наутро сестры уже хлопотали вокруг Мозеса, снаряжая его на ярмарку; стригли ему волосы, натирали пряжки до блеска, подкалывали поля его шляпы булавками. Но вот с туалетом покончено, и он садится верхом на жеребца, положив перед собой на седло деревянный ящик для припасов, которые ему поручено заодно купить на ярмарке. На нем кафтан из той материи, что зовется "гром и молния". Мозес давно уже вырос из этого кафтана, да жаль бросать, - уж очень сукно хорошее! Жилетка его зеленовато-желтая, как пух у гусенка, а в косу сестры ему вплели широкую черную ленту. Мы проводили его со двора и долго, покуда он совсем не скрылся из глаз, кричали ему вслед:

- Счастливого пути!

Едва успел он отъехать, как явился дворецкий мистера Торнхилла и поздравил нас: он слышал, как его молодой хозяин отзывался о нас с большой похвалой.

Положительно, мы вступали в полосу удач, ибо вслед за дворецким прибыл лакей оттуда же, с запиской к моим дочерям, в которой сообщалось, что столичные дамы получили от мистера Торнхилла обо всем нашем семействе отзыв самый благоприятный и что теперь им осталось всего лишь навести кое-какие дополнительные справки.

- Однако, - воскликнула жена, - не так-то, оказывается, легко попасть в дом к этим вельможам! Зато если уж попадешь туда, спи себе спокойно, как говорит наш Мозес!

Эту остроту (ибо жена, оказывается, шутила) обе девицы встретили громким и радостным смехом. Словом, она так была утешена этой весточкой, что даже опустила руку в карман и выдала гонцу се ((ь с половиной пенсов.

Казалось, гостям конца не будет - один сменял другого! Следующим явился мистер Берчелл с ярмарки. Он купил мальчишкам печатных пряников на два пенса, и жена приняла их на хранение с тем, чтобы выдавать каждому по одной буковке зараз. Дочерям он подарил по шкатулочке для хранения почтовых облаток, нюхательного табака, мушек и даже денег, буде таковые заведутся, - жена, правда, больше жаловала кошельки из хорьковой кожи, ибо они, по ее мнению, приносят счастье, - ну, да это так, к слову пришлось. Мы все еще питали добрые чувства к мистеру Берчеллу, хотя и сердились на него за его вчерашнюю грубость. Разумеется, мы поделились с ним своей радостью и стали спрашивать его совета: хоть мы и редко следовали чужим советам, но советоваться все же любили. Прочитав записку, которую нам прислали дамы, он покачал головой и сказал, что такого рода дела требуют очень большой осторожности. Сдержанный этот ответ навлек на него неудовольствие моей жены.

- Я знаю, сударь, - вскричала она, - что вы всегда рады придраться ко мне и к дочкам моим! Уж очень вы, сударь, осторожничают любите. Ну, да правду молвить, за разумным советом надо обращаться к тому, кто сам умел им воспользоваться.

- Сударыня, - отвечал он, - мое бывшее поведение не является предметом настоящей беседы. И хоть это верно, что я в свое время сам не воспользовался разумным советом, долг мой - давать его всякому, кто в нем нуждается.

Опасаясь, как бы на его слова не последовал язвительный ответ, в котором недостаток остроумия восполнялся бы избытком яда, я поспешил переменить разговор и стал вслух гадать, что бы такое могло заставить сына так долго задержаться на ярмарке, - дело шло совсем уже к вечеру.

- О сыне не беспокойся! - воскликнула жена. - Кто-кто, а он не пропадет! Не бойся, он не из тех, что торгуют курами в дождливый день. Я сама своими глазами видела, как он заключает сделки, - чудо! Я вам сейчас расскажу такую историю, что вы животики надорвете. Да вот и он, ей-ей! Вот идет Мозес, пешком, и тащит ящик на своем собственном горбу!

И в самом деле Мозес медленно плелся домой, обливаясь потом под тяжестью деревянного ящика, который он закинул за спину на манер уличных разносчиков.

- В добрый час, Мозес, в добрый час! Ну, мой мальчик, покажи-ка, что ты нам принес с ярмарки.

- Я принес вам себя, - сказал Мозес с лукавой усмешкой, сваливая ящик на кухонный стол.

- Это-то мы видим, Мозес, - воскликнула жена, - но где же лошадка?
- Я ее продал, - вскричал Мозес, - за три фунта пять шиллингов и два пенса!
- Молодец, мой мальчик! - воскликнула она. - Я знала, что ты их вокруг пальца обведешь. Между нами говоря, три фунта пять шиллингов и два пенса это не так плохо. Дай же их сюда!

- Денег у меня нет! - отвечал Мозес. - Я пустил их в оборот. - Тут он вытащил из-за пазухи какой-то сверток. - Смотрите! Двенадцать дюжин зеленых очков в серебряной оправе и сафьяновых футлярах.

- Двенадцать дюжин зеленых очков! - повторила жена слабым голосом. - И ты отдал жеребца, а взамен привез нам двенадцать дюжин каких-то несчастных очков!

- Матушка, дорогая! - вскричал мальчик. - Послушайте же разумное слово: это выгоднейшая сделка, иначе я не стал бы покупать их. Одна серебряная оправа стоит вдвое больше, чем я отдал за все.

- Что толку в твоей серебряной оправе? - вскричала жена в исступлении. - Я уверена, что если пустить их в продажу как серебряный лом, по пяти шиллингов за унцию, то мы и половины своих денег не выручим.

- Об этом не беспокойтесь! - воскликнул я. - За оправы вам и шести пенсов не дадут, - это посеребренная медь, а не серебро.

- Как?! - вскричала моя жена. - Не серебро? Оправы не серебряные?

- Да нет же! - воскликнул я. - В них не больше серебра, чем в твоей кастрюле.

- Итак, - сказала она, - мы потеряли жеребца и взамен получили сто сорок четыре пары зеленых очков в медной оправе и в сафьяновых футлярах! Да провались он пропадом, весь этот хлам! Этого олуха надули - надо было знать, с кем имеешь дело!

- Вот тут-то ты, душенька, и ошибаешься, - сказал я, - он совсем не должен был иметь с ними дела.

- Нет, такого дурака повесить мало, - продолжала она. - Что он вздумал притащить ко мне в дом! В печку эту дрянь, в печку, да поскорее!

- Опять, душенька, позволь не согласиться с тобой, - перебил я, - хоть они и медные, а все оставим их; лучше медные очки, чем ничего.

Между тем у бедняги Мозеса открылись наконец глаза. Он понял, что попался на удочку ярмарочному плуту, который, должно быть, с первого взгляда угадал в нем легкую добычу. Я попросил его рассказать, как было дело. Оказалось, Мозес, продав лошадь, пошел бродить по ярмарке, высматривая другую для покупки. Там он повстречал человека почтенной наружности, который пригласил его в какую-то палатку под тем предлогом, что у него якобы имеется лошадь для продажи.

- Тут, - продолжал Мозес, - к нам присоединился еще один джентльмен; он был прекрасно одет и просил двадцать фунтов под залог вот этих очков, говоря, что нуждается в деньгах и готов уступить все за треть цены. Первый джентльмен под видом дружеского участия шепнул мне, чтобы я не упускал такого случая и очки непременно купил. Я вызвал туда же мистера Флембро, и они заговорили ему зубы так же, как и мне, и вот в конце концов мы оба решили взять по двенадцать дюжин очков каждый.

ГЛАВА XIII

Мистер Берчелл оказывается врагом, ибо он осмелился дать неприятный совет.

Сколько ни пытались мы изображать из себя людей высшего общества, ничего не получалось; всякий раз какое-нибудь непредвиденное и злополучное обстоятельство разбивало все наши планы. Каждое новое разочарование я стремился обратить на пользу моим домашним, ожидая, что с крушением их честолюбивых надежд мне удастся пробудить в них наконец здравый смысл.

- Итак, дети мои, - говорил я, - вы видите, сколь бесполезно тянуться за сильными мира сего и стараться удивить свет. Что получается, когда бедный человек ищет дружбы богача? Те, от кого он бежит, начинают его ненавидеть, а те, за кем он гонится сам, презирают его. В

неравном союзе всегда страдает слабейший; богатым достаются все радости, бедным - все неудобства такой дружбы. Ну-ка, Дик, мальчик мой, подойди сюда и расскажи всем в поучение басню, которую ты прочитал нынче утром.

- Как-то раз, - начал малютка, - подружился Великан с Карликом. Они всюду ходили вместе и дали друг другу слово никогда не разлучаться. И вот они вдвоем отправились искать приключений. Первая их схватка была с двумя сарацинами и началась с того, что отважный Карлик что было мочи ударил одного из них. Сарацин даже не поморщился и одним махом отсек бедному Карлику руку. Плохо пришлось бы Карлику, да тут подоспел Великан, и вскоре сарацины лежали на поле боя бездыханные. Карлик в отместку отсек одному из убитых голову. Вот отправились они дальше, навстречу новым приключениям. На сей раз довелось им спасти красавицу от трех кровожадных сатиров. Теперь уже Карлик вел себя поосмотрительнее, однако и тут полез в драку первым, за что немедленно поплатился одним глазом; вскоре подоспел и Великан, и, если бы сатиры не убежали, он, конечно, убил бы их всех. Приятели радовались своей победе, а спасенная ими девица влюбилась в Великана и с ним обвенчалась. Они отправились за тридевять земель и повстречали шайку разбойников. На сей раз вступил в бой первым Великан. Впрочем, и Карлик не отставал. Бились долго и жестоко. Куда бы Великан ни повернулся, все падали перед ним ниц, зато Карлик несколько раз бывал на краю гибели. Наконец друзья одержали победу. Карлик, правда, потерял ногу. Итак, он лишился руки, ноги и глаза. Великан же, который остался невредим, без единой царапины даже, вскричал:

- Какая это великолепная забава, не правда ли, мой маленький герой? Давай с тобой одержим еще одну, последнюю победу и покроем себя бессмертной славой!

- Ах, нет! - отвечал Карлик, который теперь уже поумнел, - уволь. Я больше не боец, ибо я вижу, что после каждой битвы тебе достаются награды и почести, а на меня сыплются одни лишь удары.

Я приготовился было вывести мораль из этой басни, но тут внимание всех невольно обратилось на жену и мистера Берчелла, между которыми завязался ожесточенный спор по поводу предполагаемого отъезда моих дочерей в столицу. Жена без устали твердила о благах, которые эта поездка непременно им принесет. Мистер Берчелл с жаром пытался разубедить ее; я старался не брать ни ту, ни другую сторону. Он повторил те же доводы, что были так скверно приняты утром. Спор разгорался все сильнее, и бедная моя Дебора вместо того, чтобы приводить более убедительные доказательства, начинала говорить все громче и громче, так, что под конец была вынуждена криком скрыть свое поражение. Впрочем, заключительные слова ее были очень неприятны для всех нас: уж она-то прекрасно понимает, сказала она, что у некоторых лиц могут быть скрытые причины для того, чтобы навязывать свои советы, но она попросила бы этих советчиков впредь держаться подальше от ее дома.

- Сударыня, - отвечал Берчелл, сохраняя спокойствие и тем раззадоривая ее еще больше, - вы правы, говоря о скрытых причинах; да, у меня есть скрытые причины, но я не стану открывать их вам, - ведь я и без того привел вам немало доводов, - и вы оставили их без ответа. Однако я вижу, что мои посещения становятся в тягость, поэтому разрешите откланяться. Впрочем, я хотел бы еще раз навеститься к вам и проститься, прежде чем надолго покину эти края.

С этими словами он взял шляпу, и даже Софьины взоры, которые, казалось, укоряли его за поспешность, бессильны были удержать его.

Некоторое время после его ухода мы беспомощно глядели друг на друга. Жена, чувствуя себя виноватой, старалась под напускным спокойствием и притворной улыбкой скрыть свое смущение. Я счел нужным попенять ей.

- Так-то, жена, - воскликнул я, - так-то обращаемся мы с гостями? Так-то отвечаем мы на добро? Поверь, душа моя, что более жестоких и неприятных для меня слов ни разу еще я не слышал из твоих уст.

- Вольно ж ему было доводить меня до этого! - отвечала жена. - Ну, да я прекрасно

понимаю цель его советов. Ему не угодно, чтобы мои дочки ехали в столицу, ему, видите ли, самому хотелось бы наслаждаться обществом меньшей. Или этот оборванец думает, что она не найдет лучшего общества?

- Какой же он оборванец, душенька? - воскликнул я. - Как знать, может, мы все очень заблуждаемся относительно его положения? Подчас он мне кажется самым настоящим джентльменом, какого мне доводилось встречать. Скажи мне, Софья, дитя мое, давал ли он тебе когда-нибудь понять, говоря с тобой наедине, будто питает к тебе особенное чувство?

- Сударь, его разговор со мной, - отвечала дочь, - бывал всегда разумен, скромн и занимателен. Что до другого - нет, никогда. Правда, однажды вскользь он заметил, что еще ни разу ему не удалось встретить женщину, способную оценить по достоинству человека, если он ей покажется бедным.

- Вечная песенка всех неудачников и лентяев! - воскликнул я. - Впрочем, ты, верно, знаешь, мой друг, как надо смотреть на подобного рода людей, и понимаешь, конечно, сколь безумно было бы ожидать, чтобы человек, который так неумело распорядился собственным счастьем, мог доставить счастье другому. Мы с твоей матушкой надеемся на лучшую для тебя участь. Этой зимой, которую ты, верно, проведешь в столице, у тебя будет возможность сделать более разумный выбор.

Не берусь сказать, что по этому поводу думала Софья. Сам же я, признаться, не очень горевал, что мы избавились от гостя, внушавшего мне немалую тревогу. Правда, совесть моя слегка роптала на такое нарушение законов гостеприимства, но я урезонил эту строгую наставницу, приведя два-три благовидных довода, которые вполне меня успокоили и примирили с собой. Угрызения совести, которые мы испытываем уже после свершения нами дурного поступка, обычно терзают нас недолго; совесть ведь изрядная трусиха, и если она не могла удержать нас от греха, то казнить нас за него и подавно не станет,

ГЛАВА XIV

Новые унижения, или как мнимая беда подчас оборачивается благом

Поездка дочерей в столицу была уже решенным делом, причем мистер Торнхилл любезно обещал следить за их благонаравием и извещать нас в письмах об их поведении. Тут, однако, оказалось, что необходимо привести их гардероб в соответствие с блистательным будущим, которое их ожидало, а это требовало затрат. На большом семейном совете мы стали думать, как нам добыть для этого денег или, иначе говоря, что бы из нашего имущества можно было продать. Колебания наши были непродолжительны: оставшийся мерин, лишившись своего товарища, был совершенно бесполезен в поле, а так как он был крив на один глаз, то и для езды не годился; решено было продать его на ближайшей ярмарке, и на этот раз, во избежание обмана, я решил отвести его туда сам. Хотя до сих пор мне не приходилось заключать торговые сделки, я был уверен, что не ударю в грязь лицом. Человек составляет мнение о собственной практичности в зависимости от того, как судят о нем люди, его окружающие. Все мое общество состояло почти исключительно из моих домашних, так что я имел все основания почитать себя человеком большой житейской мудрости. Это не помешало, впрочем, жене наутро подозвать меня, едва я отошел от дома, и шепотом повторить свое напутствие - смотреть в оба!

Прибыв на ярмарку, я, как водится, заставил коня показать ход, однако покупателя все не было. Наконец подошел какой-то барышник, тщательно осмотрел лошадь, но, обнаружив, что она крива на один глаз, и разговаривать дальше не стал; подоспевший вслед за ним второй объявил, что она страдает шпатором и что он не согласился бы оплатить доставку ее с ярмарки домой, даже если бы ему эту клячу предложили даром; третий сказал, что у нее нагнет и что она гроша ломаного не стоит, четвертый по единственному глазу заключил, что у нее глисты, а пятый громогласно изумлялся, какого дьявола я торчу тут, на ярмарке, с кривой клячей, пораженной шпатором, нагнетом и глистами, которая только и пригодна, что собакам на мясо! К этому времени я уже и сам от всей души стал презирать несчастное животное, и приближение всякого нового покупателя возбуждало у меня чувство, близкое к стыду, ибо, хотя я и не верил всему, что мне тут наболтали, я все же подумал, что такое

обилие свидетелей говорит в их пользу - логика, которой, кстати сказать, руководствуется Григорий Великий в своем рассуждении о добрых деяниях.

В таком-то незавидном положении и застал меня старинный мой приятель, как и я, священник; у него тоже было какое-то дело на ярмарке; он подошел ко мне, пожал мне руку и предложил зайти в харчевню и выпить с ним, что бог пошлет. Я охотно согласился; нас провели в небольшую заднюю комнатку, где находился только один человек, почтенного вида старец, который, казалось, был всецело поглощен чтением какого-то огромного фолианта. В жизни не приходилось мне встречать человека, который бы так располагал к себе с первого взгляда! Седые кудри благородно осеняли его чело, и, казалось, крепкой свежей старостью своей он был обязан нерастраченному здоровью и сердечной доброте. Его присутствие, впрочем, не помешало нашей беседе; мы разговорились с приятелем о том, как с каждым из нас обошла судьба, об уистонианском споре, о моем последнем памфлете, вызвавшем ответ архидиакона и, наконец, о постигшем меня жестоком ударе. Вскоре, однако, внимание наше привлек вошедший в комнату юноша. Подойдя к старику, голосом почтительным и тихим он стал говорить ему что-то на ухо.

- Не надобно никаких извинений, дитя мое, - отвечал ему старик. Каждый обязан помогать ближнему своему. Возьмите это, мне жаль, что здесь не больше пяти фунтов, но, если такая сумма выручит вас, я буду рад от души.

Слезы благодарности брызнули из глаз скромного юноши, но моя признательность была едва ли не больше! Я был готов задушить славного старца в своих объятиях - так порадовало меня его добросердечие! Но он снова погрузился в чтение, а мы продолжали разговор. Вдруг мой собеседник, вспомнив о деле, ради которого прибыл на ярмарку, сказал, что как ни дорожит он обществом ученого доктора Примроза, но должен ненадолго меня покинуть. Услышав мою фамилию, старик взглянул на меня пристально и, когда мой приятель вышел, осведомился, не довожусь ли я родней великому Примрозу, этому столпу веры, этому ревностному поборнику единобрачия. Никогда еще не билось мое сердце таким искренним восторгом!

- Сударь, - вскричал я, - я счастлив, что заслужил одобрение такого прекрасного человека, как вы, тем более что ваша доброта уже без того преисполнила мое сердце радостью! Да, сударь, вы видите перед собой доктора Примроза, поборника единобрачия, которого вам угодно было назвать великим. Вы зрите того самого злополучного священника, который так долго и - успешно ли, нет ли, судить не мне - боролся с этим бичом века, многобрачием!

- Сударь, - воскликнул незнакомец, затрепетав, - боюсь, что я показался вам дерзок, но я не мог сладить со своим любопытством.

- Сударь, - вскричал я, схватив его за руку, - вы ничуть не показались мне дерзким; напротив, я хочу просить вас принять мою дружбу - уважение мое вы уже завоевали.

- С благодарностью принимаю! - воскликнул он, пожимая мою руку. - О славный столп непоколебимой веры! Неужто воочию зрю я?..

Тут я был вынужден прервать его: ибо хотя авторское мое тщеславие способно было переварить любую, казалось бы, порцию лести, на сей раз скромность моя возмутилась. Как бы то ни было, между нами возникла дружба, такая пламенная и внезапная, какой не встретишь и в романе. Мы принялись беседовать о самых разнообразных материях; поначалу мне показалось, что он не столько учен, сколько благочестив, и что, быть может, отменяет всякую доктрину как ненужный сор. Впрочем, это нимало не уронило его в моих глазах, так как я и сам в глубине души начал склоняться к такому мнению. Как бы невзначай, я заметил, что люди нынче стали проявлять прискорбное равнодушие к вере и слишком стали полагаться на собственные умозаключения.

- В том-то и беда, сударь, - отвечал он с живостью, словно всю свою ученость приберегал до этой минуты, - в том-то и беда, сударь, что мир одряхлел, а между тем космогония, или, иначе говоря, сотворение мира, вот уже много веков ставит философов в тупик. Какие только предположения не высказывали они о сотворении мира! Санхониатон,

Манефо, Берозус и Оцеллий Лукан - все их попытки оказались напрасными. Последнему принадлежит изречение: "Анархон ара кай ателутайон то пан", или, иначе говоря, - "Все в мире пребывает без начала и конца". Да и Манефо, сам Манефо, который жил примерно во времена Навуходносора (замечу, что Осор - слово сирийского происхождения и обычно присовокуплялось к именам царей той страны, как-то: Теглет Пал-Осор, Навон-Осор) так вот, даже он высказал предположение не менее нелепое, чем предыдущее: "Ибо, как говорится, эх то библион кубернетес", что означает: "Книги ничему не научат мир"; тогда он сделал попытку исследовать... Но извините, сударь, я, кажется, несколько отвлекся.

Последнее замечание было справедливо, и я никак не мог взять в толк, какое отношение к сотворению мира имело то, о чем говорил я; впрочем, я убедился, что имею дело с человеком ученейшим, и уважение мое к нему возросло еще больше. Поэтому я решил попытаться его на свой оселок. Но собеседник мой был чересчур кроток и тих, чтобы вступать со мной в единоборство. На всякое мое высказывание, которое могло быть истолковано как вызов на спор, он лишь качал головой и молча улыбался, как бы давая тем понять, что при желании мог бы мне возразить. Таким образом с древней философии разговор наш неприметно перешел к предметам более злободневным, и мы поведали друг другу, что привело каждого сюда, на ярмарку.

Мне, как я ему сообщил, необходимо было продать лошадь, он же, оказалось, затем только сюда и явился, чтобы купить лошадь для джентльмена, арендовавшего одну из его усадеб. Я тут же показал свой товар, и мы ударили по рукам. Оставалось лишь рассчитаться, и он вытаскил билет в тридцать фунтов и попросил меня его разменять. Таких денег у меня, конечно, при себе не оказалось, и тогда он позвал слугу; тот не замедлил явиться, и я был поражен изяществом его ливреи.

- Послушай-ка, Авраам, - сказал его господин, - возьми этот билет и разменяй его на золото; обратись к соседу Джексону или к кому хочешь.

В ожидании слуги мой собеседник принялся горько сетовать на то, что серебро почти исчезло из обращения, а, я, в свою очередь, пожаловался, что и золота почти не стало, так что к тому времени, как Авраам вернулся, мы оба пришли к заключению, что нынче вообще с деньгами стало туго, как никогда. Авраам же сказал, что обошел всю ярмарку и нигде не мог разменять билет, хоть и предлагал полкроны за обмен. Мы были весьма этим огорчены; после некоторого размышления, впрочем, он спросил меня, не знаком ли я с неким Соломоном Флембро, проживающим в наших краях; когда же я ответил, что он мой ближайший сосед, старец сказал:

- В таком случае мы с вами поладим. Я дам вам чек на предъявителя, а уж у Флембро деньжонки водятся, будьте покойны - на пять миль кругом такого богача не сыщешь! Мы с добрым Соломоном, слава богу, не первый год знакомы. Как сейчас помню, в "три прыжка" обычно я его обскакивал, зато на одной ножке он скакал дальше меня.

Чек на имя моего соседа был для меня все равно, что деньги, ибо я не сомневался, что тот в состоянии будет его оплатить;

после того, как чек был подписан и вручен мне, мы расстались, весьма довольные друг другом, и мистер Дженкинсон (так звали почтенного джентльмена) со своим слугой Авраамом и моим старым меринком Блекберри потрусили с ярмарки.

Спустя некоторое время я одумался и понял, что поступил опрометчиво, согласившись взять чек взамен денег у незнакомого мне человека; я благоразумно решил догнать покупателя и забрать у него свою лошадь. Но их и след простыл! Тогда я тотчас отправился домой, решив, не теряя времени, получить со своего приятеля деньги. Честный мой сосед сидел возле своего домика и курил трубку. Когда я сообщил ему, что хотел бы получить с него деньги по чеку, он взял чек и дважды перечитал его.

- Неужели вы не разберете подписи? - спросил я. - Эфраим Дженкинсон, видите?

- Да, - отвечал он, - подпись достаточно отчетлива, и я прекрасно знаю джентльмена, которому она принадлежит, - это величайший негодяй, какого только земля носит. Это тот самый мошенник, что всучил нам с Мозесом зеленые очки. Почтенной наружности человек с

седыми волосами и еще у него карманы без клапанов, верно? И такой ученый разговор, все с древнегреческими речениями, о космогонии да о сотворении мира?

Я мог лишь простонать в ответ.

- Ну вот, - продолжал он, - вся его премудрость заключается в нескольких этих фразах, которые он и пускает в ход всякий раз, как видит возле себя кого-нибудь из ученых; ну, да теперь я знаю этого плута и изловлю его в конце концов.

Унижение мое было полным, однако самое неприятное было еще впереди, когда я должен был предстать перед женой и дочерьми. Школьник, сбежавший с уроков, не так боится идти в школу, где его ожидает встреча с учителем, как боялся я возвращения домой. Впрочем, я решил предупредить их гнев и готовился вспылить, придравшись к первому попавшемуся предлогу.

Увы, семья моя была настроена отнюдь не воинственно! Я застал жену и девочек в слезах, ибо приходивший к ним мистер Торнхилл объявил им, что их поездке в город не суждено совершиться. Дамы, получив от какого-то завистника, который будто бы был к нам вхож, дурной о нас отзыв, в тот же день уехали в Лондон. Мистеру Торнхиллу не удалось выяснить ни личности того, кто распускал о нас злонамеренные слухи, ни причины, побудившие его к тому; впрочем, каковы бы ни были эти слухи и кто бы ни был их творцом, мистер Торнхилл спешил нас заверить в своей дружбе и покровительстве. Таким образом мою неудачу они перенесли с достаточной твердостью, ибо она растворилась в их собственном, гораздо большем, горе.

Особенно дивились мы тому, что нашелся человек, достаточно низкий, чтобы оклеветать столь безобидное семейство, как наше: мы были бедны, а следовательно, завидовать нам было не в чем; держались же мы с таким смирением, что казалось за что нас можно ненавидеть?

ГЛАВА XV

Коварство мистера Берчелла разоблачено полностью. Кто мудрит, тот остается в дураках

Остаток вечера и часть следующего дня были посвящены тщетным догадкам: кто же наш враг? Почти не было такой семьи по соседству с нами, на которую не пало бы подозрение, причем каждый из нас имел свои особые причины подозревать то или иное семейство. Так сидели мы да гадали, когда вдруг в комнату вбежал один из малышей; он держал в руках какой-то бумажник и сказал, что подобрал его, играя на лужайке. Бумажник этот был нам всем хорошо знаком - не раз видели мы его в руках у мистера Берчелла. Среди бумаг всякого рода внимание наше привлекла к себе одна: она была запечатана и на ней значилась следующая надпись: "Копия письма, которое надлежит послать двум дамам в замок Торнхилл". Мы тут же все решили, что клеветник найден, и только колебались: распечатывать ли нам письмо или нет? Я всячески противился тому, но Софья, говоря, что изо всех известных ей людей он менее всего способен на такую низость, настаивала на том, чтобы письмо было прочитано вслух. Ее поддержали все и, уступив их просьбам, я прочитал следующее:

"Сударыни, предъявитель сего письма откроет вам имя того, кто к вам обращается: автор его есть друг добродетели, готовый, воспрепятствовать всякому покушению ее совратить. Мне стало известно о вашем намерении увезти в столицу, под видом компаньонов, двух молодых особ, отчасти мне знакомых. Я не могу допустить, чтобы доверчивость была обманута, а добродетель поругана, и считаю своим долгом предупредить вас, что столь неосторожный шаг с вашей стороны повлечет за собой последствия самые пагубные. Не в моих правилах с излишней суровостью карать тех, кто погряз в разврате и безнравственности; и ныне я не стал бы пускаться в объяснения, если бы речь шла всего лишь о какой-нибудь легкомысленной проказе, а не о тяжком проступке. Примите же мое дружеское предостережение и поразмыслите о последствиях, каковые наступят, если порок и распутство проникнут туда, где донныне царила мирная добродетель".

С сомнениями было покончено. Правда, это письмо можно было понимать двояко, и

осуждение, в нем выраженное, могло бы с таким же успехом относиться к тем, кому оно было адресовано, как и к нам. Но так или иначе оно дышало явным недоброжелательством, а этого с нас было довольно. У жены едва достало терпения дослушать письмо до конца, и она тут же дала волю своему негодованию на его автора. Оливия была не менее сурова, а Софья казалась потрясенной его предательством. Что касается меня, я в жизни не встречал более вопиющей неблагодарности. И я объяснял ее единственно его желанием задержать мою младшую дочь в деревне, чтобы самому иметь возможность чаще видаться с ней.

Мы перебирали различные способы мщения, когда второй наш малыш прибежал сообщить, что мистер Берчелл идет к нам и уже находится на том конце поля. Невозможно описать то смешанное чувство - боли от только что понесенной обиды и радости от предвкушения близкой мести, - которое охватило нас. Правда, мы всего лишь хотели попрекнуть мистера Берчелла его неблагодарностью, но при этом уязвить его как можно чувствительнее. И вот с этой целью мы сговорились встретить его, как всегда, приветливой улыбкой и начать разговор даже любезнее, чем обычно, чтобы отвлечь его внимание; затем, посреди всего этого благодушия, застигнуть его врасплох, внезапно, как землетрясение, ошеломить его и заставить ужаснуться собственной низости. Осуществление нашего плана жена взяла на себя, так как и в самом деле имела некоторый талант к подобного рода предприятиям. Вот он приближается, входит в дом, подвигает себе стул и садится.

- Хорошая погодка, мистер Берчелл!

- Погода отличная, доктор; впрочем, боюсь, что быть дождю: что-то побаливает нога.

- Рога побаливают? - воскликнула моя жена с громким смехом, и тут же попросила прощения, говоря, что ей подчас трудно бывает удержаться от шуток.

- Дражайшая миссис Примроз, - отвечал он, - от души прощаю вас, тем более что не догадался бы, что вы изволили шутить, кабы вы сами о том не сказали.

- Возможно, возможно, - сказала она, подмигивая нам. - Ну, да вы, верно, знаете, почему фунт шуток?

- Не иначе, сударыня, - отвечал мистер Берчелл, - вы сегодня с утра читали книгу острословия! Фунт шуток, ведь это куда как остроумно! И все же, сударыня, что до меня, я предпочел бы полфунта здравого смысла.

- Охотно верю, - ответила жена, все еще улыбаясь, хотя шутка уже обратилась против нее. - Тем не менее я знавала джентльменов, мнящих себя бог знает какими умниками, а между тем этого здравого смысла не было у них и на грош.

- Вам, верно, встречались и дамы, - возразил ее противник, притязавшие на остроумие без малейших к тому оснований.

Я быстро смекнул, что в этой перепалке жене несдобровать, и решил вмешаться в разговор и повести его в несколько более суровом тоне.

- И остроумие, и здравый смысл, - воскликнул я, - ничто без честности: она одна придает человеку цену; невежественный и добродетельный поселянин стоит неизмеримо выше какого-нибудь философа, если тот порочен. Но что талант, что храбрость, если нет при этом сердца? "Венец творенья - честный человек" - помните?

- Должен сказать, что это затасканное изречение Александра Попа мне всегда казалось недостойным его дарования, - возразил мистер Берчелл, каким-то нелепым самоуничижением. Ведь хорошую книгу мы ценим не за то, что в ней нет изъянов, а за те красоты, что находим в ней; так и в человеке самое важное не то, чтобы за ним числилось поменьше недостатков, а то, чтобы у него было побольше истинных добродетелей. Иному ученому, быть может, не хватает благоразумия, этот государственный муж страдает избытком гордости, а тот воин отличается чересчур свирепым нравом; но неужели этим людям должны мы предпочесть несчастного поденщика, который влачит жалкое существование, не вызывая ни хулы, ни похвал? Это все равно, что предпочесть скучные и правильные картинки фламандской школы дивно вдохновенному, пусть неправильному, карандашу римского художника!

- Сударь, - отвечал я, - замечание ваше справедливо в том случае, когда поистине

лучезарной добродетели противопоставляются какие-нибудь незначительные недостатки, но, когда великие пороки противостоят у одного и того же человека столь же необычайным добродетелям, тогда, сударь, такой человек достоин презрения.

- Возможно, - воскликнул он, - что и существуют на свете чудища, каких вы сейчас обрисовали, у которых великие пороки сочетались бы с великими добродетелями, однако мне за всю мою жизнь ни разу они не попадались. Напротив, я замечал, что обычно человек ума незаурядного обладает также и добрым сердцем. В самом деле, провидение и тут являет необычайную свою благость, редко наделяя острым умом того, чье сердце преисполнено скверны, и, таким образом, там, где есть воля творить зло, обычно не хватает сил эту волю поддержать. Это правило как будто простирается даже на животное царство; ведь род мелких хищников отличается коварством, жестокостью и трусостью, в то время как звери, наделенные силой великой, обычно благородны, храбры и великодушны.

- Замечание справедливое, - возразил я, - однако я без труда мог бы указать сей же час человека, - тут я пристально воззрелся на него, - у которого ум и сердце находятся в самом удивительном противоречии друг с другом. Да, да, сударь, - продолжал я, возвышая голос, - и я рад случаю, который дает мне возможность обличить его в ту самую минуту, когда почитает он себя в безопасности! Знаком ли вам этот предмет, сударь, - этот бумажник?

- Да, сударь, - отвечал он, ничуть не меняясь в лице, - это мой бумажник, и я рад, что он нашелся.

- А это письмо?! - воскликнул я. - Оно вам знакомо? Да не вздумайте хитрить, слышите? Смотрите мне в глаза и отвечайте: знакомо ли вам это письмо?

- Это письмо? - отвечал он. - Конечно; я его сам написал.

- И у вас поднялась рука, - продолжал я, - написать такое письмо? Какая низость и какая неблагодарность!

- И у вас поднялась рука, - отвечал он, дерзко глядя мне в глаза, вскрыть мое письмо? Какая низость! Да знаете ли вы, сударь, что за одно это я могу вас повесить? Достаточно мне пойти к судье и заявить под присягой, что вы вскрыли чужой бумажник - как вас повесят тут же, перед дверьми собственного вашего дома!

Эта наглая выходка повергла меня в совершенное неистовство.

- Неблагодарная тварь! - закричал я, не в силах уже сдержаться. - Вон, и не оскверняй моего жилища! Вон! И не попадайся мне на глаза! Вон отсюда, и да будет совесть твоя тебе палачом!

С этими словами я швырнул ему бумажник под ноги. Он подобрал его с улыбкой, преспокойно захлопнул его и ушел; мы были поражены его хладнокровием. Больше всего жену выводила из себя именно эта его невозмутимость и то, что он как будто и не думал стыдиться своей подлости.

- Душа моя, - сказал я, чувствуя необходимость успокоить слишком уж бурное негодование моих близких, - никогда не следует удивляться тому, что у дурных людей нет стыда; они краснеют лишь в тех случаях, когда их уличают в добром деле, пороками же своими они тщеславятся.

Грех и Стыд (так гласит аллегория) были некогда друзьями и в начале странствования шли рука об руку. Вскоре, однако, союз этот показался неудобен обоим: Грех частенько причинял беспокойство Стыду, а Стыд то и дело выдавал тайные замыслы Греха. Они все вздорили меж собой и наконец решили расстаться навсегда. Грех смело продолжал путь, стремясь обогнать Судьбу, которая шествовала впереди в образе палача; Стыд, будучи по натуре своей робок, поплелся назад к Добродетели, которую они в самом начале своего странствия оставили одну. Так-то, дети мои, едва человек ступит на стезю порока, как Стыд его покидает и спешит назад - охранять оставшиеся немногочисленные добродетели.

ГЛАВА XVI

Наши пускают в ход хитрость, но им отвечают хитростью еще большею

Не знаю, как Софья, но остальные члены семьи легко примирились с отсутствием мистера Берчелла, утешаясь обществом помещика, который отныне зачастил к нам и подолгу

у нас просиживал. Ему не удалось потешить моих дочерей столичными увеселениями, как он того желал, зато он не упускал случая доставить им те скромные развлечения, какие были доступны в нашей уединенной жизни. Он приходил с утра, и, пока мы с сыном работали в поле, сидел с дамами, забавляя их описанием столицы, с каждым закоулком которой он был прекрасно знаком. Он мог пересказать самые последние сплетни театральных кулис и все каламбуры прославленных остряков знал наизусть задолго до того, как они попадали в сборники. В перерывах между разговорами он обучал моих дочерей игре в пикет или заставлял моих мальчуганов драться по всем правилам бокса, затем чтобы они, как он выражался, "наострились"; впрочем, мы были так ослеплены желанием заполучить его в зятя, что не видели всех его несовершенств. Жена - надо отдать ей справедливость - расставляла тысячи ловушек или, сказать скромнее, употребила все свое искусство, чтобы оттенить достоинства своей дочери. Печенье к чаю потому лишь получилось такое рассыпчатое и хрустящее, что его пекла Оливия; настойка сладка оттого, что Оливия собственноручно собирала крыжовник; нежно-зеленым цветом своим огурчики обязаны были тому, что это Оливия готовила рассол, а пудинг вышел таким удачным лишь благодаря уму, с каким Оливия сочетала его составные части. Затем бедная женщина принималась говорить, что господин Торнхилл с Оливией совсем друг другу под стать, и ставила их рядышком, чтобы решить, кто же в конце концов выше. Ухищрения ее, которые она считала тайными и которые на самом деле были очевидны для всех, чрезвычайно нравились нашему благодетелю, и он каждый день являл новые доказательства своей страсти; правда, страсть эта еще не приняла форму официального предложения руки и сердца. Впрочем, мы ожидали, что это может случиться в любую минуту, а самую медлительность его приписывали то врожденной застенчивости, то боязни вызвать неудовольствие дядюшки. Приключившееся вскоре событие не оставило уже никаких сомнений в том, что он намеревается сделаться членом нашей семьи; что касается жены, то она в этом видела форменное обещание.

Как-то, побывав с ответным визитом у соседа Флембро, мои жена и дочки обнаружили, что члены его семейства заказали свои портреты странствующему живописцу, который брал по пятнадцати шиллингов с головы. Надо сказать, что между нашими семействами существовало своего рода соперничество каждое стремилось выказать свой вкус перед другим; так что мы, конечно, очень всполошились, обнаружив, что те опередили нас; и вот, несмотря на все мои доводы, а я привел их немало, было решено, что и мы закажем свои портреты живописцу. Итак, мы его пригласили к себе (что я мог поделаться?), и теперь нам оставалось показать превосходство своего вкуса в выборе поз. В семье соседа насчитывалось семь человек, они взяли семь апельсинов - каждый по апельсину, и так их художник и изобразил - каждого в отдельности, с апельсином в руке. Ни вкуса, ни фантазии, а уж о композиции говорить не приходится! Нам хотелось чего-нибудь позатейливее, и после долгих споров мы наконец пришли к единодушному заключению: чтобы художник написал с нас большой семейный портрет в историческом жанре. Оно и дешевле получалось, ибо тут требовалась всего одна рама и, уж конечно, было не в пример благороднее; нынче только так портреты и пишут. Мы никак не могли подобрать исторический сюжет, который подошел бы всем, и поэтому решено было, что каждый изберет то историческое лицо, которое ему придется по душе. Так, жена захотела быть представлена Венерой, причем живописцу велели не скупиться на брильянты в корсаже и волосах. Малыши должны были изображать купидонов подле нее, в то время как я в полном своем облачении преподносил ей мои книги, написанные по поводу уистонианского диспута. Оливия была задумана как амазонка, с хлыстом в руке, среди цветов, в расшитом золотом платье для верховой езды. Софья должна была быть представлена пастушкой с таким количеством овец, какое живописец согласится изобразить за ту же цену. Мозеса нарядили в шляпу с белым пером.

Помещик был очарован нашим вкусом и настоял на том, чтобы его включили в фамильный портрет у ног Оливии, в виде Александра Македонского. В этом его желании мы усмотрели самое недвусмысленное намерение породниться с нашей семьей и, уж конечно, не могли ему отказать. Художнику было велено приступить к делу, а так как работал он

усердно и быстро, то уже на четвертый день картина была готова. Это было большое полотно, и художник, надо отдать ему справедливость, не пожалел красок, за что и удостоился щедрой похвалы от моей супруги. Мы остались очень довольны его работой; но одно злосчастное обстоятельство, о котором мы не подумали раньше, теперь, по окончании работы, чрезвычайно нас огорчило. Картина была так велика, что во всем доме не оказалось для нее места. Как это мы упустили из виду столь существенное обстоятельство, остается загадкой. Но так или иначе мы страшно просчитались. Картина ни в одни двери не проходила, и вот вместо того, чтобы тешить наше честолюбие, она стояла в летней кухне, занимая целую стену - в том самом месте, где живописец натянул холст на подрамник и расписал его, к вящему нашему унижению и великой радости всех соседей. Одни сравнивали ее с пирогой Робинзона Крузо, которую нельзя было сдвинуть с места из-за ее величины; по мнению других, она больше напоминала катушку в бутылке; третьи ломали голову, как ее теперь вытащат, четвертые же дивились, как только она влезла туда.

Но не столько насмешек, сколько злоречия вызывала эта картина. Слишком велика была честь, оказанная нам помещиком, чтобы не пробудить зависть у соседей. Всюду на наш счет вполголоса сплетничали, и покой наш постоянно нарушался людьми, которые из дружбы сообщали нам, что о нас говорят наши враги. Все эти толки мы, разумеется, рьяно опровергали; но ведь сами возражения подчас и питают сплетню.

Мы снова стали держать совет: как обезоружить злобу наших врагов? И выработали план, на мой взгляд, даже чересчур хитроумный. Надобно было выяснить, имеет ли мистер Торнхилл в самом деле серьезные намерения, и поэтому жена взяла на себя миссию прощупать его и с этой целью задумала обратиться к нему за советом относительно замужества своей старшей дочери. Если этот маневр не вынудит его сделать предложение, положили пугнуть его соперником. На последний шаг я, однако, никак не хотел дать свое согласие, пока Оливия не обещала мне, что, если помещик в конце концов так и не пожелает на ней жениться сам, она выйдет замуж за того, кого изберут ему в соперники. Таков был наш план, и если я не достаточно решительно противился исполнению его, то и не слишком его одобрял.

Итак, в следующее посещение мистера Торнхилла девицы постарались не показываться ему на глаза, чтобы дать возможность матушке действовать, как задумано; удалились они, правда, всего лишь в соседнюю комнату, откуда могли слышать весь разговор. Жена искусно начала его замечанием об удивительном счастье, привалившем одной из мисс Флембро, которой достался такой жених, как мистер Спанкер. Гость согласился; впрочем, заметила жена, имея изрядное приданое, всякая может рассчитывать на хорошего жениха.

- Но, боже, помоги бесприданнице! - воскликнула она, Кому нужна красота, мистер Торнхилл? Кому нужна добродетель да и прочие достоинства в наш корыстный век? Не какова невеста, а каково ее приданое - вот что нынче интересует людей!

- Сударыня, - отвечал он, - я не могу не оценить справедливость, а также оригинальность вашего замечания; и если б я был король, поверьте, я бы все устроил иначе. То-то было бы раздолье бесприданницам! И в первую очередь я, конечно, позаботился бы о ваших дочерях.

- Ах, сударь, - отвечала жена, - вам угодно шутить; впрочем, я хотела бы быть королевой: тогда я знала бы, где мне искать муженька для своей старшей! Но раз уж мы всерьез об этом заговорили, мистер Торнхилл, не посоветуете ли мне, где найти подходящего жениха для нее? Ей уже девятнадцать лет, красотой не обижена, и образована изрядно и, по моему смиренному разумению, не лишена кое-каких природных дарований.

- Сударыня, - возразил он, - если бы от меня зависел выбор, я бы для нее постарался разыскать человека, обладающего всеми достоинствами, какие потребны, чтобы ангела сделать счастливым; человека разумного, богатого, с изысканным вкусом и открытым сердцем; таков, сударыня, па мой взгляд, и должен быть муж вашей дочери!

- Так-то так, сударь, - сказала она, - да есть ли у вас на примете такой человек?

- О нет, сударыня, - возразил он, - невозможно представить себе человека, достойного

быть ее мужем; это слишком большое сокровище, чтобы один человек обладал им исключительно: она богиня. Клянусь вам, я говорю то, что думаю: она ангел!

- Ах, мистер Торнхилл, вы льстите моей бедной девочке. А между тем мы подумываем, не отдать ли ее одному из ваших фермеров, он недавно схоронил свою матушку и теперь ищет хозяйку в дом; да вы его знаете - я говорю об Уильямсе; у этого есть деньжонки, мистер Торнхилл, он ее не уморит с голоду; он уже давно к ней сватается. (Это была истинная правда) Но, сударь, заключила она, - мне хотелось бы заручиться вашим одобрением.

- Как, сударыня! - отвечал он. - Моим одобрением, сударыня?! Одобрить такой выбор - да ни за что! Как? Принести всю эту красоту, ум, добродетель в жертву деревенскому облому, который не способен даже оценить своего счастья! Извините, но я никак не могу одобрить такую вопиющую несправедливость! К тому же у меня есть причины...

- Причины, сударь? - подхватила Дебора. - Если у вас есть причины, то это меняет дело. Но позвольте полюбопытствовать, что у вас за причины?

- Увольте, сударыня, - отвечал он. - Они слишком глубоко запрятаны (тут он положил руку на сердце) - они погребены здесь, они недосыгаемы.

Он ушел, и на общем семейном совете мы долго ломали голову, как понять все эти изъявления деликатных чувств. Оливия видела тут признак самой возвышенной страсти. Я был не столь в том уверен; мне и самому казалось, что тут пахнет любовью, да только не той, что приводит к венцу; как бы то ни было, однако решено было продолжать осуществление плана относительно фермера Уильямса, который ухаживал за моей дочерью в самого нашего появления в этих краях.

ГЛАВА XVII

Где та добродетель, что устоит перед длительным и сладостным соблазном?

Счастье дочери было для меня важнее всего, и поэтому упорство мистера Уильямса, человека состоятельного, благоразумного и прямодушного, меня радовало. Немного потребовалось усилий, чтобы разжечь его былую страсть, и на второй или третий вечер они встретились с мистером Торнхиллом в нашем доме и обменялись яростными взглядами. Впрочем, Уильямс платил аренду исправно, и посему помещичий гнев не был ему страшен. Оливия же, со своей стороны, великолепно разыграла роль кокетки (если можно назвать ролью то, что являлось ее подлинной сущностью) и выказывала новому поклоннику самое нежное внимание.

Мистер Торнхилл, казалось, был убит столь явным предпочтением и с видом грустно-задумчивым удалился. По правде сказать, я никак не мог взять в толк, почему он, если и в самом деле такое положение вещей огорчает его, не положит конец своему страданию, открыто заявив о своем чувстве. Впрочем, как ни велика была боль, испытываемая им, она не могла равняться с мукой, которую испытывала Оливия. После каждой такой встречи ее поклонников, а такие встречи происходили не раз, она обычно спешила где-нибудь уединиться, чтобы всецело предаться своему горю. В таком-то положении я и застал ее однажды после того, как она весь вечер была притворно весела.

- Ну вот, теперь ты видишь, мое дитя, - сказал я, - что все твои упования на чувство мистера Торнхилла - мечта; он допускает соперничество человека во всех отношениях ниже его стоящего, хотя и знает, что в его власти получить твою руку, стоит только объясниться открыто.

- Правда ваша, батюшка, - отвечала она, - однако у него есть немаловажная причина медлить, я это знаю доподлинно. Искренность его слов и взоров убеждает меня в том, что я пользуюсь несомненным его расположением. Пройдет совсем немного времени, и я надеюсь, что благородство его чувств станет явным для всех и убедит вас в том, что мое мнение о нем справедливее, нежели ваше.

- Оливия, дружочек мой, - ответил я, - ведь мы уже немало употребили уловок, тобой же придуманных, чтобы заставить его объясниться, и заметь, что я ни в чем тебя тут не

стеснял. Не думай, впрочем, дорогая моя, что я и в дальнейшем потерплю, чтобы его честного соперника продолжали дурачить ради твоей злополучной страсти. Проси какой хочешь срок для того, чтобы подвести своего мнимого поклонника к объяснению; однако к концу этого срока, если он окажется по-прежнему беспечен, я должен буду настаивать, чтобы достопочтенный мистер Уильямс был вознагражден за свое постоянство. Честное имя, которое я себе снискал, обязывает меня к этому, и нежность родителя никогда не поколеблет во мне твердости, необходимой благородному человеку. Итак, назови мне срок пусть самый отдаленный! - да постарайся как-нибудь оповестить мистера Торнхилла о том дне, когда я намерен отдать тебя за другого. Если он действительно любит тебя, то собственный разум подскажет ему единственный способ не потерять тебя навеки.

Она не могла не признать всей справедливости моих слов и подтвердила данное ею обещание выйти замуж за мистера Уильямса, если другой окажется бесчувствен. При первом же случае в присутствии мистера Торнхилла был назначен день, когда ей предстояло обвенчаться с его соперником; сроку положили месяц.

Вследствие сих решительных мер мистер Торнхилл, казалось, встревожился пуще прежнего, меня же беспокоило душевное состояние Оливии. В жестокой борьбе страсти с благоразумием, которая происходила у нее в душе, она совершенно потеряла свойственную ей живость характера и веселость, и теперь при всяком случае стремилась скрыться от людей и лить слезы в одиночестве. Прошла неделя, а мистер Торнхилл никаких усилий не прилагал к тому, чтобы помешать свадьбе. Следующую неделю он был нежен не менее обычного, но по-прежнему ничего не говорил. На третьей он вовсе перестал бывать. Однако, к удивлению своему, я не заметил, чтобы Оливия проявила досаду либо нетерпение; напротив, меланхолическое спокойствие, казалось, овладело ее духом, и спокойствие это я принял за знак примирения с судьбой. Что касается меня, я от души радовался мысли, что дочь моя будет жить отныне в довольстве и мире, и хвалил ее за то, что она предпочла истинное счастье показному великолепию.

Однажды вечером, дня за четыре до предполагаемой свадьбы, все семейство собралось вокруг нашего уютного камина, делясь воспоминаниями о прошлом и планами на будущее, строя тысячи всевозможных проектов и смеясь собственным дурачествам.

- Ну вот, Мозес, - воскликнул я, - скоро будем пировать на свадьбе, сынок. Что ты скажешь о наших делах?

- По моему разумению, отец, все устраивается отличнейшим образом, и я как раз сейчас подумал, что, когда сестрица Ливви станет женой фермера Уильямса, нам можно будет бесплатно пользоваться его прессом и бочонками для пива.

- Верно, Мозес! - воскликнул я. - И в придачу для пущего веселья он еще споет нам "Женщину и Смерть"!

- Он выучил нашего Дика этой песне, - воскликнул Мозес, - и, по-моему, малыш поет ее премило.

- Вот как? - воскликнул я. - Что ж, послушаем. Где же наш малютка Дик? Давай его сюда, да пусть не робеет.

- Братец Дик, - воскликнул самый младший мой мальчонка Билл, - только что вышел куда-то с сестрицей Ливви; но фермер Уильямс научил и меня двум песенкам, и я их сейчас вам спою, батюшка. Какую хотите - "Умиравшего Лебедя" или "Элегию на смерть бешеной собаки"?

- "Элегию", мальчик, конечно, "Элегию", - сказал я, - я еще ни разу ее не слышал. Дебора, душа моя, печаль, как тебе известно, сушит - не распить ли нам бутылочку твоей крыжовенной настойки, чтобы развеселиться? Последнее время я столько слез пролил над всякими этими элегиями, что, боюсь, без живительной влаги не выдержать мне и на сей раз. А ты, Софья, побренчи-ка на гитаре, пока он поет!

ЭЛЕГИЯ

НА СМЕРТЬ БЕШЕНОЙ СОБАКИ

Мои друзья, вот была для вас,

А может, небылица,
Хоть коротенок мой рассказ,
Зато недолго длится.
Жил негде праведник большой,
Он в рай искал дорогу,
И веру чтит он всей душой,
Когда молился богу.
Врага встречал он своего
Как друга дорогого
И одевался для того,
Чтобы одеть нагого.
Но в том краю, гроза воров,
Жила еще собака:
Барбос, лохматый блохолов,
Задира и кусака.
Тот человек и тот барбос
До ссоры жили в мире,
Но тяпнул человека пес,
Как свойственно задире.
На шум людей сбежалось тьма,
Твердили в одно слово:
Как видно, пес сошел с ума,
Что укусил святого.
Тут рану рассмотрел народ
И пуще рассердился.
Кричали: человек умрет,
Проклятый пес взбесился.
Но чудеса плодит наш век,
И люди зря галдели:
Пес околел, а человек
Живет, как жил доселе.
{Перевод В. Левика.}

- Молодчина, Билли, право, молодчина! Воистину трагическая элегия! Выпьем же, дети, за здоровье Билли, да станет он епископом!

- От всей души согласна! - воскликнула жена. - И если он так же хорошо будет читать проповеди, как поет, то я за него спокойна. Впрочем, ему и не в кого плохо петь! У меня по материнской линии все в роду пели. У нас на родине даже поговорка такая сложилась: "Все Бленкинсоны косят на оба глаза, у Хаггинсов такая слабая грудь, что и свечи задуть не могут, Грограммы мастера песни петь, а Марджорамы рассказывать истории".

- Отлично! - вскричал я. - И должен сказать, что какая-нибудь простонародная песенка мне милей нынешней высокопарной оды и этих творений, что ошеломляют нас своим единственным куплетом, удивляя и отвращая нас в одно и то же время. Пододвинь братцу стакан, Мозес! Беда всех этих господ сочинителей элегий в том, что они приходят в отчаяние от горестей, которые никак не могут взволновать человека разумного. Дама потеряла муфту, веер или болонку, и, глядишь, глупый поэт мчится домой облечь это бедствие в рифму.

- Может быть, в области высокой поэзии, - воскликнул Мозес, - в самом деле существует такая мода, но песенки, что распевают в парке Ранела, трактуют о материи вполне обыденной, и все составлены на один манер. Колин встречает Долли, и между ними завязывается беседа; он привозит ей с ярмарки булавку для волос, она дарит ему букетик; затем они отправляются в церковь под венец и советуют всем молоденьким нимфам и пастушкам обвенчаться как можно скорей.

- Прекрасный совет! - воскликнул я. - И нигде, говорят, он не звучит так убедительно,

как в этом парке; там человека не только уговорят жениться, но еще и жену ему подыщут. Укажут: "Тебе не хватает того-то и того-то", - и тут же предложат недостающий товар. Вот это торговля, сын мой, вот это я понимаю!

- Верно, сударь, - отвечал Мозес, - и говорят, что таких ярмарок невест только две во всей Европе: Ранела в Англии и Фонтарабия в Испании. Испанская ярмарка бывает раз в году, английскую же невесту можно приобрести всякий вечер.

- Правда твоя, мой мальчик! - воскликнула тут его матушка. - На всем белом свете нет таких жен, как в нашей старой Англии.

- И нигде жены не умеют так вертеть мужьями, как в Англии! - прервал я ее. - Недаром в Европе говорят, что, если перекинуть мост через море, все дамы перейдут к нам поучиться у наших жен, ибо таких жен, как наши, ни в какой другой стране не сыщешь. Впрочем, дай-ка сюда еще бутылочку, Дебора, жизнь моя, а ты, Мозес, спой нам какую-нибудь славную песенку. Да будут благословенны небеса, ниспославшие нам покой, доброе здоровье и довольство! Сейчас я чувствую себя счастливее самого могущественного монарха на свете! Разве у него есть такой камин, разве окружают его такие милые лица? Нет, моя Дебора, пусть мы с тобой стареем, зато вечер нашей жизни обещает быть ясным. Ни единое пятнышко не омрачило совести наших предков, и мы после себя тоже оставим честное и добродетельное потомство. Пока мы живы, они служат нам опорой и радостью на этом свете, а как умрем, передадут незапятнанную честь нашего рода своим потомкам. Запевай же, сын, песню, а мы все подтянем! Но где возлюбленная моя Оливия? Ее ангельский голосок слаще прочих звучит в наших семейных концертах.

Едва произнес я последние слова, как в комнату вбежал Дик.

- Батюшка! Она уехала от нас... Она уехала от нас, сестричка Ливви уехала от нас навсегда!

- Уехала, мальчик?

- Да, уехала в почтовой карете с двумя джентльменами, и один из них поцеловал ее и сказал, что готов за нее умереть, и она ужасно плакала и хотела возвратиться, но он стал ее снова уговаривать, и она села в карету, сказав: "Ах, мой бедный папенька! Что-то он будет делать, как узнает, что я себя погубила?"

- Вот теперь-то, - вскричал я, - дети мои любезные, теперь ступайте оплакивать судьбу свою, ибо с этого часу не видеть нам более радостей. И да покарает небо его и весь род его неустанной своей яростью! Похитить у меня мое дитя! Нет, ему не избежать кары за то, что отторгнул от меня невинную голубку мою, которую вел я по праведному пути. Такую чистую! Нет, нет, не будет нам уже счастья на земле! Ступайте, дети мои, ступайте стезей несчастья и бесчестья, ибо сердце мое разбито!

- Отец! - воскликнул мой сын. - Так-то ты являешь нам твердость духа?

- Ты сказал - твердость, мальчик?! Да, да, он увидит мою твердость неси сюда мои пистолеты... Я брошусь в погоню за предателем... Пока ноги не перестанут носить его по земле, не перестану и я гнаться за ним! Пусть я старик, он убедится, злодей, что я могу еще драться... Коварный злодей!

Я уже держал в руках пистолеты, когда бедная моя жена, у которой страсти никогда не доходили до такого неистовства, как у меня, бросилась мне на шею.

- Возлюбленный супруг мой! - вскричала она. - Священное писание - вот единственное оружие, приличное дряхлой твоей руке. Открой же эту книгу, мой милый, и боль претвори в терпение, ибо дочь гнусно обманула нас.

- В самом деле, сударь, - продолжал мой сын после некоторого молчания, - столь неистовая ярость вам не к лицу. Вместо того чтобы утешать матушку, вы только усугубляете ее муку. Не пристало вам в вашем сане клясть своего злейшего врага; вы не должны были проклинать его, пусть он и трижды злодей.

- Неужели, мальчик, я его проклял?

- Да, сударь, дважды.

- Да простит мне в таком случае небо, и, да простит оно его! Вот, сын мой, теперь я

вижу, что одно лишь божественное милосердие могло научить нас благословлять врагов наших. Да будет благословенно имя его за все, что он нам ниспослал, и за все, что отнял! Но только... только знайте, велико же должно быть горе, чтобы исторгнуть слезы из этих старых очей, десятки лет уже не ливших слез! Мое дитячко... погубить мою голубку! Да будет... да простит мне небо! Что это я хотел сказать? Ты ведь помнишь, душа моя, как добродетельна она была и как прелестна? Ведь до этой несчастной минуты она только и думала о том, как бы нам угодить! Лучше бы она умерла! Но она бежала, честь наша запятнана, и отныне я могу уповать на счастье лишь в ином мире. Но, мальчик мой, ты видел, как они уезжали, - может быть, он увез ее насильно? Если так, то она, может быть, ни в чем и не повинна.

- Ах нет, сударь! - воскликнул малыш. - Он только поцеловал ее и назвал своим ангелом, и она сильно заплакала и оперлась на его руку, и они быстро-быстро поехали.

- Неблагодарная девчонка, вот она кто! - сказала жена сквозь слезы. Как могла она так поступить с нами, мы ведь никогда ни в чем ее не приневоливали. Мерзкая потаскушка ни с того ни с сего подло бросить отца с матерью! Она сведет тебя преждевременно в могилу, и в скором времени за тобой последую и я!

Так - в горьких сетованиях и бесполезных вспышках чувства - провели мы эту первую ночь подлинных наших бедствий. Я решился, впрочем, разыскать бесчестного предателя, где бы он ни скрывался, и изблечить его в низком его поведении. Наутро за завтраком мы живо ощутили отсутствие нашей бедной девочки, ибо она обычно вселяла радость и веселье в наши сердца. Жена по-прежнему старалась облегчить свое горе упреками.

- Никогда, - вскричала она, - никогда эта негодница, опорочившая свою семью, не переступит смиренный сей порог! Никогда больше не назову я ее своей дочерью! Нет! Пусть себе живет потаскушка с мерзким своим соблазнителем! Она покрыла нас позором, это верно, но, во всяком случае, обманывать себя мы больше не дадим.

- Жена, - сказал я, - к чему такие жестокие речи? Я не менее твоего гнушаюсь грехом, ею совершенным. Но и дом мой, и сердце мое всегда будут открытыми для бедной раскаявшейся грешницы, если она пожелает возвратиться. И чем скорее отвернется она от греха, тем любезнее будет она моему сердцу. Ибо и лучшие из нас могут заблуждаться по неопытности, поддаваться на сладкие речи, прельститься новизной. Первый проступок есть порождение простодушия, всякий же последующий уже детище греха. Да, да, несчастная всегда найдет приют в сердце моем и в доме, какими бы грехами она ни запятнала себя! Снова буду внимать я музыке ее голоса, снова нежно прижму ее к своей груди, как только в сердце ее пробудится раскаяние. Сын мой, дай мне мою Библию и посох! Я последую за ней и разыщу ее, где бы она ни скрывалась; если я и не в силах спасти ее от позора, по крайней мере, не дам ей погрязнуть в грехе.

ГЛАВА XVIII

Отец отправляется на розыски дочери, дабы вернуть ее на стезю добродетели

Хоть малыш и не мог описать наружность того, кто посадил его сестру в карету, мои подозрения целиком сосредоточились на молодом помещике, который славился приключениями подобного рода. Поэтому я направился к Торнхиллу, намереваясь уличить его и, если удастся, увести свою дочь домой. Однако по дороге туда я повстречал одного из своих прихожан, и он сказал, будто видел почтовую карету и в ней молодую особу, похожую на мою дочь, рядом с джентльменом, в котором я по описанию рассказчика без труда узнал мистера Берчелла. Он прибавил, что карета мчалась с великой скоростью. Я не поверил и продолжал свой путь к замку Торпхилла и, прибыв туда, несмотря на ранний час, настоял на том, чтобы обо мне доложили.

Мистер Торнхилл вскоре вышел ко мне с видом совершенно непринужденным и открытым; казалось, известие о бегстве моей дочери поразило его, словно громом. Честным словом заверил он меня, что впервые обо всем этом слышит. Теперь мне ничего не оставалось, как, отказавшись от прежних своих подозрений, обратить их на мистера Берчелла; я вдруг припомнил, что и впрямь в последнее время частенько заставлял их обоих

за таинственной беседой. Подвернувшийся тут еще один свидетель уже не оставил во мне ни малейшего сомнения в том, что злодей был, действительно, не кто иной, как мистер Берчелл; по словам этого свидетеля, они вместе с моей дочерью отправились к целебному источнику в Тэнбридже, милях в тридцати отсюда, куда стеклось большое общество.

Я находился в том состоянии духа, когда человек отказывается рассуждать трезво и способен на одни лишь опрометчивые поступки; даже не подумав о том, что, быть может, меня нарочно сбивают со следа, я отправился разыскивать дочь и воображаемого ее соблазнителя туда, куда мне указали. Не мешкая, я зашагал по дороге, расспрашивая прохожих, от которых, впрочем, не мог добиться толку, покуда не вступил в город; там мне попался навстречу всадник, в котором я узнал человека, как-то виденного мной у помещика. Он заверил меня, что, если я отправлюсь еще за тридцать миль, на скачки, то я непременно настигну беглецов, ибо не далее как вчера вечером он видел, как они там танцевали и как дочь моя пленила всех своим искусством. Рано поутру я отправился к месту скачек и примерно в четыре часа пополудни уже был там. Блистательное общество, которое я там застал, с жаром преследовало одну-единственную цель - наслаждение; сколь отлична была моя цель возвратить родное дитя в лоно добродетели! Мне показалось, что где-то невдалеке мелькнула фигура мистера Берчелла; но он как будто избегал встречи и при моем приближении смешался с толпой; больше я его не видел.

Тут я подумал, что нет смысла мне продолжать путь, и решил вернуться к бедному моему семейству, которое так нуждалось в моей поддержке. Однако душевные волнения и физическая усталость вызвали у меня лихорадку, первые признаки которой я обнаружил, когда подходил к скачкам. Еще один непредвиденный удар - ведь я был более чем в семидесяти милях от дома! Пришлось мне, однако, остановиться в небольшой придорожной харчевне, и тут, в этом приюте бережливой бедности, я вынужден был лежать, терпеливо ожидая выздоровления. Так протомился я почти три недели; наконец природное крепкое сложение одержало верх над недугом; но у меня не было денег, чтобы заплатить хозяину. Быть может, забота эта вызвала бы новый приступ лихорадки, если бы меня вдруг не выручил путник, завернувший перекусить в ту же харчевню. Избавителем моим оказался не кто иной, как наш добрый книготорговец с Сент-Полз-Черчъярд, который и сам написал изрядное количество детских книжек; он называл себя другом детей, по справедливости его следовало бы называть другом всего человечества. Едва соскочив с лошади, он уже торопился отсюда, ибо, как всегда, был озабочен делом чрезвычайной важности и сейчас, например, собирал материалы для книги о некоем мистере Томасе Трипе. Я тотчас узнал красное прыщеватое лицо этого добряка, ибо он издавал мои труды, направленные против нынешних поборников многобрачия; у него-то я и взял займы немного денег с тем, чтобы отдать их немедленно по своем возвращении домой. Покинув харчевню, я еще чувствовал значительную слабость и поэтому решил двигаться домой не спеша, делая не более десяти миль в день.

Здоровье и свойственное мне душевное равновесие почти полностью вернулись ко мне, и я теперь уже проклинал свою гордыню, которая заставила меня роптать на карающую десницу. Человек не знает, что он способен вынести, покуда на него не обрушится беда; горные вершины наших честолюбивых стремлений ослепляют нас своим блеском, покуда мы смотрим на них снизу; но когда мы начинаем взбираться на них, с каждой ступенью нашему взору открывается новая и все более мрачная картина скрытых доселе разочарований; точно так же, когда мы спускаемся с высот блаженства, какой бы унылой и мрачной нам ни показалась долина бедствий сверху, деятельная наша мысль, все еще настроенная на радостный лад, находит на каждом шагу что-либо лестное и приятное для себя. Самые темные предметы проясняются по мере нашего к ним приближения, и духовное око принаравливается к окружающему мраку.

Прошагав часа два по дороге, я заметил впереди какой-то возок и решил непременно его догнать. Когда же я с ним поравнялся, это оказался фургон странствующих комедиантов, который вез декорации и прочие театральные принадлежности в соседнюю деревушку, где

они намеревались дать несколько представлений.

При фургоне находились лишь возница да один человек из труппы, остальные должны были прибыть на другой день. С хорошим попутчиком, гласит пословица, дорога вдвое короче, поэтому я тотчас вступил в беседу с бедным комедиантом; некогда я и сам обладал изрядным актерским дарованием, и сейчас заговорил о сцене с присущей мне непринужденностью; далекий ныне от театральной жизни, я спросил, кто из пишущих для театра в чести, кого по справедливости можно считать Драйденами и Отвеями нашего времени.

- Не думаю, сударь, - вскричал актер, - чтобы наши новые сочинители почувствовали себя польщенными, услышав такое сравнение: манера Драйдена и Роу, сударь, давно уже вышла из моды, вкус наш обратился назад на целое столетие: Флетчер, Бен Джонсон и все пьесы Шекспира - вот что нынче в ходу!

- Как, - вскричал я, - возможно ли, чтобы в наше время публика находила удовольствие в этих старинных оборотах речи, обветшалых шутках, чудовищных характерах, которые в изобилии встречаются в творениях упомянутых вами сочинителей?

- Сударь, - отвечал мой собеседник, - публика ни во что не ставит такие вещи, как язык, юмор, характеры, ей до них дела нет; она приходит развлекаться и упивается пантомимой, освященной именем Шекспира или Бена Джонсона.

- В таком случае, - сказал я, - надо полагать, что современные драматурги не столько подражают природе, сколько Шекспиру?

- Сказать по правде, - отвечал мой собеседник, - они вообще ничему не подражают, да публика и не требует от них этого; ей нужды нет до содержания пьесы: неожиданные трюки да красивые позы - вот что вызывает хлопки! Я помню комедию, которая без единой шутки снискала всеобщий восторг благодаря ужимкам да подмигиваниям актеров, и другую, имевшую успех лишь оттого, что сочинитель ее наградил одного из своих героев коликами. Нет, сударь, на нынешний вкус, в творениях Конгрива и Фаркара слишком много остроумия; у нас в пьесах говорят гораздо проще.

К этому времени экипаж бродячей труппы прибыл на место; там о нас, очевидно, уже прослышали, и вся деревня высыпала поглазеть на нас, ибо, как заметил мой собеседник, у странствующих актеров обычно бывает больше зрителей за пределами театра, нежели внутри. Я не подумал о непристойности своего появления в таком обществе, пока не увидел, что вокруг нас собирается толпа, и тогда я как можно скорей скрылся в первой попавшейся харчевне. В общей комнате, куда меня проводили, ко мне тотчас подошел господин, весьма порядочно одетый, и спросил, являюсь ли я в самом деле священником труппы или только вырядился в костюм, соответствующий моей роли. Когда же я объяснил ему, в чем дело, и сказал, что никакого отношения к труппе не имею, он был так любезен, что пригласил меня и актера распить с ним чашу пунша; и все время, что мы пили, он горячо и увлеченно разглагольствовал о политике. Я про себя решил, что вижу перед собой по меньшей мере члена парламента. В этом своем мнении я укрепился еще более, когда, справившись у хозяина харчевни, что тот может предложить на ужин, он стал настойчиво приглашать нас с актером к себе домой; в конце концов мы сдались на уговоры и приглашение приняли.

ГЛАВА XIX

Портрет человека, недовольного нынешним правительством и стоящего на страже наших гражданских свобод

Новый наш знакомый предложил нам, не дожидаясь кареты, отправиться пешком, сказав, что живет неподалеку от деревни; и в самом деле вскоре мы очутились у ворот дома, великолепием своим превосходящего все, что доводилось мне видеть в этих краях. Хозяин оставил нас в комнате, которая была убрана изящно и в современном вкусе; сам он пошел распорядиться относительно ужина. Мой приятель, актер, подмигнул ему вслед и заметил, что нам весьма и весьма повезло. Хозяин наш тотчас вернулся, но не один, а с дамами, одетыми непринужденно, по-домашнему; тут же в комнату внесли изысканный ужин, и завязалась живая беседа. Разговор нашего гостеприимного хозяина вертелся почти

исключительно вокруг политики, ибо свобода, по его словам, составляла сладкую отраву его жизни. Когда убрали со стола, он спросил меня, видел ли я последний выпуск "Монитора", и, получив отрицательный ответ, воскликнул:

- Так вы, верно, и "Аудитора" не читали?

- Не читал, сударь, - ответил я.

- Странно, очень странно, - сказал хозяин, - вот я так читаю всю политику, какая выходит: и "Ежедневную", и "Всеобщую", и "Биржевую", и "Хронику", и "Лондонскую вечернюю", и "Уайтхоллскую вечернюю", все семнадцать журналов да еще два обозрения. Что мне до того, что они друг дружку люто ненавидят? Зато я их всех люблю! Свобода, сударь, свобода - вот что составляет гордость британца! И клянусь своими угольными копиями в Корнуэлле, я почитаю всех, кто стоит на страже свободы.

- В таком случае, сударь, - вскричал я, - вы должны почитать нашего короля!

- Разумеется, - отвечал наш хозяин, - когда он поступает по-нашему; но если он будет продолжать в том же духе, в каком действовал все последнее время, то я, право, перестану ломать голову над его делами. Я ничего не говорю. Я только думаю. А кое в чем я все же поступил бы умнее его! Я считаю, что ему не хватает советчиков; он должен бы советоваться со всяким, кто пожелал бы дать ему совет, и тогда у нас все пошло бы по-иному.

- А я бы, - вскричал я, - поставил всех подобных советчиков к позорному столбу! Долг всякого честного человека укреплять наиболее слабую сторону нашего государственного устройства - я имею в виду священную власть монарха, которая последние годы день ото дня слабеет и теряет свою законную долю влияния в управлении государством. А наши невежды только и знают, что кричать о свободе; и если у них к тому же есть какой-то общественный вес, то они самым неблагородным образом кладут его на ту чашу весов, которая и без того тяжела.

- Как?! - воскликнула одна из дам. - Вот уж не чаяла я встретить человека, у которого достанет подлости и низости защищать тиранию и ополчаться на свободу - на свободу, на этот священный дар небес, на это славное достояние британца!

- Возможно ли, - вскричал хозяин, - чтобы в нынешнее время среди нас сыскался поборник рабства? Человек, готовый малодушно отказаться от привилегий британца? Возможно ли, сударь, пасть так низко?

- Уверяю вас, сударь, - возразил я, - я сам за свободу, сей истинный дар богов! О, великая свобода, кто только не поет тебе нынче хвалу? Я - за то, чтобы все были королями, я и сам не прочь быть королем. Каждый из нас имеет право на престол, мы все родились равными. Таково мое убеждение, я его разделяю с людьми, которых прозвали левеллерами. Они хотели создать общество, в котором все были бы одинаково свободны, Но, увы! - из этого ничего не получилось. Тотчас обозначилось, кто посильнее да похитрее остальных, они-то и сделались хозяевами надо всеми. Посудите сами: конюх ваш ездит верхом на ваших лошадях оттого, что он животное более хитрое, чем лошадь, - так неужели животное, более хитрое и сильное, чем ваш конюх, в свою очередь, не оседлает его?

И вот, поскольку субординация заложена в самой природе человеческой, и одни рождены повелевать, а другие повиноваться, а следовательно, тиран неизбежен, то вопрос надо ставить так: что лучше - иметь этого тирана у себя под боком, в собственном доме, в городе, в котором проживаешь, или чтобы он находился подальше, - скажем, в столице? Что касается меня, сударь, то, испытывая врожденное отвращение к физиономии всякого тирана, я, естественно, предпочту, чтобы он находился как можно дальше от меня. Надо полагать, что большая часть человечества придерживается того же мнения и потому избрала себе единого монарха, сокращая таким образом число тиранов и увеличивая спасительное расстояние, отделяющее их от народа.

Знать, которая до избрания обществом единого тирана сама занимала положение тиранов, естественно, настроена враждебно к власти, над нею поставленной, - ведь она ближе всего к этой власти и, следовательно, больше всех испытывает ее гнет. Поэтому вельможам выгодно всячески ущемлять королевскую власть, ибо чем меньше власть у

короля, тем сильнее их собственное могущество. Таким образом, для того чтобы восстановить принадлежавшее им издревле влияние, они стараются подорвать власть единого тирана.

В некоторых случаях обстоятельства складываются таким образом, что условия, в которые поставлена страна, законы, в ней сложившиеся, умонастроение ее имущих сословий, - все вместе способствует дальнейшему подрыву монархии. Ибо, если, благодаря нашему государственному устройству, богатства скапливаются в руках немногих, то по мере дальнейшего обогащения этих немногих, и без того купающихся в роскоши, возрастает и властолюбие их. Подобное накопление богатства, однако, может произойти в том случае, если (как то обстоит у нас) обогащение происходит не столько благодаря домашним ремеслам, сколько вследствие торговли с иноземными купцами; ибо заморская торговля по плечу лишь богатым, которые к тому же получают все доходы с домашних промыслов; таким образом имущий у нас пользуется двумя источниками богатства, в то время как у неимущего источник один. По этой причине во всех торговых державах богатство сосредоточивается в руках немногих и подобные государства со временем неминуемо становятся аристократическими.

Опять-таки, сами обычаи и законы страны могут способствовать накоплению богатства в одних руках: так, когда естественные нити, связующие имущих с неимущими, обрываются и богатым женихам предлагают искать одних лишь богатых невест, а людей ученых, например, не допускают участвовать в управлении страной, если они недостаточно богаты, вследствие чего богатство становится целью, к коей вынужден устремляться мудрец. С помощью этих и подобных им способов, говорю я, и достигается скопление богатства в руках у немногих.

Далее, человек, разбогатев тем или иным путем, удовлетворив насущные свои нужды и прихоти, употребляет избыток на приобретение власти; иначе говоря, он стремится поставить возможно большее число людей в зависимость от своей воли, набирая их для этой цели из тех, что готовы - кто по бедности, кто из корысти - продать свою свободу и согласны за кусок хлеба терпеть издевательства первого тирана, какой случится поблизости. Так, возле крупных богачей обычно подбирается гольтыба, и государство, в котором богатства сосредоточены в руках немногих, напоминает картезианскую систему миров, где каждое небесное тело порождает вокруг себя самостоятельный вихрь. Впрочем, в водовороте знатного вельможи согласится вращаться только тот, кто рожден рабом и принадлежит к подонкам человечества, кто по душевному складу своему и воспитанию способен лишь холопствовать и о свободе знает только понаслышке.

Между тем остается еще обширная категория людей, не подпадающих под влияние богача, сословие как бы промежуточное между чернью и богачами; это люди, которые имеют достаток и потому могут не подчиняться знатному соседу и вместе с тем не столь богаты, чтобы сделаться тиранами. В этом-то среднем сословии общества обычно сосредоточены все искусства, вся мудрость, вся гражданская доблесть. И только одно это сословие и является истинным хранителем свободы, и одно лишь оно может по справедливости именоваться Народом. Бывает, однако, что это среднее сословие почему-либо теряет свое влияние в государстве, его голос как бы заглушается кликами черни, - а это неминуемо случится, если сочтут нужным уменьшить в десять раз против нынешнего имущественный ценз для избирателей, ибо таким образом большая часть черни будет вовлечена в систему управления государством, а чернь, обращающаяся, как всегда, в орбите кого-нибудь из сильных мира сего, будет во всем идти у него на поводу. Поэтому в таком государстве среднему сословию надлежит свято блюсти прерогативу и привилегию единственного кормчего. Ибо он, этот кормчий, расщепляет власть богачей и облегчает давление, оказываемое великими на малых мира сего.

Среднее сословие можно уподобить городу, который подвергается осаде со стороны богачей, а короля - войску, что спешит извне на помощь осаждаемым; пока осаждающим грозит опасность, они, естественно, станут предлагать гражданам осажденного города

наиболее выгодные условия, прельщать их сладкими речами и обещаниями; но если им удастся победить противника, нападающего на них с тыла, стены города окажутся слабой защитой для осажденных. Чего ждать в этом случае, можно видеть, обратив взор на Голландию, Геную или Венецию, где законы управляют беднотой, а богачи законами. Поэтому я стою за монархию, готов умереть за монархию, за священную монархию! Ибо единственная святыня на земле - это государь, помазанный на царство, и всякое ущемление его власти, будь то в мирное или военное время, есть посягательство на истинные свободы подданного. Один звук таких слов, как "свобода", "патриотизм", "британцы", уже причинил довольно горя, и надо надеяться, что истинные сыны свободы не станут умножать этих бедствий. Много я перевидал на своем веку так называемых поборников свободы, и, однако же, не припомню ни одного, который не был бы тираном в душе и деспотом в собственном доме!

Тут я вдруг заметил, что в пылу увлечения позволил себе говорить много дольше, чем того требовал хороший тон, к тому же и терпение моего хозяина, который несколько раз уже пытался перебить меня, наконец совсем истошилось.

- Как?! - вскричал он. - Неужто я оказал гостеприимство тайному иезуиту в облачении англиканского священника? Клянусь всеми угольными копиями Корнуэлла, он вылетит из моего дома, не будь я Уилкинсон!

Тут я понял, что хватил через край, и попросил извинить меня за неуместную свою горячность.

- Извинить?! - прорычал он в ярости. - За ваши правила надобно десять тысяч раз просить извинения. Как?! Отказаться от свободы, от собственности и, говоря словами "Газетира", навязать себе деревянные башмаки? Сударь, я настаиваю на том, чтобы вы сию же минуту покинули мой дом, или я не отвечаю за последствия. Сударь, я на этом настаиваю!

Только я собрался повторить свои извинения, как вдруг послышался стук лакеев в дверь, и обе дамы воскликнули:

- Хозяин с хозяйкой, чтоб нам умереть на месте! Оказалось, все это время я пользовался гостеприимством дворецкого, который в отсутствие хозяев захотел разыграть роль господина, - и то сказать, он рассуждал о политике, как заправский помещик! Но ничего не могло равняться с моим смущением при виде джентльмена и его супруги. Надо сказать, что и они были поражены едва ли не больше нашего, застав в своем доме всю честную компанию за пирушкой.

- Господа! - воскликнул истинный хозяин дома, обращаясь ко мне и моему спутнику. - Мы с супругой рады служить вам, но должен сказать, что честь вашего посещения столь неожиданна, что мы ею прямо-таки подавлены.

Каким бы сюрпризом ни явилось наше присутствие у них в доме, их появление было для нас еще удивительнее, - в этом я убежден, и я онемел от сознания всей нелепости своего положения. Но в эту минуту в комнату вошла моя милая мисс Арабелла Уилмот, та самая, что была когда-то помолвлена с сыном моим, Джорджем, и свадьба с которой, как известно, расстроилась. Увидев меня, она радостно бросилась мне на шею.

- Ах, сударь! - вскричала она. - Какому счастливому случаю обязаны мы вашим неожиданным посещением? Тетушка с дядюшкой будут счастливы, конечно, когда узнают, что их гость не кто иной, как добрый доктор Примроз.

Услыхав мое имя, старик и его супруга подошли ко мне и приветствовали меня словами самого радушного гостеприимства. Они не могли удержаться от улыбки, когда я поведал им, каким образом оказался гостем в их доме; бедняга дворецкий, которого они сгоряча хотели было выгнать, после моего ходатайства был прощен.

Настоящие хозяева дома, мистер Арнольд и его супруга, теперь стали уговаривать меня погостить у них несколько дней, и так как их племянница и моя очаровательная ученица - ведь ум ее сложился и развился до некоторой степени под моим руководством - присоединила к их просьбам свои, я в конце концов уступил. На ночь мне отвели

великолепную спальню, а на другой день утром мисс Уилмот пожелала пройтись со мной по парку, разбитому на новый лад. Показав мне все достопримечательности, она затем как бы невзначай спросила, давно ли имел я сведения о сыне моем, Джордже.

- Увы, сударыня, - вскричал я, - вот уж скоро три года, как мы с ним расстались, и ни разу-то за все время не прислал он весточки о себе! Где он обретается, я не ведаю, и свижусь ли я с ним когда-нибудь, и возвратится ли ко мне счастье тоже не знаю. Нет, моя красавица, не возвратятся к нам никогда те сладостные часы, что проводили мы у нашего камина в Векфильде. Маленькое мое семейство становится все меньше и меньше, и с бедностью мы познали не только нужду, но и бесчестье.

Слеза выкатилась из глаз добросердечной девушки, когда она услышала такие слова; я же, видя ее столь чувствительною, воздержался от того, чтобы рассказать о нашем несчастье более подробно. Мне, однако, приятно было убедиться, что время ничуть не изменило ее старинных привязанностей - с тех пор как мы уехали, она отказала нескольким женихам. Она продолжала водить меня по обширному парку, указывая на различные новшества, на всевозможные беседки и аллеи, и вместе с тем каждый предмет служил ей поводом, чтобы задать еще какой-нибудь вопрос касательно моего сына. Так провели мы первую половину дня, а затем, послушные зову колокольчика, возвещавшего обед, вошли в дом. Там мы застали директора бродячей труппы, о которой я уже упоминал; он прибыл с билетами на пьесу "Прекрасная грешница"; представление должно было состояться в тот же вечер, причем роль Горацио исполнял молодой человек благородного происхождения, никогда ранее не выступавший на сцене. Директор с жаром расхваливал своего нового актера, утверждая, что еще ни разу не встречал человека, который подавал бы столь блистательные надежды.

- В единый день, - заметил он, - не выучишься играть на театре. Но этот джентльмен, можно сказать, рожден для подмостков. Все в нем восхищает фигура, голос, осанка! Повстречали же мы его случайно, на пути нашем сюда.

Рассказ директора подстрекнул наше любопытство, и, вняв молениям дам, я согласился сопровождать их в театр, вернее сказать, в сарай, где давались представления. Семейство мистера Арнольда почиталось первым в округе, и нас приняли с почетом и усадили в первом ряду, где мы с немалым нетерпением дожидались выхода Горацио. Наконец он появился, и пусть те, у кого есть дети, представят себе, что бы почувствовали они, если бы, подобно мне, обнаружили в актере собственного своего злополучного сына! Он открыл было рот, как вдруг, обратив свой взор на публику и увидев мисс Уилмот и меня, застыл в немом оцепенении.

Актеры подбадривали его из-за кулис, приписав его молчание естественной робости. Он же вместо того, чтобы исполнять свою роль, с громкими рыданиями покинул сцену. Не могу сказать, каковы были мои чувства в эту минуту, ибо быстрая смена их не поддается никакому описанию. Впрочем, меня тут же заставил опомниться дрожащий голосок мисс Уилмот, которая умоляла меня отвести ее домой, к дядюшке. Когда мы возвратились, мистер Арнольд, которому ничего до сих пор не было известно о нашем удивительном приключении, узнав, что новый актер оказался моим родным сыном, тотчас послал за ним карету и пригласил его к себе, а так как Джордж упорно отказывался вновь появиться на подмостках, то актерам пришлось найти ему замену, и он вскоре оказался среди нас.

Мистер Арнольд принял его самым радушным образом, я же со свойственной мне восторженностью обнял его, ибо не умею выказывать гнев, если его не испытываю на самом деле. В обращении мисс Уилмот, однако, сквозила явная небрежность; впрочем, я заметил, что она играет взятую на себя роль. Смятение, в какое пришли ее чувства, еще не совсем улеглось; с ее уст срывались нелепейшие замечания, как это бывает с людьми, потерявшими голову от счастья, - и она тут же сама смеялась своей глупости. Время от времени она украдкой поглядывала в зеркало, как бы упиваясь сознанием своей неотразимости, часто задавала вопросы и оставляла без малейшего внимания ответы на них.

ГЛАВА XX

История странствующего философа, который в погоне за новыми впечатлениями потерял покой

После ужина миссис Арнольд любезно предложила снарядить лакеев за вещами моего сына, чем он, казалось, был немало смущен; когда же она продолжала настаивать, ему пришлось сознаться, что посох да котомка составляют все его движимое имущество.

- Итак, сын мой, - вскричал я, - с пустыми руками отпустил я тебя, и с пустыми руками ты ко мне возвращаешься! А вместе с тем ты, верно, много чего повидал на свете!

- Да, батюшка, - отвечал мой сын. - Однако одно дело искать счастья, иное - его найти, и, по Правде сказать, в последнее время я вовсе отказался от попыток его достигнуть!

- Сударь, - воскликнула миссис Арнольд, - я думаю, что рассказ о ваших приключениях должен быть весьма занимателен; начало вашей истории я не раз слышала от своей племянницы; мы были бы весьма признательны, если бы вы поведали вам ее продолжение.

- Позвольте уверить вас, сударыня, - отвечал мой сын, - не так приятно будет вам слушать меня, как мне вам рассказывать; впрочем, особых приключений в моем рассказе вы не встретите, ибо повесть моя будет не столько о том, что я делал, сколько о том, что видел. Вы знаете, как велика была первая невзгода в моей жизни; однако ей не удалось сломить мой дух. Я умею надеяться, как никто. Чем меньше милостей я вижу от фортуны в настоящем, тем больше ожидаю их в будущем; и всякий раз, когда оказываюсь под колесом ее, я говорю себе, что достиг уже самой низкой точки и теперь, с новым поворотом колеса, могу только подняться. Итак, в одно прекрасное утро я отправился в Лондон, нимало не заботясь о завтрашнем дне, беспечный, как птицы, что распевали у меня над головой. Тешил же я себя мыслью, что Лондон есть рынок, на котором любое дарование отличают и оценивают по достоинству.

По прибытии своем в столицу первой моей заботой было доставить нашему родственнику рекомендательное письмо - то самое, батюшка, что вы мне дали; однако обстоятельства, в которых застал я его, оказались немногим лучше моих собственных. Как вы знаете, батюшка, я намеревался поступить наставником в школу, и об атом-то я хотел посоветоваться с моим родственником. План мой он встретил улыбкой, которую по справедливости можно было назвать сардонической.

"О да, - вскричал он, - нечего сказать, хорошую ты себе наметил карьеру! Я и сам побывал наставником в пансионе, и пусть мне накинут петлю на шею, если я не предпочту быть помощником тюремного сторожа в Ньюгете! Я не знал покоя ни днем, ни ночью. Хозяин вечно придирался ко мне, хозяйка невзлюбила за то, что лицом не вышел, мальчишки теребили беспрестанно, ил ни на минуту не мог вырваться на волю, туда, где люди друг с другом учтивы, ибо от школы меня не отпускали ни на шаг. Да и сумеешь ли ты исполнять должность наставника? Позволь мне немного поэкзаменовать тебя. Обучался ли ты этому делу?" - "Нет". - "Тогда ты не годишься в наставники. Умеешь ли ты расчесывать волосы мальчикам?" - "Нет". - "Тогда ты не годишься в наставники. Оспой болел?" - "Нет". - "Тогда ты не годишься в наставники. Привык спать втроем на одной постели?" - "Нет". - "Тогда ты не годишься в наставники. Хороший ли у тебя аппетит?" - "Да". - "О, тогда уж ты никак не годишься в наставники! Нет, сударь, коли хотите легкой и чистой работы, то лучше поступайте в ученики к точильщику и крутите ему колесо - что угодно, только не школа! Вот что, - продолжал он, - ты, я вижу, малый не из робких, да и ученый отчасти, - почему бы тебе не сделаться сочинителем, как я? Ты, верно, читал в книгах о том, что люди с дарованием будто бы гибнут от голода. А я, если хочешь, сию минуту представлю тебе сорок совершеннейших тупиц, которые только и живут, что сочинительством, и живут, заметь, в роскоши - все это честная благополучная посредственность, гладко и скучно пишут они свои исторические да политические сочинения, и все-то их хвалят; люди эти, братец, таковы, что, будь они сапожниками, они бы всю жизнь только чинили башмаки, и ни одной пары не смастерили бы сами".

Убедившись, что ничего благородного в должности наставника нет, я решился последовать его совету, а так как к литературе я испытывал величайшее уважение, то с

трепетом душевным был готов приветствовать матушку Граб-стрит. Быть может, для того, чтобы преуспеть в жизни, было бы лучше избрать другое поприще, однако, почитая богиню сих мест родительницей всех совершенств, а ее непременную спутницу, бедность лучшей нянькой для неокрепнувшего гения, я полагал за честь следовать по тропе, проложенной Отвеем и Драйденом. Полный таких мыслей, взял я в руки перо и, обнаружив, что почти все, что можно сказать хорошего в защиту правды, уже сказано другими, решился написать книгу совершенно оригинальную. И вот я изготавил несколько парадоксов, придав им довольно изящную форму. Правда, они были заведомо ложны, зато свежи. Жемчужины истины столь часто преподносились другими, что мне ничего иного не оставалось, как предложить мишуру, которая издали выглядела ничуть не хуже. О боги всемогущие, вы видели, с какой важной напыщенностью водил я своим пером по бумаге! Весь ученый мир, я в том не сомневался нимало, должен был ополчиться против моих построений, ну да я и сам был готов ополчиться на весь ученый мир! В ожидании воображаемых противников я держал наготове перья, ошетилившись ими, как дикобраз своими иглами.

- Хорошо сказано, мой мальчик! - вскричал я. - Какой же предмет избрал ты для своего трактата? Надеюсь, что не позабыл о значении единобрачия? Но я перебиваю: продолжай! Ты напечатал свои парадоксы; что же сказал ученый мир о твоих парадоксах?

- Батюшка, - отвечал мой сын. - Ученый мир ничего не сказал! Просто-напросто ничего, сударь: ученые все до единого были заняты - одни из них слагали дифирамбы себе и своим друзьям, другие возводили хулу на врагов; а так как я, к несчастью, ни друзей, ни врагов не имел, то пришлось мне изведать жесточайшую из всех обид - пренебрежение.

Как-то раз, когда я сидел в кофейне, размышляя о судьбе своих парадоксов, в комнату вошел маленький человечек и уселся неподалеку от меня. После короткого предварительного разговора со мной, из которого он понял, что имеет дело с человеком ученым, он извлек пачку проспектов и принялся убеждать меня подписаться на новое издание Пропорция, которое он намерен был подарить миру с собственными комментариями. Мне пришлось ответить, что у меня нет денег; услышав такое признание, собеседник мой полубопытствовал о моих видах на будущее. Узнав же, что и надеждами я богат не более, чем деньгами, он вскричал:

"Так, значит, вы ничего не смыслите в столичной жизни! Дайте-ка я вас научу. Взгляните на эти проспекты! Вот уже двенадцать лет, как они меня кормят. Возвратится ли вельможа с чужбины на родину, креол ли прибудет с острова Ямайка, задумает ли богатая вдова, покинув свое родовое гнездо, навеститься к нам в столицу, - у всех у них я пытаюсь взять подписку. Лестью осаждаю я их сердца, а затем в образовавшуюся брешь пропихиваю свои проспекты. У того, кто с самого начала подписывается с охотой, я через некоторое время прошу еще денег - за посвящение; если дал первый раз, то даст и во второй, и, наконец, еще раз сдираю с него за то, чтобы на заглавном листе красовался его фамильный герб. Таким образом, - продолжал он, - я живу за счет человеческого тщеславия и смеюсь над ним; но, между нами говоря, мою физиономию здесь слишком уже знают, и я бы не прочь взять вашу напрокат. Только что возвратился из Италии некий вельможа с громким именем; привратнику я уже примелькался, но, если бы вы взяли доставить ^да эти стихи, клянусь жизнью, дело наше выиграно и трофеи пополам!"

- Боже милостивый, Джордж! - воскликнул я. - Неужто ныне поэты занимаются такими делами? Неужто люди, одаренные свыше, должны унижаться до попрошайничества? Неужто ради куска хлеба позорят свое призвание и становятся подлыми торговцами лестью?

- О нет, сударь, - отвечал он. - Истинный поэт никогда не падет столь низко, ибо гений - горд. Создания, которых я вам тут описываю, всего лишь нищие, что попрошайничают в рифму. Подлинный поэт готов ради славы мужественно бороться с нуждой и дрожит за одну лишь честь свою. Ищут покровительства те, кто не заслуживает его. Гордый дух мой не позволял мне так низко уронить свое достоинство, вместе с тем скромные мои обстоятельства мешали повторить попытку взять славу приступом; мне пришлось избрать средний путь и сесть за сочинительство ради куска хлеба; однако я оказался неспособным к

делу, в котором можно преуспеть с помощью одного лишь прилежания. Я не мог подавить в себе тайной жажды похвалы, и, вместо того чтобы писать с пространностью плодovitой посредственности, я тратил время на поиски совершенства а оно немного занимает места на бумаге!

Какое-нибудь мое сочинение, таким образом, проскочит в том или ином журнале, никем не замеченное, никем не признанное. У публики другие заботы. Какое ей дело до прозрачной стройности моего стиля, до благозвучной округленности моих периодов? Я писал, и листок за листком поглощались Летой. Мои статьи тонули среди восточных сказок, статей о свободе и советов, как лечиться от укуса бешеной собаки; а между тем Филавт, Филалет, Филелютер и Филантроп - все писали лучше меня, ибо писали быстрее.

Вследствие всего этого я водил компанию лишь с подобными мне незадачливыми сочинителями, и каждый из нас хвалил другого, сожалел о его судьбе и втайне его презирал. Чем меньше находили мы достоинств в трудах какого-нибудь известного сочинителя, тем больше удовлетворения доставляли они нам. Я обнаружил, что чужое дарование меня ничуть не радует! Злополучные мои парадоксы иссушили этот источник наслаждения. Ни чтение, ни сочинительство не доставляли мне уже ни малейшего удовольствия, ибо совершенные творения других авторов вызывали во мне только досаду, а сочинительство сделалось для меня не более как ремеслом.

Однажды, когда я сидел на скамье в Сент-Джемском парке и предавался мрачному раздумью, ко мне подошел знатный и блестящий молодой джентльмен, одноклассник мой по университету и некогда близкий приятель. Не без замешательства приветствовали мы друг друга; он, должно быть, стыдился своего знакомства с таким оборванцем, как я, а я, в свою очередь, не был уверен, что он пожелает меня признать. Мои опасения, однако, тут же рассеялись, ибо Нэд Торнхилл в глубине души добрый малый.

- Ты сказал "Торнхилл", Джордж? - перебил я. - Я не слышался? Так ведь это же наш помещик!

- Боже правый! - воскликнула миссис Арнольд. - Неужели мистер Торнхилл ваш сосед? Это давнишний наш друг, и мы скоро ожидаем его к себе в гости.

- Первым делом, - продолжал сын, - мой приятель позаботился о том, чтобы изменить внешний мой облик, одев меня с ног до головы из собственного гардероба, после чего я был допущен к его столу на правах то ли друга, то ли слуги. В мои обязанности входило сопровождать его на публичные торги, забавлять его, когда живописец списывал с него портрет, сидеть с ним рядом в коляске, если у него не оказывалось другого спутника, и участвовать во всех его проказах. Кроме всего, на мне лежала еще добрая дюжина всяких дел, и от меня ожидали множества мелких услуг, как-то: подать штопор в нужную минуту; крестить всех детей, какие народятся у дворецкого; петь, когда прикажут; всегда быть в хорошем расположении духа; никогда не забываться и в довершение всего - чувствовать себя как можно более счастливым!

Впрочем, на этом почетном поприще был у меня еще и соперник. Отставной капитан, самой природой созданный для такого поста, оспаривал у меня сердце моего покровителя. Матушка его некогда была прачкой у вельможи, так что он с малых лет привык подличать перед господами и потакать разнузданной их похоти. Джентльмен сей всю жизнь лез в дружбу к лордам, и хотя большая часть их прогоняла его за глупость, однако он находил немало и таких, что были не умнее его и потому терпели его назойливые услуги. Лесть была его ремеслом, и он с превеликою ловкостью в ней упражнялся, в то время как у меня она выходила неуклюже и топорно; и если жажда лести у моего покровителя возрастала с каждым днем, то у меня, по мере того как с каждым часом я лучше узнавал его недостатки, все меньше оставалось охоты ему льстить.

И вот, когда я совсем уже было собрался уступить поле деятельности капитану, вдруг приятелю моему понадобились мои услуги. Я, видите ли, должен был драться за него на дуэли! Джентльмен, с которым надлежало мне драться, обвинял его в том, что он будто бы бесчестно обошелся с его сестрой. Я с готовностью согласился, и, хоть вы, батюшка,

слушаете меня с явным неодобрением, все же это был долг дружбы, и я не мог отказаться. Итак, я взялся за это предприятие, выбил у противника шпагу из рук, а затем имел удовольствие убедиться в том, что дама была всего лишь уличной женщиной, а мой противник - ее дружкой и изрядным мошенником в придачу! В награду за свою услугу я был удостоен самых горячих изъявлений признательности, но так как моему приятелю предстояло через несколько дней покинуть столицу и он не мог придумать, как меня отблагодарить, то он дал мне рекомендательные письма к своему дядюшке, сэру Уильяму Торнхиллу, а также к одному сановнику, занимающему видную должность на государственной службе.

Проводив приятеля, я немедленно отправился с рекомендательным письмом к его дядюшке, который пользовался повсеместной и вполне заслуженной славой добродетельнейшего человека. Слуги его приветливо улыбались, ибо сердечное радушие хозяина непременно сказывается в манерах домочадцев. Они ввели меня в большую залу, куда вскоре ко мне вышел сам сэр Уильям; я сообщил ему свое дело и вручил письмо; прочитав его, он несколько задумался и затем спросил:

- Будьте добры, сударь, поведайте мне, какую такую услугу оказали вы моему родственнику, что он вас так расхваливает? Впрочем, сударь, я как будто догадываюсь о ваших заслугах: вы, верно, дрались за него на дуэли и теперь ожидаете от меня награды за то, что он избрал вас орудием своих пороков. Надеюсь, от души надеюсь, что мой отказ послужит вам в какой-то мере наказанием за вашу вину, - а главное, я хотел бы думать, что он внушит вам раскаяние!

Терпеливо выслушал я суровый сей укор, ибо чувствовал всю его справедливость. Отныне мне оставалось надеяться лишь на письмо к сановнику.

Не так-то легко, однако, было к нему проникнуть, ибо, как у всякого вельможи, подле его дверей толпились попрошайки всех родов, и каждый норовил как-нибудь просунуться со своей хитросплетенной просьбой. Слуги, которым мне пришлось отдать половину своего состояния, ввели меня наконец в просторную залу и понесли мое письмо наверх, к сановнику. В этот тягостный промежуток я успел как следует оглядеться. Все здесь дышало великолепием и утонченной выдумкой; картины, мебель, позолота повергли меня в трепетное оцепенение, а того, кто жил в этом доме, возносили в моем представлении на недостижимую высоту. Сколь велик, подумал я, должен быть обладатель всех этих благ, чей ум полон государственных забот, а дом стоит чуть ли не полкоролевства! Вот уж про кого доподлинно можно сказать, что гений его необъятен! Пока я с трепетом предавался этим размышлениям, послышались чьи-то уверенные шаги. "Се грядет сам великий человек!" - подумал я. Но нет, это была всего лишь его горничная. Опять шаги. Это уж он! Отнюдь! Всего лишь его камердинер. И вот наконец появился и сам его светлость. "Вы и есть податель письма?" спросил он. Я поклонился. "Отсюда явствует, - продолжал он, - что..."

Но в эту минуту вошел лакей и подал ему записку, и вельможа тут же обо мне позабыл и, не обращая уже на меня никакого внимания, пошел прочь, предоставив мне упиваться моим блаженством, сколько мне будет угодно. Больше я его не видел, пока лакей не известил меня, что карета его светлости стоит у крыльца, а сам его светлость собирается в нее садиться. Я ринулся вниз и очутился в обществе трех-четырёх человек, которые подобно мне явились сюда в расчете на какие-то милости; вместе с ними возвысил свой голос и я. Его светлость, однако, двигался слишком стремительно и уже приближался крупными шагами к дверце своей кареты, когда я крикнул ему, ждате ли мне его ответа или нет. Тем временем он был уже в карете и пробурчал что-то, причем половины его слов я не расслышал из-за грохота колес, его увозивших. Я так и застыл, вытянув шею, в позе человека, который прислушивается к божественной мелодии и боится проронить хоть один волшебный звук. Когда же я очнулся, я обнаружил, что стою у ворот его светлости в полном одиночестве.

- Терпение мое, - продолжал мой сын, - истощилось окончательно. Уязвленный бесчисленными унижениями, которым меня подвергла судьба, я был готов броситься куда угодно и только искал бездны, которая бы меня поглотила. Сам себе я теперь казался одним

из тех неудавшихся творений природы, какие она запикивает куда-нибудь в дальний чулан свой, где они со временем гибнут в неизвестности. Впрочем, у меня еще оставалось полгинеи, и я твердо решил, что никому не уступлю ее, даже самой судьбе! Для верности же я намерен был ее тотчас истратить, а там будь что будет! Не успел я принять такое решение, как очутился возле конторы мистера Криспа; ее двери были гостеприимно распахнуты настежь. Мистер Крисп щедро обещает тридцать фунтов стерлингов в год всем верноподданным его величества, которые пожелали бы отказаться от своей свободы и отправиться в Америку в качестве невольников. Мне очень понравилась мысль ринуться в отчаянное это предприятие, чтобы забыть наконец все свои тревожения; и вот я вступил в эту обитель, - а помещение в самом деле напоминало келью, - со всем рвением молодого послушника.

Здесь нашел я великое число несчастных, чьи обстоятельства были схожи с моими; все они ждали мистера Криспа, являя собой подлинную аллегория британского нетерпения, ибо горечь неудач ожесточила сии мятежные души; наконец мистер Крисп вошел, и ропот наш затих. С видом особенного доброжелательства взглянул он на меня; а надобно сказать, я уже месяц как не видел ни от кого приветливой улыбки. Задав мне ряд вопросов, из моих ответов вывел он, что я гожусь на любую должность, какая только существует на свете. Затем он задумался, куда бы меня лучше пристроить, и вдруг, как бы вспомнив что-то, хлопнул себя по лбу и стал уверять меня, будто слышал разговоры о том, что синод Пенсильвании думает направить посольство к индейцам племени чикасо и что он употребит все свое влияние, чтобы секретарем этого посольства назначили меня. Хоть я и понимал в глубине души, что тут нет ни слова правды, однако невольно обрадовался этим обещаниям - уж очень внушительно они звучали. Поэтому, разделив на две равные части мои полгинеи, одну часть я решил оставить, с тем чтобы присоединить ее к тридцати фунтам, которые получу от Криспа, остальную же снести в ближайший кабак и вкушать на эти деньги столько счастья, сколько и самому мистеру Криспу не снилось!

Приняв такое решение, я пошел прочь, как вдруг в дверях столкнулся с капитаном, который был мне несколько знаком и охотно согласился выпить со мной стакан-другой пунша; не в моих правилах держать свои дела в тайне, и капитан, выслушав мой рассказ, стал убеждать меня, что, доверившись обещаниям хозяина конторы, я обрекаю себя на верную гибель, ибо мистер Крисп о том только и помышляет, чтобы продать меня на плантацию. "Впрочем, прибавил он, - я думаю, что вы сумеете заработать себе на пропитание благородным трудом, и не пускаясь в столь дальнее путешествие. Послушайте моего совета! Я завтра отплываю в Амстердам; почему бы вам не поехать на моем судне в качестве пассажира? Как только вы сойдете на берег, начните обучать голландцев английскому языку, и я ручаюсь, что у вас не будет недостатка ни в учениках, ни в деньгах. В английском-то языке вы, я думаю, достаточно разбираетесь, черт меня побери!"

На этот счет я его успокоил, но вместе с тем выразил сомнение, захотят ли голландцы изучать английский язык? Он побожился, что они любят язык наш до безумия; получив такое уверение, я последовал совету капитана и на следующее утро вступил на палубу судна и поплыл в Голландию обучать голландцев английскому языку. Ветер был попутный, путь недолог, и, расплатившись за дорогу половиной моего движимого имущества, я словно с неба свалился на одну из главных улиц Амстердама, не имея там ни одной знакомой души. Я решил, не теряя времени, приступить к обучению и обратился к тем из прохожих, чей вид показался мне наиболее обнадеживающим; увы, мы не понимали друг друга! Я только теперь сообразил, что для того, чтобы научить голландцев английскому языку, необходимо, чтобы голландцы сперва выучили меня голландскому. Как мог я упустить из вида такое обстоятельство, мне самому непонятно. Но так или иначе, тогда мне эта мысль не пришла в голову.

Когда таким образом этот план провалился, я начал подумывать о том, как бы мне вернуться в Англию; но, встретив одного ирландского студента, возвращавшегося из Лувена, и разговорившись с ним о литературе (а надобно сказать, что такой разговор заставлял меня тотчас забывать о собственном моем незавидном положении), я узнал от него, что в городе,

из которого он шел, во всем университете нельзя было насчитать и двух человек, знавших древнегреческий язык. Это меня поразило - я тотчас решил пойти в Лувен и сделаться там преподавателем древнегреческого; мой коллега поддержал меня в этом намерении и даже дал понять, что на этом поприще можно разбогатеть.

На следующее утро я бодро отправился в путь. С каждым днем движимое имущество мое становилось все легче, и я невольно вспомнил Эзопову корзину с хлебом, ибо надо же было как-то расплачиваться с голландцами за ночлег в пути! Прибыв в Лувен, я решил, что чем подбираться исподволь к низшим чинам университета, лучше направиться прямо к ректору. Итак, я пошел, меня приняли, и я предложил свои услуги в качестве преподавателя древнегреческого языка, в котором, как я слышал, университет нуждается. Ректор сперва как будто усомнился в моих способностях, но я предложил ему, чтоб он меня проверил сам, и просил выбрать любой текст из какого ему будет угодно древнегреческого автора с тем, чтобы я переложил его на латынь. Увидев, что я не шучу, он обратился ко мне со следующими словами:

- Вот я тут перед вами, молодой человек: никогда-то я не изучал древнегреческого языка, и должен сказать, ни разу не приходилось мне пожалеть о том. Докторскую шапочку и мантию я получил без греческого языка; мне платят десять тысяч флоринов в год - без греческого языка; ем я и пью без всякого греческого языка; короче говоря, - закончил он, - так как сам я не знаю древнегреческого языка, то и не вижу в нем особого толку.

Слишком уже далеко я был теперь от родины, чтобы думать о возвращении, и посему решил следовать дальше. Я немного разбираюсь в музыке и обладаю голосом довольно порядочным; и вот то, что некогда служило мне забавой, обратилось теперь в средство к существованию. Я шел из деревни в деревню, останавливаясь у добродушных поселян Фландрии, а потом, очутившись среди французов, - у тех из них, кто был победнее и потому умел веселиться, ибо я заметил, что чем легче их кошельки, тем общительнее и живее нрав их. Если вечер застигал меня подле какой-нибудь крестьянской хижины, я принимался играть одну из самых веселых своих песенок, и это доставляло мне не только ночлег, но и пропитание на весь следующий день. Пробовал я как-то играть для людей знатных; но они всякий раз говорили, что я играю прескверно, и от них не видал я самого пустячного вознаграждения. Это казалось мне тем более удивительным, что, когда в былые дни я играл в обществе и музыка была для меня забавой, мое исполнение восхищало всех, в особенности дам. Теперь же, когда я вынужден был содержать себя с помощью музыки, моя игра вызывала презрение: люди перестают ценить талант, коль скоро он становится источником существования для того, кто им обладает.

Таким образом я добрался до Парижа, не имея никакой определенной цели, а лишь желая поосмотреться, и затем следовать дальше. Парижане гораздо больше ценят в приезжем человеке деньги, нежели остроумие. Ни тем, ни другим похвалиться я не мог и потому не сделался любимцем в Париже. Побродив по городу дней пять, налюбовавшись вдоволь на пышные фасады его дворцов, я уже собрался покинуть эту обитель корыстолюбивого гостеприимства, как вдруг, следуя по одной из главных улиц, я повстречал кого бы, вы думаете? Родственника, к которому я по вашему совету обратился с самого начала! Для меня эта встреча была счастьем, и, смею думать, для него она тоже не была неприятна.

Он спросил меня, какими судьбами я попал в Париж, и рассказал мне о деле, которое привело его сюда; заключалось же оно в том, чтобы закупить картин, медалей, печаток и всевозможных древностей для джентльмена, проживающего в Лондоне, который только что приобрел состояние, а вместе с ним и вкус к изящному. Я весьма удивился, что мой родственник принял на себя такое поручение, тем более что сам же он уверял меня прежде, что не имеет ни малейшего понятия об искусстве. Когда я спросил его, каким образом он столь внезапно сделался знатоком, он отвечал, что это проще простого. Секрет успеха заключается в том, чтобы неотступно следовать двум правилам: первое во всех случаях говорить, что картина была бы много лучше, если бы художник приложил больше старания, а второе - превозносить творения Пьетро Перуджино. "Впрочем, - заключил он, - подобно

тому, как в Лондоне я посвятил вас в тайны сочинительства, в Париже я научу вас покупать картины".

Я охотно согласился на его предложение, ибо здесь я видел возможность заработать себе на пропитание, а дальше этого мечты мои не простирались. Итак, я отправился к нему на квартиру и с его помощью несколько приоделся; а через некоторое время пошел вместе с ним на аукцион, где распродавали картины и где покупателями были английские аристократы. Я был немало удивлен, обнаружив, что мой родственник запросто беседует с людьми высшего общества и что по поводу каждой картины и медали они обращаются к нему, как к знатоку, обладающему безошибочным вкусом. В этих случаях он ловко использовал мое присутствие: всякий раз, как спрашивали его мнения, он с важным видом отводил меня в сторону, пожимал плечами, строил глубокомысленную физиономию и наконец возвращался к обществу, говоря, что не берется высказать свое мнение в таком важном деле. Впрочем, случалось ему поступать и не столь осторожно. Так, однажды при мне, после того как он высказался об одной картине в том смысле, что краски в ней недостаточно выдержаны, он решительно схватил кисть с коричневым лаком, которая случайно оказалась у него под рукой, на глазах у собравшихся прошелся ею по всей картине и затем спросил их, не находят ли они, что тона картины сделались несколько глубже?

Выполнив свое поручение в Париже, он уехал, а перед отъездом отрекомендовал меня двум-трем своим влиятельным знакомым как человека, весьма пригодного для должности наставника во время путешествия; вскорости мне и место нашлось; какой-то джентльмен привез в Париж своего воспитанника и пригласил меня сопровождать молодого человека в его путешествии по Европе. Руководить им я должен был, однако, с той оговоркой, что в каждом случае буду предоставлять ему руководствоваться собственными желаниями. Впрочем, в искусстве обращаться с деньгами ученик мой мог бы меня поучить уму-разуму. Дядюшка его, умерший в Вест-Индии, оставил ему около двухсот тысяч фунтов, и опекуны его, затем чтобы приготовить наследника к управлению таким огромным состоянием, определили его учиться к стряпчему. Жадность - вот страсть, которая им владела исключительно! Все время, пока мы путешествовали, он только и спрашивал, как бы поменьше истратить, как бы повыгоднее проехать из одного места в другое и какого бы товара купить в дороге, чтобы при перепродаже в Лондоне получить наибольшую прибыль. Он охотно осматривал достопримечательности, когда за это не взималась плата; всякий же раз, как представлялось какое-нибудь платное зрелище, он уклонялся, говоря, будто слышал, что оно нимало не занимательно. Ни разу не оплачивал он счета без того, чтобы не посетовать на дороговизну путешествий. И это на двадцать первом году жизни! В Ливорно мы пошли прогуляться в порт, чтобы взглянуть на суда, и он тут же стал расспрашивать, во что обошелся бы проезд в Англию. Ему отвечали, что плыть прямо отсюда будет стоить сущие пустяки по сравнению со всяким иным путем, и, не будучи в силах устоять против искушения, он выдал мне остаток моего жалованья, простился со мной и, захватив с собой лишь одного слугу, поплыл в Лондон.

И вот я снова оказался брошенным на произвол судьбы, - Впрочем, к этому мне было не привыкать. Однако здесь, в стране, где всякий крестьянин был более искусным музыкантом, чем я, мое уменье было бесполезно; зато к этому времени я обрел еще другой талант, который мог сослужить мне службу не хуже, чем первый, а именно, искусство вести спор. В заморских университетах и монастырях есть обычай по определенным дням назначать диспуты на какую-либо тему; в диспуте может принять участие всякий желающий, и тот, кто проявит при этом достаточно умения, получает денежную награду и, сверх того, обед и приют на одну ночь. Таким образом я осилил всю дорогу до Англии, - переходя пешком из города в город, пристально изучая людей, и, если можно так выразиться, знакомясь с обеими сторонами медали. Впрочем, выводы, к каким я пришел, можно изложить в нескольких словах: я убедился в том, что бедному человеку лучше всего живется при монархическом правлении, богатому - в республике. Я убедился, также еще и в том, что богатство всюду, во всех странах, означает свободу и что как бы человек ни любил свободу, он всегда готов

подчинить своих сограждан своей собственной воле.

Прибыв в Англию, я вознамерился засвидетельствовать вам свое почтение, а затем, дождавшись первой же кампании, завербоваться в солдаты; однако в дороге я переменял свое решение, ибо повстречался со старым знакомцем, который, как оказалось, был членом труппы комедиантов, отправлявшейся в деревню, где они полагали провести все лето. Актеры нашли, что я гожусь к ним в труппу. Каждый из них, впрочем, почитал себя обязанным известить меня о важности дела, к которому я собираюсь приобщиться; о том, что публика многоголовое чудовище и что тот, кто надеется угодить ей, должен прежде всего сам иметь голову на плечах; что искусству актера в один день не обучишься и что нельзя и думать понравиться публике, не прибегая к ужимкам, освященным обычаем и вот уже столетие, как не сходящим со сцены, и которых, кстати сказать, в жизни, за пределами театра, нигде не встретишь! Затем возникло некоторое затруднение с выбором роли, так как все они были уже разобраны. На первых порах я перебрал несколько ролей, одну за другой, покуда за мной не была оставлена роль Горацио, которую, благодаря моим любезным слушателям, мне так и не довелось сыграть.

ГЛАВА XXI

Дружба людей порочных ненадежна, она длится до лишь поры, покуда служит к взаимной выгоде

Рассказ моего сына затянулся, и нам пришлось слушать его в два приема: начав свою повесть в первый вечер, он закапчивал ее на другой день после обеда, по внезапное появление кареты мистера Торнхилла у двери дома прервало наше приятное времяпрепровождение. Дворецкий, который отныне сделался преданнейшим моим другом, успел шепнуть мне на ухо, что этот помещик ухаживает за мисс Уилмот и что тетка ее и дядюшка чрезвычайно благосклонно смотрят на его сватовство. При виде нас с сыном мистер Торнхилл на одно мгновение как бы отпрянул; впрочем, я не подумал приписать это движение неудовольствию, а решил, что оно есть следствие неожиданности встречи. Так или иначе, на приветствие паше он отвечал самым сердечным образом, и вскоре оказалось, что с его приездом всем сделалось еще веселей.

После чая он отвел меня в сторонку, чтобы справиться о моей дочери, и весьма изумился, услышав, что мне так ничего и не удалось узнать о ней; со своей стороны, он сообщил мне, что с тех пор частенько навещался ко мне в дом и пытался утешить его обитателей как мог и что, уезжая, оставил их всех в добром здоровье. Затем он спросил, поделился ли я своим горем с мисс Уилмот или с Джорджем, и, узнав, что я еще не рассказал им о нем, одобрил мою сдержанность, советуя и впредь держать все дело в секрете; ибо, продолжал он, в лучшем случае вы объявите собственное бесчестие, а как знать, может быть, мисс Ливви менее виновна, нежели мы воображаем?

Тут подошел слуга и передал мистеру Торнхиллу приглашение на кадрили, и мистер Торнхилл покинул меня, оставив по себе самое приятное впечатление тем участием, какое он принимал в моих делах. Однако, с другой стороны, его обращение с мисс Уилмот не оставляло места для сомнений; правда, она как-будто не совсем была довольна его ухаживаниями и, казалось, принимала их скорее из угождения тетушке, нежели по собственной воле. Более того, я с радостью заметил, что в сторону моего сына она кидает такие ласковые взгляды, каких мистер Торнхилл, несмотря на все его богатство и все старания, удостоен не был. Впрочем, меня удивляло спокойствие мистера Торнхилла: уступив настойчивым просьбам миссис Арнольд, мы уже неделю как у нее гостили, и по мере того, как мисс Уилмот всякий день оказывала все больше знаков нежного внимания моему сыну, возрастала к нему и дружба мистера Торнхилла.

Еще прежде он милостиво обещал употребить свое влияние, чтобы помочь нашему семейству; теперь же щедрость его не ограничилась одними обещаниями. В то самое утро, в какое предполагал я уехать, мистер Торнхилл подошел ко мне и с видом непритворной радости объявил об услуге, которую ему удалось оказать своему любезному Джорджу. Заключалась же она в том, что он выхлопотал ему патент на чин лейтенанта в одном из

полков, отправляющихся в Вест-Индию, причем добился того, что с него соглашались взять всего сто фунтов вместо обычных трехсот.

- Об этой пустяковой услуге и говорить нечего, - продолжал мистер Торнхилл, - и я просто счастлив, что мог услужить другу; что касается ста фунтов, если вам сейчас трудно собрать такую сумму, я готов внести ее за вас, с тем что вы вернете мне эти деньги, когда вам будет удобно.

Мы не знали, какими словами благодарить его за такое поистине благородное предложение, и я охотно выдал ему денежное обязательство на эту сумму; при этом я благодарил его так неумеренно, что можно было подумать, будто я не собираюсь возратить ему долг.

Джорджу надлежало немедленно отправиться в город, ибо, по словам его щедрого покровителя, мешкать было опасно, - на место мог найтись другой претендент, располагавший большими средствами.

На другой день рано утром наш новоиспеченный воин был готов уже отбыть, и один среди всех нас не выказывал признаков волнения. Ни тяготы походной жизни, ни опасности, с ней сопряженные, ни предстоящая разлука с родными и со своею милою (ибо мисс Уилмот все-таки любила его), казалось, не могли повергнуть его в уныние. После того как он простился с остальными, я дал ему свое благословение - больше мне нечего было дать.

- Итак, сын мой, - воскликнул я, - ты отправляешься сражаться за свое отечество; помни же, сколь мужественно сражался твой дед, защищая священную особу короля - это было в те времена, когда преданность своему государю почиталась за добродетель среди британцев. Иди же, сын мой, и будь подобен ему во всем, кроме его несчастий, если можно назвать несчастьем смерть на поле боя рядом со славным лордом Фолклендом. Иди, сын мой, и если даже придется тебе пасть и тело твое, не оплаканное близкими, останется лежать без погребения, знай: нет более драгоценных слез, нежели те, что росой падают с неба на голову сраженного воина!

На следующее утро я простился с добрым семейством, которое оказало мне такое радушное гостеприимство, и на прощание еще несколько раз повторил слова благодарности мистеру Торнхиллу за проявленную им щедрость. Я оставил этот дом, где все дышало благополучием, которое проистекает от соединения достатка с хорошим воспитанием, а сам направил стопы к собственному своему жилищу; я утратил всякую надежду найти свою дочь и мог лишь посылать вздохи к небесам, умоляя их сохранить ей жизнь и простить все прегрешения. Чувствуя, что еще не совсем оправился от болезни, я нанял верховую лошадь, и вот уже всего каких-нибудь двадцать миль отделяло меня от дома. Я уже радовался, что скоро увижу тех, кто мне дороже всего на свете, как надвинулась ночь; пришлось остановиться на постоялом дворе, и я пригласил хозяина распить со мной бутылку вина. Мы уселись возле очага в его кухне, которая оказалась лучшей комнатой во всем доме, и принялись беседовать, мешая разговоры о политике с деревенскими сплетнями. Разговор его коснулся, между прочим, и молодого помещика Торнхилла, которого, по словам хозяина, столько же ненавидели в этих краях, сколько любили его дядюшку, сэра Уильяма, изредка навещавшегося сюда. Далее он стал рассказывать, что молодой помещик имел обыкновение соблазнять девиц в тех домах, где бывал принят, и что, прожив со своей жертвой две-три недели, он прогонял ее вон, на произвол судьбы. Беседу нашу прервало появление жены хозяина, которая незадолго перед тем выходила разменять деньги; увидев, что супруг ее вкушает какие-то радости без нее, она сварливым голосом спросила его, что он тут делает. В ответ он насмешливо осушил свой стакан за ее здоровье.

- Мистер Саймондс! - вскричала она. - Не совестно вам так со мной обращаться? И без того вы взвалили на меня три четверти всех дел, а четвертая так и остается несделанной; сам только и знает, что день-деньской напивается с гостями, а я, наверное, умирать буду - не дождусь, чтобы мне каплю вина кто предложил!

Тут я понял, к чему она клонит, и налил ей стакан вина. Она сделала реверанс и выпила за мое здоровье.

- Сударь, - продолжала она затем, - не вина мне жалко, да как быть, когда мы того и гляди в трубу вылетим? Как взыскивать с гостей да постояльцев, так все на мне, а сам он скорее стакан вот этот разгрызет, чем с места сдвинется. Да вот сейчас, к примеру, у нас тут наверху поселилась молодая особа, а небось и гроша за душой нет; уж больно у них манеры любезные! Как бы то ни было, спешить с расплатой она не станет, не из таковских, и уже не мешало бы ей напомнить об этом.

- А чего спешить? - вскричал хозяин. - Раз медленно, то и верно.

- Как бы не так! - отвечала жена. - Вот уж две недели живет, а мы еще от нее гроша не видели.

- Так верно, женушка, она хочет выплатить все сразу.

- Сразу там или не сразу, - вскричала жена, - а уж я из нее эти денежки выжму, и сегодня же, а не то пусть отправляется себе на улицу со всеми пожитками.

- Ты забываешь, дорогая, - воскликнул муж, - что она из благородных и заслуживает большего почтения.

- А уж это, - отвечала хозяйка, - из благородных она или еще из каких, меня не касается, а только придется ей убираться - не добром, так судом! Эти благородные, может быть, и хороши где-нибудь у себя дома, да я - то от них еще толку не видела.

С этими словами она взбежала по лесенке, что вела прямо из кухни в верхнюю комнату, и вскоре пронзительный ее голос и злобные попреки убедили меня в том, что у постоялицы денег не оказалось. Мы слышали все, что делалось наверху.

- Вон, говорю я, собирай свои пожитки! Слышишь, бродяжка, шлюха ты несчастная, а то я тебя так помечу, что ты раньше чем через три месяца и не очухаешься! Ах ты дрянь такая, взять и поселиться в честном доме, а у самой и гроша медного за душой нет! Вон отсюда!

- Сударыня, хорошая моя, - молила незнакомка, - пожалейте меня, позвольте несчастной прожить у вас еще одну эту ночку, смерть вскоре довершит остальное!

Я тотчас узнал голосок моей бедной погибшей девочки, родной моей Оливии, и подоспел к ней в ту самую минуту, как хозяйка вцепилась ей в волосы; я заключил свою милую заблудшую овечку в объятия.

- Прижмись к груди своего бедного, старого отца, дорогая моя бегляночка, сокровище мое бесценное! Пусть негодный соблазнитель бросил тебя, у тебя есть отец, который никогда тебя не бросит; пусть бы ты и десять тысяч преступлений совершила, он готов простить все до единого.

- О дорогой мой... - Несколько минут она не могла ничего выговорить. О дорогой мой, добрый мой батюшка! Ангелы не добрее вас! Я не заслужила! Негодяй... О, как я ненавижу и его и себя... Навлечь позор на такого человека! Вы не можете простить меня, не можете, я знаю!

- От души, от души, дитя мое, прощаю тебя! Только бы раскаяние твое было искренне, и тогда, вот увидишь, мы с тобой еще будем счастливы. Впереди у нас еще много радостей, моя Оливия.

- Ах, батюшка, нет! Отныне и до конца дней моих меня ждет одно: на людях - позор да бесславие, дома же - горький стыд. Но что это, батюшка, как вы побледнели против прежнего! Неужто такая тварь, как я, могла быть причиной столь великого горя? Неужто вся ваша мудрость не помешала вам принять мое несчастье так близко к сердцу?

- Мудрость наша, сударыня... - начал было я, по она меня перебила.

- Какое холодное обращение, батюшка! - вскричала она. - В жизни не называли вы меня так!

- Прости меня, родная, - отвечал я, - но я хотел лишь заметить, что мудрость паша медленно поспешает к нам на помощь, когда мы в горести, медленно, но верно.

Тут возвратилась хозяйка, чтобы осведомиться, не угодно ли будет нам занять помещение, более подходящее благородным господам; и, получив утвердительный ответ, провела нас в комнату, где мы могли с большим удобством продолжать нашу беседу. Когда к

нам наконец вернулось спокойствие, я не удержался и попросил ее описать все последовательные ступени, коими дошла она до настоящего печального ее состояния.

- Сударь, этот негодяй, - отвечала она, - с самой первой моей встречи с ним делал мне предложения, правда, честные, но тайно от вас.

- И впрямь, негодяй! - вскричал я. - И все же трудно доверить, чтобы столь благоразумный и, как мы полагали, столь честный человек, как мистер Берчелл, вдруг оказался виновным в такой преднамеренной низости - погубить семью, в которой был принят как родной!

- Дорогой мой батюшка, - отвечала она, - вы пребываете в странном заблуждении! Мистер Берчелл и не пытался меня обмануть. Напротив, он при каждом случае стремился тайно ото всех предостеречь меня от коварных уловок мистера Торнхилла, который оказался, как я убедилась, еще хуже, чем мне его расписали.

- Мистер Торнхилл?! - вскричал я. - Возможно ли?

- Так, сударь, - отвечала она, - мистер Торнхилл, именно он соблазнил меня; это он нанял тех знатных дам (как он их назвал, а на самом деле презренных уличных девок, грубых и злых), чтобы завлечь нас в Лондон. И, как вы, верно, помните, эта их уловка удалась бы, если бы не письмо мистера Берчелла, - ведь порицание, заключавшееся в этом письме, мы приняли на свой счет, между тем как оно относилось не к нам, а к этим женщинам. Откуда у него такое влияние, что он мог помешать их планам, до сих пор остается для меня загадкой; одно я знаю наверное - он всегда был самым горячим, самым искренним нашим другом.

- Я изумлен, дитя мое! - воскликнул я. - Однако я вижу, что был прав, когда с самого начала заподозрил в этой низости мистера Торнхилла; впрочем, он может спокойно торжествовать свою победу, ибо он богат, а мы бедны. Однако, дитя мое, как велик должен был быть соблазн, чтобы ты забыла все правила, внушенные тебе воспитанием и поддержанные твоим врожденным чувством долга!

- Ах, сударь, - отвечала она, - своей победой он обязан тому, что я больше думала о его счастье, нежели о своем. Я знала, что свадебный обряд, который тайно совершил над нами католический священник, ни к чему не обязывал моего соблазнителя и что мне оставалось положиться единственно на честь его.

- Как? - перебил я. - Вас в самом деле обвенчал священник, настоящий священник?

- Да, сударь, так оно и было, - отвечала она, - хотя мы оба поклялись не оглашать его имени.

- Так дай же я тебя снова обниму, дитя мое; теперь я могу прижать тебя к груди в тысячу раз крепче прежнего! Ибо перед богом ты самая настоящая его жена; и никакие человеческие законы, пусть они будут начертаны на алмазных скрижалях, не могут ослабить силу этого священного союза.

- Увы, батюшка, - отвечала она, - вы не знаете всех его злодейств; он венчался уже не раз с помощью все того же священника; и таких жен у него шесть, а то и восемь, и всех-то их он обманул и бросил, как меня.

- Вот как! - воскликнул я. - В таком случае священника нужно повесить, и ты завтра же должна пойти и донести на него.

- Однако, сударь, - возразила она, - можно ли мне так поступить, когда я поклялась не оглашать его имени?

- Друг мой, - отвечал я, - если ты дала слово, то я не могу, да и не стану тебя уговаривать нарушить его. Даже ради общего блага ты не должна доносить на негодяя. Во всех прочих отраслях человеческой деятельности дозволяется совершать небольшое зло во имя большего добра: так, в политике можно отдать целую провинцию, чтобы сохранить королевство; в медицине позволительно отрезать руку или ногу ради спасения жизни больного. В одной лишь религии закон предписан раз и навсегда и не поддается никаким изменениям: никогда не твори зла. И это справедливо, дитя мое; иначе, если бы мы во имя большего блага позволяли себе творить небольшое зло, получилось бы так, что какое-то время, пока зло, нами допущенное, не претворилось бы во благо, над нами тяготел бы пусть

небольшой, но все же грех. Меж тем господу богу, может быть, угодно призвать нашу душу к ответу именно в этот промежуток, и тогда список наших деяний, злых и добрых, равно оборвался бы, прежде чем в него были бы занесены благие последствия допущенного нами зла. Впрочем, я перебил тебя, дорогая. Что же было дальше?

- На следующее утро, - продолжала она, - он скинул маску. В тот же день он представил мне двух несчастных женщин, которых обманул таким же точно образом, как меня, и которые так с тех пор и живут при нем безропотными содержанками. Однако я слишком пылко любила его, чтобы терпеть подобных соперниц, и пыталась утопить свой позор в вихре наслаждений. Я плясала, наряжалась в дорогие платья и болтала без умолку, и все же чувствовала себя несчастной! Его приятели твердили мне о моих чарах, но это лишь увеличивало мою тоску, ибо я сама отказалась от могущества своих чар. Так я становилась день ото дня все печальнее, а он все небрежней и наконец это чудовище имело дерзость предложить меня какому-то молодому баронету, своему приятелю! Нужно ли описывать, сударь, как уязвила меня его неблагодарность? Я чуть с ума не сошла! Я решила оставить его. На прощанье он протянул мне кошелек; но я швырнула кошелек ему в лицо и бросилась вон. Я была в неистовстве и первое время не могла даже постигнуть весь ужас своего положения. Вскоре, однако, я опомнилась и увидела, что я такое на самом деле: существо жалкое и омерзительное, погрязшее в пороке, у которого на всем белом свете нет никого, к кому можно обратиться за помощью! В это самое время подле меня остановилась почтовая карета, и я в нее села с единственной целью уехать как можно дальше от негодя, которого я отныне ненавидела и презирала всеми силами души. Здесь, возле этой харчевни, меня высадили, и здесь с самого приезда собственные мои душевные терзания да жестокосердие этой женщины были единственными моими товарищами. Память о тех счастливых годах, что я провела в обществе сестры и матери, теперь отзывается в моем сердце одной лишь болью. Велика их печаль, я знаю. Но не сравниться ей с моею печалью, ибо у меня к ней примешивается еще и сознание собственной вины и позора.

- Терпение, дитя мое! - вскричал я. - И будем надеяться, что все будет хорошо! Отдохни эту ночь, а наутро я тебя повезу домой, к матушке и всему нашему семейству; там тебя примут с любовью и лаской. Бедная матушка! Она уязвлена в самое сердце, но по-прежнему тебя любит и, конечно, простит тебе все.

ГЛАВА XXII

Где крепко любят, там легко прощают

Наутро я сел на лошадь и, усадив дочь позади себя, отправился с ней домой. В дороге я пытался разогнать ее печаль и страхи и помочь ей собраться с силами для предстоящей встречи с оскорбленной матерью. В великолепной картине, что являла нам окружающая природа, черпал я доказательства тому, насколько небо добрее к нам, нежели бываем мы по отношению друг к другу. И обратил ее внимание на то, что несчастья, проистекающие по вине природных стихий, весьма немногочисленны. Я уверял ее, что никогда не уловит она в моей любви к ней ни малейшей перемены и что покуда я жив - а умирать я еще не собирался, - она во мне всегда найдет друга и наставника. Я предупредил ее о возможном гонении, которому она подвергнется со стороны общества, и тут же напомнил, что книга - лучший друг израненной души, друг, от которого никогда не услышишь упрека и который, если и не в состоянии сделать нашу жизнь более радостной, то, по крайней мере, помогает сносить ее тяготы.

Нанятую мною лошадь я договорился оставить на постоялом дворе, в пяти милях от моего дома, и предложил Оливии переночевать там же, чтобы я мог приготовить домашних к ее возвращению, и рано поутру вместе с ее сестрой Софьей за нею приехать. Уже совсем смеркалось, когда мы прибыли на постоялый двор; тем не менее, позаботившись о том, чтобы Оливии отвели порядочную комнату, и, заказав у хозяйки подходящий для нее ужин, я поцеловал дочь и зашагал к дому. Сладкий трепет охватил мое сердце, когда я стал приближаться к своему мирному убежищу. Подобно птице, возвращающейся в родное гнездо, с которого ее спугнули, летели мои чувства, опережая бременное тело и в радостном

предвкушении уже витали над смиренным моим очагом. Я повторял про себя все те ласковые слова, что скажу своим милым, и пытался представить себе восторг, с каким буду ими встречен. Я почти ощущал уже нежные объятия жены и улыбался радости малюток. Шел же я тем не менее довольно медленно, и ночь меня совсем уже настигла; селение спало; огни погасли; пронзительный крик петуха да глухой собачий лай в гулкой дали одни только и нарушили тишину. Я уже подходил к нашей маленькой обители Счастья, и, когда до нее оставалось уже не больше двухсот шагов, верный наш пес выбежал мне навстречу.

Была уже почти полночь, когда я постучался в дверь своего дома; мир и тишина царили всюду - сердце мое наполнилось неизъяснимым счастьем, как вдруг, к моему изумлению, дом мой вспыхнул ярким пламенем, и багровый огонь забил изо всех щелей! С протяжным, судорожным воплем упал я без чувств на каменные плиты перед домом. Крик мой разбудил сына; увидев пламя, он тотчас поднял мать и сестру, и они выбежали на улицу, раздетые и обезумевшие от страха; стенаниями своими они возвратили меря к жизни. Новый ужас ждал меня, ибо пламя охватило кровлю, и она начала местами обваливаться; жена и дети, как зачарованные, в безмолвном отчаянии глядели на пламя. Я переводил взгляд с горящего дома на них и наконец стал озираться, ища малышей; но их нигде не было видно.

- О, горе мне! Где же, - вскричал я, - где мои малютки?

- Они сгорели в пламени пожара, - отвечала жена спокойным голосом, - и я умру вместе с ними.

В эту самую минуту я услышал крик моих сыночков, которых пожар только что пробудил.

- Где вы, детки мои, где вы? - кричал я, бросаясь в пламя и распахивая дверь комнатки, в которой они спали. - Где мои малютки?

- Мы здесь, милый батюшка, здесь! - отвечали они хором, меж тем как языки пламени уже лизали их кроватку. Я подхватил их на руки и поспешил выбраться с ними из огня; и тотчас кровля рухнула.

- Теперь бушуй, - вскричал я, подняв детей как можно выше, - бушуй себе, пламя, как тебе угодно, пожри все мое имущество! Вот они, тут - мне удалось спасти мои сокровища! Здесь, здесь, милая женушка, все наше богатство! Не вовсе от нас отвернулось счастье!

Тысячу раз перецеловали мы наших крошек, они же обвили нам шею своими ручонками и, казалось, разделяли наш восторг; их матушка то смеялась, то плакала.

Теперь я стоял уже спокойным свидетелем пожара и не сразу даже заметил, что рука моя до самого плеча обожжена ужаснейшим образом. Беспомощно взирал я, как сын мой пытался спасти часть скарба нашего и помешать огню перекинуться на амбар с зерном. Проснулись соседи и прибежали к нам на помощь; но, подобно нам, они могли лишь стоять бессильными свидетелями бедствия. Все мое добро, вплоть до ценных бумаг, которые я приберегал на приданое дочерям, сгорело дотла; уцелели лишь сундук с бумажным хламом, стоявший на кухне, да еще две-три пустяковые вещички, которые моему сыну удалось вытащить в самом начале пожара. Впрочем, соседи старались облегчить нашу участь кто как мог. Они притащили одежду и снабдили нас кухонной утварью, которую мы снесли в один из сараев, так что к утру у нас оказалось, хотя и убогое, во все же убежище. Честный мой сосед и все его семейство не отставали от прочих и тоже рьяно помогали нам устроиться на новом месте, пытаясь утешить меня всеми словами, какие в простодушной доброте приходили им на ум.

Когда мои домашние немного оправились от страха, они захотели узнать причину длительного моего отсутствия; описав им подробно мои приключения, я затем осторожно стал подводить разговор к возвращению нашей заблудшей овечки. Как ни убог был дом наш, я хотел, чтобы она была принята в нем с совершенным радушием, - только что постигшее нас бедствие, притупив и смилив присущую жене гордость, в большой мере облегчило мою задачу. Боль в руке была так велика, что я не в состоянии был отправиться за бедной моей девочкой сам и послал вместо себя сына с дочерью, которые вскоре привели несчастную беглянку; у нее недоставало духу поднять глаза на мать несмотря на все мои увещания, та

не могла сразу полностью простить ее; ибо женщина всегда живее чувствует вину другой женщины, чем мужчина.

- Увы, сударыня, - воскликнула мать, - после великолепия, к которому вы привыкли, наша лачуга покажется вам слишком убогой! Дочь моя Софья и я не сумеем принять подобающим образом особу, которая привыкла вращаться в высшем свете. Да, мисс Ливви, нам с твоим бедным отцом много чего пришлось выстрадать; ну, да простит тебя небо!

С бледным лицом и дрожа всем телом, не в силах ни плакать, ни вымолвить слова в ответ, стояла моя бедняжка во время этой приветственной речи; но я не мог оставаться немым свидетелем ее муки, и поэтому, вложив в свой голос и манеру ту суровость, которая всякий раз вызывала беспрекословное повиновение, я сказал:

- Слушай, женщина, и запомни мои слова раз и навсегда: я привел бедную заблудшую скиталицу, и для того, чтобы она возвратилась на стезю долга, нужно, чтобы и мы возвратили ей свою любовь; для нас наступила пора суровых житейских испытаний, так не станем умножать свои невзгоды раздорами. Если мы будем жить друг с другом в ладу, если мир и согласие поселятся между нами, мы будем жить хорошо, ибо наш семейный круг достаточно обширен, и мы можем не обращать внимания на злоречие, находя нравственную опору друг в друге. Всем кающимся обещано небесное милосердие, будем же и мы следовать высокому примеру. Мы ведь знаем, что не столь угодны небу девяносто девять праведников, сколь один раскаявшийся грешник; и это справедливо: легче сотворить сотню добрых дел, чем остановиться тому, кто уже устремился вниз и почти уже обрек свою душу на гибель.

ГЛАВА XXIII

Лишь тем, кто уклонился от пути праведного, свойственно предаваться длительной и беспросветной печали

Немало прилежания потребовалось для того, чтобы нынешнюю нашу обитель сделать пригодной для жилья, но вот мы вновь узнали душевный покой. Из-за боли в руке я не мог помогать сыну в его работе и поэтому читал вслух своему семейству, стараясь выбирать из немногих уцелевших книг такие, что, давая пищу воображению, одновременно успокаивали душу. Добрые наши соседи тоже не забывали нас и навещали каждый день, выражая свое сердечное сочувствие; они сами избрали определенное время для того, чтобы сообща помогать нам в восстановлении сгоревшего дома.

Честный фермер Уильямс не отставал от других, выказывая нам самую горячую дружбу. Он даже был готов возобновить свои ухаживания за моей дочерью; решительность, с какой она их отвергла, раз и навсегда положила им конец. Владевшая ею печаль была, видимо, не из тех, что проходят скоро, и, когда через какую-то неделю ко всем остальным в нашем маленьком кружке вернулась обычная веселость, она одна ее не разделяла. Не было уже той безмятежной невинности, благодаря которой прежде в ней жило уважение к себе и простодушное желание нравиться другим. Тоска всецело поглотила ее; силы были подточены, красота стала увядать тем приметнее, чем небрежнее она относилась к своей наружности. Всякое ласковое слово, обращенное к ее сестре, уязвляло ее в самое сердце и вызывало слезы на глаза; когда человек, вылечивается от одного какого-нибудь недостатка, на его месте неизбежно появляются другие, - так и здесь; прежний грех, уже искупленный раскаянием, оставил по себе зависть и ревнивую мнительность. Тысячи способов изыскивал я, чтобы уменьшить ее тоску; стремясь облегчить ее страдания, я забывал собственную боль; я приводил ей бесчисленное множество всяческих историй, которые благодаря начитанности хранил я в своей крепкой памяти.

- Наше счастье, мой друг, - говорил я ей, - в руке того, кто с помощью тысячи сокрытых от нас путей может доставить его нам; и перед этим вся наша прозорливость - ничто. Если хочешь, дитя мое, я поведаю тебе одну историю, которая может служить тому доказательством; вот что рассказывает один весьма серьезный, хоть и наделенный романтическим воображением, историк.

"Совсем юной вышла Матильда замуж за вельможу, принадлежавшего к одному из знатнейших семейств Неаполя; в пятнадцать лет она оказалась матерью и вдовой. И вот

однажды стояла она у раскрытого окна над самой рекой Вольтурно, лаская своего младенца, как вдруг резким движением вырвался он у нее из объятий, упал в поток и через мгновение исчез в нем. Мать, желая спасти его, в ту же минуту бросилась вслед за ним в реку; но не только не удалось ей помочь своему дитяти, но и сама она едва выбралась на противоположный берег, на котором в ту пору лютовали французские солдаты. Они тотчас взяли ее в плен.

Война, которая тогда шла между французами и итальянцами, велась с крайней бесчеловечностью, и солдаты намеревались совершить над нею те два противоположные действия, которые диктуют похоть и злоба. Подлым их намерениям, однако, помешал молодой офицер, который, несмотря на поспешность отступления, посадил ее позади себя на коня и доставил в свой родной город целой и невредимой. Одна красота ее первоначально бросилась ему в глаза, но вскоре сердце его было покорено душевными ее достоинствами. Они повенчались; он достиг высших чинов.

Долгую и счастливую жизнь прожили они вместе. Но переменчиво счастье солдата. Прошли годы, и вверенное ему войско было обращено в бегство, и ему пришлось искать убежище в том самом городе, где проживал он с женой. После длительной осады город был наконец взят неприятелем. Французы и итальянцы в ту пору проявляли беспримерную в истории жестокость по отношению друг к другу. В нашем случае победители решили всех пленных французов предать смерти, и в первую очередь мужа злополучной Матильды, ибо он и был главный виновником того, что город сопротивлялся так долго. Обычно подобные приговоры приводились в исполнение тут же. Пленного воина уже повели на место казни, палач уже занес свой меч, и зрители в мрачном молчании ожидали рокового удара, который должен был последовать по мановению руки генерала, взявшего на себя роль верховного судьи.

В эту-то минуту, полную муки ожидания, Матильда бросилась к супругу, чтобы проститься с ним в последний раз; она громко сетовала на свое бедственное положение и жестокую судьбу, которая спасла ее от преждевременной смерти в волнах Вольтурно для того лишь, чтобы сделать ее жертвой еще более страшных бедствий. Генерал был молод, его поразила красота женщины и тронула ее участь; когда же он услышал из ее уст рассказ об опасности, которой она некогда подверглась, чувства его пришли в совершенное смятение. Ибо это был ее родной сын, тот самый младенец, ради которого она подвергла свою жизнь столь великому риску! Он тут же признал в ней свою мать и пал к ее ногам. Остальное нетрудно себе представить: пленник был тотчас освобожден, и эти люди познали все то счастье, которое может проистекать от любви, дружбы и сознания исполненного долга, когда они действуют согласно".

Подобным образом пытался я развлекать свою дочь. Но она слушала меня рассеянно, ибо собственные горести лишили ее дара сочувствия, которым она некогда обладала, и душа ее не знала ни минуты покоя. Она избегала бывать на людях, ей чудилось, что все ее презирают, в одиночестве же ее терзала тоска. Печаль всецело овладела моей дочерью, как вдруг до нас дошел слух, будто мистер Торнхилл собирается вступить в брак с мисс Уилмот; я сам давно уже подозревал, что он питает к ней страсть, как ни стремился он при всяком случае выразить презрение и к наружности ее, и к приданому.

Эта весть лишь усугубила страдания бедной Оливии. Ибо такое наглое надругательство над чувством было свыше ее сил. Я, однако, решил добыть более определенные сведения и, если слухи подтвердятся, помешать мистеру Торнхиллу осуществить его намерение; я послал сына к старому мистеру Уилмоту, с тем чтобы узнать от него, сколь достоверен этот слух, а дочери его, мисс Уилмот, вручить письмо, в котором сообщалось, как мистер Торнхилл вел себя по отношению к нашей семье.

Сын отправился выполнять мое поручение и через три дня вернулся; слух, по его словам, оказался справедливым, письма же ему не удалось вручить мисс Уилмот, и он был вынужден его оставить, ибо мистер Торнхилл со своей невестой в это время разъезжали с визитами. Венчание, сообщил далее сын, должно состояться через несколько дней, ибо они

уже в прошлое воскресенье, перед его приездом, появились вместе в церкви в великолепных нарядах; шестеро подружек сопровождало невесту и столько же дружков - жениха.

Предстоящая свадьба наполняла восхищением всю округу, и невеста с женихом всюду ездили в карете столь великолепной, что равной ей уже много лет в этих краях никто не видывал. По словам сына, туда съехались друзья обоих семейств, в том числе и дядя помещика, сэр Уильям Торнхилл, о котором рассказывали столько хорошего. Все только и делали, прибавил он, что пировали да веселились; только и говорили о том, как хороша невеста да каков молодец жених, и рассказывали чудеса о взаимной их привязанности; и, наконец, в заключение сын мой признался, что мистер Торнхилл представляется ему счастливейшим из смертных.

- Что ж, - возразил я, - пусть себе радуется, если может. Однако, взгляни, мой сын, на сие соломенное ложе, на худую крышу, на заплесневелые сии стены и сырой пол; на хилое тело мое, искалеченное огнем, и на младенцев, с воплями просящих у меня кусок хлеба! Все это, дитя мое, ты застаешь по своему возвращении, и все же тут зришь ты человека, который за все блага на свете не поменялся бы с тем, кому ты позавидовал! Научитесь, о дети, внимать гласу сердца своего, поймите, сколь благородного друга имеете в нем, и тогда весь этот блеск несправедливый и великолепие померкнут в ваших глазах! Принято говорить, что жизнь наша есть странствие, а мы все странники. Сравнение это можно расширить, сказав, что человек добродетельный весел и покоен, как путник, возвращающийся в родной дом; несправедливый же бывает счастлив лишь изредка, минутами - как человек, который отправляется в изгнание.

Но тут я был вынужден оборвать свою речь и крикнуть жене, чтобы она подхватила Оливию: под бременем нового горя, свалившегося на нее, бедняжка чуть не лишилась чувств. Вскоре, однако, она пришла в себя. С этой минуты к ней, казалось, вернулось спокойствие, и я вообразил, что ей удалось овладеть собой; но я обманывался: это был не покой, это было изнеможение души, истомленной болью.

Добрые мои прихожане прислали мне немного пищи, и все, кроме Оливии, воспрянули духом; не могу сказать, чтобы я был недоволен, видя их снова веселыми и счастливыми. Несправедливо было бы во имя сочувствия упорствующей меланхолии омрачать их радость и возлагать на них бремя печали, которую они не испытывали. Итак, снова принялись мы рассказывать истории, петь песни, и снова веселье осенило тесное наше жилище.

ГЛАВА XXIV

Новые невзгоды

Следующее утро выдалось на редкость солнечное и теплое по тому времени года, и мы решили позавтракать под кустом жимолости, где младшая моя дочь по моей просьбе присоединила свой голосок к концерту, раздававшемуся в ветвях деревьев лад нами. Тут, на самом этом месте, бедняжка Оливия впервые встретилась со своим соблазнителем, и все кругом, казалось, напоминало ей и ее горе. Однако грусть, что вызывают в нас красоты природы и гармонические звуки, ласкает сердце, не уязвляя его. На этот раз сладкая печаль проникла в душу и матушки ее, она всплакнула и снова возлюбила свою дочь всем сердцем.

- Оливия, красавица моя! - воскликнула она. - Спой же нам ту печальную песенку, что некогда так любил слушать твой отец. Сестра твоя Софья усладила нас своим пением. Спой же и ты, девочка, побалууй своего старого отца!

Она спела свою песенку с таким трогательным одушевлением, что я сам умилился чуть ли не до слез.

Когда неведомая сила,
Любви нахлынувшей волна,
К паденью женщину склонила
И долг нарушила она,
И видит вскоре, что любимый
С другой скрестил влюбленный взор,
Чем ей помочь, неисцелимой,

Как смыть с ее души позор?
Один лишь путь: в тоске безмерной
Таить глухую боль стыда
И, чтоб раскаялся неверный,
Уйти из жизни навсегда.
{Перевод В. Левина.}

Когда она исполняла заключительный куплет, голос ее задрожал от нестерпимой грусти и сделался еще нежнее; и в эту самую минуту мы завидели вдали карету мистера Торнхилла. Особенно, конечно, взволновалась старшая моя дочь; не желая встречаться с бессердечным обманщиком, она скрылась с сестрой в нашей хижине, я оставался на месте; через несколько минут он вышел из кареты и направился ко мне. С обычной своей непринужденностью он стал справляться о моем здоровье.

- Сударь, - отвечал я, - теперешняя наглость ваша лишь усугубляет всю вашу низость душевную; и было время, когда я не оставил бы безнаказанной дерзость, с какой осмеливаетесь вы являться мне на глаза. Нынче, разумеется, вы можете быть спокойны: возраст остудил пыл моих страстей, а сан велит сдерживать их.

- Клянусь, государь мой, - отвечал он, - я поражен! Я не понимаю, что все это значит? Надеюсь, вы не видите ничего предосудительного в той маленькой прогулке, что ваша дочь давеча предприняла со мной?

- Прочь, несчастный! - вскричал я. - Жалкий негодяй и обманщик! Ты изолгался вконец! Твое ничтожество - лучший щит от моего гнева. А право, сударь, я веду свой род от людей, которые умели отвечать на оскорбления. Подумай, бесчестный человек, в угоду минутной своей страсти ты сделал женщину несчастной на всю жизнь и погубил семью, у которой не было иного богатства, кроме чести!

- Коли вы, сударь, или ваша дочь решились упорствовать в своем несчастье, я вам помочь не могу, - возразил он. - Однако счастье ваше в ваших же руках и от вас самих зависит, быть ли мне врагом вашим или другом. Мы можем хоть теперь же обвенчать ее с кем-нибудь, и, главное, ее первый любовник останется при ней, ибо, клянусь, я никогда не перестану ее любить!

Новое это оскорбление заставило все мои чувства возмутиться - так уж бывает, что человека, который в большой беде сохраняет спокойствие духа, мелкие подлости, уязвляя в самое сердце, доводят до исступления.

- Прочь, змея, с глаз моих! - вскричал я. - И не смей оскорблять меня своим присутствием. Кабы храбрый сын мой был дома, он бы этого не потерпел; я же старый, немощный и вконец разбитый человек.

- Вот как! - вскричал он. - С вами, оказывается, придется повести разговор круче, нежели я намеревался. Хорошо же, я вам показал, чего можно ждать от моей дружбы, не мешает теперь вам знать, каковы будут следствия моей вражды. Стряпчий, которому я передал ваш вексель, твердо решил подать к взысканию; и я не знаю иного средства помешать свершиться правосудию, как заплатить по векселю из собственного кармана; а это не так-то легко, ибо у меня и без того довольно расходов в связи с предстоящей женитьбой! Вот и управляющий намерен потребовать с вас арендную плату, а уж он свое дело знает, будьте покойны - я - то ведь этими пустяками никогда не занимаюсь. И все же я хотел бы быть полезным вам и даже собирался пригласить вас и вашу дочь на мою свадьбу, которая должна состояться через несколько дней. Прелестная моя Арабелла настаивает на вашем присутствии, и вы, я думаю, не захотите огорчать ее отказом.

- Мистер Торнхилл, - отвечал я. - Вот мое последнее слово: своего согласия на ваш брак с кем бы то ни было, кроме моей дочери, я никогда в жизни не дам, и пусть бы дружба ваша способна была возвести меня на трон, а вражда - свести в могилу, я бы отвечал равно презрением и на то на другое. Один раз ты уже гнусно обманул меня и причинил нам непоправимое горе. Сердцем своим положился я на твою честь, а нашел одну лишь низость. Посему не ожидай моей дружбы более. Ступай, пользуйся и наслаждайся всем, что тебе дала

судьба, - красотой, богатством и здоровьем. Но знай, как бы унижен я ни был, сердце мое исполнено гордости; и хоть я дарую тебе прощение, я буду вечно тебя презирать.

- А коли так, - отвечал он, - то вы узнаете, к чему приводит дерзость, и мы скоро увидим, кто из нас двоих достойней презрения: вы или я?

С этими словами он круто повернулся и ушел.

Жена моя и сын слышали весь разговор и стали дрожать от страха. Дочери, после того как убедились в том, что он ушел, тоже вышли, чтобы узнать, к чему привела наша беседа; а когда узнали, пришли в неменьшее смятение. Меня же никакие дальнейшие проявления его ненависти не могли уже страшить: первый удар был нанесен, и я готов был отражать последующие; я был подобен снаряду, известному под названием "рогулька", который применяется во время войны: как ни кинь его, он всегда оказывается одним из своих шипов направленным к неприятелю.

Впрочем, очень скоро пришлось нам убедиться в том, что слова его были не пустая угроза, ибо на следующее же утро явился управляющий, требуя с меня арендную плату за год, которую я по причине обрушившихся на меня несчастий уплатить не мог. Следствием моей несостоятельности было то, что вечером того же дня он увел весь мой скот и на другой день продал его за полцены. Тут жена моя и дети стали просить меня согласиться на любые условия и не навлекать на себя верной гибели. Они даже умоляли меня позволить помещику навещать нас по-прежнему, и все свое маленькое красноречие употребили на то, чтобы представить мне бедствия, которые я себе уготовливаю: ужасы темницы, да еще в такое время года, да еще при незажившей ране, которая представляла немалую угрозу для здоровья. Но я оставался непреклонен.

- Послушайте, возлюбленные мои, - воскликнул я, - для чего пытаетесь вы уговорить меня делать то, что делать не следует? Долг велит мне простить его, это верно, но не могу же я по совести одобрить его поступки? Неужто вы хотите, чтобы я открыто превозносил то, что в глубине души осуждаю? Чтобы покорно угодничал перед бесславным соблазнителем? И ради того, чтобы избежать тюрьмы и мук телесных, согласился бы на постоянные и еще более тяжкие муки душевные? Так не бывать же этому! Если и выгонят нас из этой лачуги, будем все же держаться праведного пути, и, куда бы нас ни забросила судьба, мы, следуя этой стезей, придем в чудесную обитель, где всякий может весело и бестрепетно заглянуть в свою душу.

В подобных разговорах провели мы вечер. Всю ночь падал снег, и наутро сын мой вышел, чтобы расчистить дорожку перед входом. Вскоре он вбежал назад, весь бледный, и сообщил, что два человека, в которых он узнал судебных приставов, направляются прямехонько к нам.

Не успел он это проговорить, как они вошли, проследовали прямо к моей постели и, сообщив мне свою должность и дело, за которым пришли, арестовали меня и велели собираться в местную тюрьму, отстоявшую от моего жилья на одиннадцать миль.

- Суровую же погоду, друзья мои, избрали вы для того, чтобы препроводить меня в тюрьму, - сказал я им. - Особенно же неудачно время это для меня еще и по той причине, что я совсем недавно получил страшный ожог руки и до сих пор не могу оправиться от небольшой лихорадки, вызванной им; к тому же у меня нет теплого платья, и я слишком немощен и стар, чтобы шагать далеко по глубокому снегу - впрочем, коли иначе нельзя...

Тут я повернулся к жене и детям и приказал им собрать те немногие вещи, что у нас еще оставались, и готовиться немедленно покинуть это жилье. Я заклинал их не терять времени, а сыну велел заняться старшей сестрой, которая от мучительного сознания, что она является виновницей всех наших бедствий, упала без чувств. Затем обратился я со словами ободрения к жене бледная и дрожащая, стояла она, прижав к себе наших перепуганных малюток, которые молча прятали личики у нее на груди, не смея оглянуться на пришельцев. Между тем младшая моя дочь собирала вещи, и так как ей несколько раз давали попять, что нужно поторапливаться, через какой-нибудь час мы были уже готовы отправиться в путь.

ГЛАВА XXV

Никогда не следует отчаиваться; утешение приходит к нам при любых обстоятельствах

Мы покинули мирное селенье и медленно побрели по дороге. Старшую мою дочь, обессилевшую от лихорадки, которая вот уже несколько дней исподволь подтачивала ее здоровье, один из приставов, тот, у которого была верховая лошадь, сжалившись, посадил позади себя; даже у этих людей не вовсе отсутствует человеколюбие. Сын вел за руку одного из наших малюток, жена второго. Я же опирался на плечо младшей дочери, у которой слезы так и текли, - но не о собственной участи плакала она, а о моей.

Мы уже отошли от нашего последнего жилища мили на две, как вдруг увидели позади себя толпу - человек пятьдесят беднейших моих прихожан с громкими воплями бежали вслед за нами! Со страшными проклятиями схватили они обоих судебных приставов, клянясь, что не допустят, чтобы их священника посадили в тюрьму, и что станут защищать его до последней капли крови; при этом они грозились учинить жестокую расправу над конвойными. Это могло бы привести к роковым последствиям, но я тотчас вмешался и с трудом вырвал служителей правосудия из рук разъяренной толпы. Дети, вообразив, что пришло избавление, не в силах были унять свой восторг и прыгали от радости. Впрочем, слова, с которыми я обратился к бедным заблуждающимся людям, думавшим, что они меня спасают, вскоре их отрезвили.

- Что это, друзья мои? - воскликнул я. - Так-то вы являете мне любовь свою? Так-то следуете наставлениям, с которыми я обращался к вам в церкви? Оказываете сопротивление правосудию, навлекая гибель на себя, да и на меня тоже! Кто тут у вас зачинщик? Покажите мне того, кто ввел вас в соблазн! Я не оставлю его дерзость безнаказанной, вот увидите! Увы, мои дорогие заблудшие овцы! Ступайте домой и не забывайте более долга своего по отношению к богу, к отчизне и ко мне! Может, мне когда и доведется увидеть вас при иных, более счастливых обстоятельствах, и тогда я приложу все старания, чтобы облегчить ваш удел. Дайте мне, по крайности, тешить себя надеждой, что когда я стану собирать свое стадо и поведу его стезей бессмертия, все мои овечки до единой окажутся налицо!

Раскаяние охватило их, и они в слезах по одному стали подходить ко мне и прощаться. С чувством пожал я руку каждому из них и, благословив всех, пошел дальше, не встречая более препятствий на своем пути. Под вечер мы добрались до города, хотя справедливее было бы назвать его деревней, ибо состоял он всего лишь из нескольких убогих домишек; все бывшее великолепие он утратил, а от древних своих привилегий сохранил лишь эту тюрьму.

Мы завернули на постоялый двор, где нам на скорую руку состряпали ужин, и, сохраняя обычное веселие духа, я уселся со своими близкими за стол. Позабывшись о приличном ночлеге для семьи, я отправился в сопровождении приставов в тюрьму; в свое время ее построили для военных целей, и она представляла собой обширную залу, защищенную крепкой решеткой и вымощенную каменными плитами; большую часть суток несостоятельные должники содержались тут вместе с ворами и грабителями, на ночь же арестантов разводили по одиночным камерам и там запирали.

Вступая в тюрьму, я ожидал, что услышу одни вопли и стенания несчастных; на деле же все оказалось не так. Одна-единственная цель, по-видимому, одушевляла узников - как-нибудь забыться в шуме и веселье. С меня, как со всякого новичка, сразу потребовали денег на угощение, и я немедленно подчинился обычаю, хотя та небольшая сумма, что была при мне, и без того почти совсем растаяла. Тотчас послали за вином, и тюрьма вскоре наполнилась буйством, хохотом и сквернословием.

"Ну что ж, - подумал я. - Если закоренелые преступники веселы, то мне и вовсе грех унывать! Тюрьма все та же, что для меня, что для них, а у меня как-никак больше причин чувствовать себя счастливым, нежели у этих людей".

Подобными мыслями я пытался подбодрить себя, но слыхано ли, чтобы кто когда-либо становился веселым по принуждению, которое само по себе есть враг веселья? И вот, покуда

я сидел в углу и предавался грустной задумчивости, ко мне подсел один из моих товарищей по заключению и вступил со мной в разговор. Я положил себе за правило никогда не отказывать в беседе никому, кто пожелал бы со мной говорить; ибо, если разговор его хорош, я могу почерпнуть из него что-нибудь для себя, а если плох - могу принести пользу собеседнику. На этот раз мне попался человек бывалый, с хорошей природной смекалкой, знающий, как говорится, свет, или, вернее, его изнанку. Он спросил меня, позаботился ли я о постели, а надо сказать, что я о ней и не подумал.

- Напрасно! - воскликнул он. - Ибо здесь ничего, кроме соломы, не дадут, а ваша камера очень велика, и вам будет холодно. Впрочем, вы, я вижу, джентльмен, и так как я и сам в свое время принадлежал к их числу, то с радостью уступлю вам часть моих постельных принадлежностей.

Я поблагодарил его и высказал удивление по поводу того, что встречаю такое человеколюбие в тюрьме, и, желая блеснуть своей образованностью, прибавил, что древний мудрец, видно, знал цену дружбе в несчастье, когда сказал: "Тон космон айре, эй дос тон этайрон".

- И в самом деле, - продолжал я, - чем был бы мир, если бы мы были обречены на полное одиночество?

- Вы говорите о мире, сударь, - подхватил мой товарищ по заключению. Мир достиг дряхлого возраста, и, однако, космогония или сотворение мира озадачили не одно поколение философов. Какие только предположения не высказывали они о сотворении мира! Сапхониатон, Манефо, Берозус и Оцеллий Лукан - все они тщетно пытались разгадать эту задачу. У последнего есть даже такое изречение: "Анархон ара кай ателутайон то пан", - что означает...

- Извините меня, сударь, если я перебью вашу ученую речь! - вскричал я. - Но мне сдается, что я уже все это слышал - не имел ли я удовольствия видеться с вами на уэллбриджской ярмарке и не зовут ли вас Эфраим Дженкинсон?

Он только вздохнул в ответ.

- Не припомните ли вы, - продолжал я, - некоего доктора Примроза, у которого покупали лошадь?

Тут он узнал меня - обычный полумрак, царивший в тюрьме, и сгущавшиеся сумерки помешали ему прежде разглядеть мои черты.

- Верно, сударь, - отвечал мистер Дженкинсон, - я вас отлично помню! Я купил у вас лошадь и забыл за нее заплатить, не так ли? Единственный опасный мне свидетель на ближайшей сессии суда - это ваш сосед Флембро, ибо он решительно намерен присягнуть в том, что я фальшивомонетчик... Я же от всей души раскаиваюсь, что обманул вас и что обманывал людей вообще, ибо вот, тут он указал на свои кандалы, - до чего довели меня плутни!

- Что ж, сударь, - отвечал я, - за вашу бескорыстную доброту ко мне я отплачу тем, что постараюсь смягчить, а то и вовсе избавить вас от показаний мистера Флембро, и с этой целью при первой же возможности направлю к нему своего сына. И я ничуть не сомневаюсь, что он мою просьбу выполнит. Что до моих показаний, то вы можете быть совершенно спокойны.

- Ах, сударь, - воскликнул он, - я сделаю для вас все, что в моих силах. Больше половины моей постели я предоставлю вам и не дам вас в обиду в тюрьме, а я здесь как будто пользуюсь кое-каким влиянием.

Я поблагодарил его, а затем не мог удержаться, чтобы не высказать своего удивления: сейчас он выглядел молодым человеком, между тем в прошлую мою встречу с ним я ему никак меньше шестидесяти не дал бы.

- Сударь, - отвечал он, - вы мало знаете жизнь. Я тогда был в парике, а кроме того, я умею принимать любую личину и изображать собой кого хотите - и семнадцатилетнего юнца, и семидесятилетнего старца. Увы, сударь, я был бы уже богачом, кабы половину трудов, что потратил на то, чтобы сделаться плутом, положил на изучение какого-нибудь

ремесла! Впрочем, какой я ни есть, а все же надеюсь быть вам полезным, и, может быть, в ту самую минуту, когда вы будете меньше всего этого ждать.

Дальнейшая наша беседа была прервана появлением слуг тюремщика, которые, сделав переключку, стали разводить нас по камерам. Сними был еще малый, который нес для меня пук соломы; он повел меня узким темным коридором в комнату, вымощенную такими же каменными плитами, что и та, из которой я вышел. В одном углу я разложил солому, покрыв ее сверху постелью, которою поделился со мной мистер Дженкинсон, после чего мой провожатый довольно любезно пожелал мне покойной ночи и ушел. Я предался обычным своим благочестивым размышлениям на сон грядущий, вознес хвалу небесному моему наставнику и проспал сладчайшим сном до самого утра.

ГЛАВА XXVI

Исправление тюремных нравов. Истинное правосудие должно не только карать, но и поощрять

Рано поутру я был разбужен рыданиями моих близких, собравшихся вокруг моего ложа. Мрачная обстановка, видимо, подействовала на них угнетающим образом. Я мягко попенял им за их малодушие, уверив их, что в жизни не спал так покойно, как в эту ночь, а затем, не видя своей старшей дочери, стал о ней спрашивать. Мне отвечали, что тревожнения вчерашнего дня так утомили ее и расстроили, что лихорадка ее усугубилась, и они сочли благоразумным оставить ее дома. Затем я велел сыну где-нибудь поблизости от тюрьмы подыскать одну или две комнаты, так, чтобы все могли разместиться. Он пошел исполнять мое приказание, но ему удалось снять лишь одну небольшую комнатку для матери с сестрами, зато добросердечный тюремный надзиратель разрешил ему вместе с маленькими братьями ночевать у меня. В углу им устроили вполне удобную, на мой взгляд, постель. Все же мне захотелось наперед узнать, пожелают ли мои малютки остаться в темнице, которая поначалу вселяла в них такой ужас.

- Ну-с, молодцы, - воскликнул я, - нравится ли вам ваша новая постель?! Или вы, может быть, боитесь спать в такой темной комнате?

- Что вы, батюшка, - ответил Дик, - с вами я не боюсь спать где угодно!

- А я, - сказал Билл, которому шел всего пятый год, - я люблю лучше всего те комнаты, где живет мой батюшка.

После этого я распределил между всеми членами семьи различные обязанности. Младшей дочери я дал строгий наказ оберегать сестру, которой день ото дня становилось хуже; жене поручил заботу о моем здоровье, а Дик и Билл должны были читать мне вслух.

- Что же до тебя, сын мой, - продолжал я, - ты теперь наша единственная опора, от трудов рук твоих зависит все наше благополучие. Работая поденщиком, ты можешь выручить довольно денег, чтобы при известной бережливости все мы могли жить, не ведая нужды. Тебе уже шестнадцать, и господь дал тебе силы для того, чтобы ты употребил их во благо; ибо они нужны для того, чтобы спасти от голода беспомощных твоих родителей и всю твою семью. Итак, отправляйся искать работу сегодня же и приноси домой каждый вечер все, что заработаешь днем.

Наставив его таким образом и определив обязанности каждого, я пошел в общее отделение, где было больше простора и воздуха. Впрочем, там я пробыл недолго, ибо брань, непристойности и жестокость, встретившие меня, как только я вошел, вскоре загнали меня назад, в мою каморку. Я просидел некоторое время там, дивясь заблуждению сих несчастных, которые, восстановив против себя человечество, выбивались из сил, чтобы заполучить еще более могущественного врага в будущем.

Слепота их вызывала горячую мою жалость и заставила забыть собственные невзгоды. И я подумал, что мой долг попытаться обратить их на путь истинный. Поэтому я решил вновь выйти к ним, и невзирая на их насмешки, приняться увещевать их, надеясь покорить их своим упорством. Возвратившись в общую залу, я поделился с мистером Дженкинсоном этим намерением, которое, хоть и сильно рассмешило его, он все-таки сообщил остальным. Предложение мое было принято весьма благосклонно, ибо предвещало новую забаву, а

публика эта иначе и веселиться не умела, как глумясь да безобразничая.

Итак, к вящему веселью слушателей, я громко и отчетливо прочитал им несколько молитв. Сальные шуточки, произносимые шепотом, притворные стоны раскаяния, подмигивания и нарочитый кашель то и дело вызывали взрывы хохота. Несмотря на это, я продолжал читать с обычным своим воодушевлением. "Как знать, - рассуждал я, - может, слова мои ненароком и повлияют на которого-нибудь из них, и, уж во всяком случае, к столь благородному делу никакая скверна не пристанет!"

От чтения я перешел к проповеди и старался не столько попрекать своих слушателей грехами их, сколько просто занять их воображение. Прежде чем приступить к самой проповеди, я сказал, что единственная причина, побуждающая меня обращаться к ним таким образом, есть забота об их благе; что сам я такой же арестант, как и они, и за проповедь свою ничего не получаю. Мне прискорбно, сказал я им, слушать их богохульства, ибо выгоды для них в этом нет никакой, прогадать же они могут очень много.

- Ибо, истинно говорю я вам, друзья мои, - воскликнул я, - а я вас всегда буду почитать за своих друзей, пусть свет и отвернулся от вас, сколько ни богохульствуйте, хоть двенадцать тысяч раз на дню, кошелек ваш от того не станет тяжелее ни на пенс. Зачем же в таком случае поминать ежеминутно дьявола, заискивая перед ним, когда вы видите, каково скверно обращается он с вами? Что он вам дал - полный рот богохульств да пустое брюхо! А судя по тому, что мне о нем известно, вы та, в будущем ничего хорошего от него не увидите.

Если нас кто надует, - продолжал я, - мы обычно отказываемся иметь в дальнейшем с ним дело - и идем другому. Почему бы и вам не поискать другого хозяина, который, во-всяком случае, обещает вам одно - принять каждого из вас к себе? Право же, друзья мои, что может быть глупее, чем, совершив грабеж, искать убежища у полицейских? Не так ли поступаете вы? Все вы ищете утешения у того, кто для вас гораздо опасней, нежели самый свирепый сыщик; ибо сыщик завлечет вас, повесит - и дело с концом, а этот и завлечет, и на виселицу вздернет, да еще и после петли не выпустит из своих лап!

Когда я кончил, многие из моих слушателей стали выражать мне одобрение, некоторые подходили и пожимали мне руку, божась, что я честный малый, и высказывая желание сойтись со мной покороче. Поэтому я обещал и на следующий день обратиться к ним с проповедью, и у меня даже появилась надежда в самом деле обратить их на путь спасения, ибо я всегда считал, что нет такого человека, который не мог бы исправиться; стрелы раскаяния, на мой взгляд, проникают в любое сердце, нужно лишь, чтобы стрелок был достаточно метким. Так положив в душе моей, я возвратился к себе; жена уже приготовила нам скромный обед, к которому мистер Дженкинсон просил дозволения присовокупить свой, затем чтобы, как он любезно выразился, усладиться моей беседой. С моими близкими он еще не был знаком, так как ко мне в камеру они прошли, минуя общее помещение, тем узким темным коридором, о котором я уже говорил. Дженкинсон был, видимо, поражен красотой моей младшей дочери, которой грустная задумчивость придавала теперь особое очарование, да и малютки мои привели ее в восхищение.

- Ах, доктор! - воскликнул он. - Детки ваши так хороши, так чисты сердцем - разве здесь им место?

- Да что, мистер Дженкинсон, - отвечал я, - они благодаря богу воспитаны в твердых правилах, и коль скоро они добродетельны сами, им ничто не опасно.

- Я думаю, сударь, - продолжал мой товарищ по несчастью, - что для вас большое, должно быть, утешение иметь подле себя милое ваше семейство?

- Утешение, мистер Дженкинсон? - отвечал я. - Еще какое, и я бы ни за что не согласился оказаться без них, ибо с ними и темница для меня дворец. И есть лишь один способ уязвить меня на этом свете - это причинить им зло.

- В таком случае, сударь, - вскричал он, - боюсь, что я перед вами до некоторой степени виноват! Ибо кое-кому из присутствующих, - он взглянул в сторону Мозеса, - я, кажется, причинил зло, и теперь смиренно прошу у него прощения.

Сын мой мгновенно припомнил его голос и черты, несмотря на весь его тогдашний

маскарад, и с улыбкой протянул ему руку в знак прощения.

- И все-таки, - сказал он при этом, - хотелось бы мне знать, что такое прочли вы в моем лице, что решились провести меня?

- Эх, сударь! - отвечал тот. - Не лицо ваше, а белые чулки да черная лента в волосах ввели меня в искушение. Впрочем, не в обиду вам будь сказано, мне доводилось обманывать людей и более мудрых, чем вы; и все же, несмотря на всю мою ловкость, болваны меня в конце концов одолели.

- Я полагаю, - вскричал мой сын, - что история такой жизни, как ваша, столь же занятна, сколь поучительна!

- Ни то, ни другое, мой друг, - отвечал мистер Дженкинсон. - Повести, в которых рассказывается об одном лишь коварстве да о пороке человеческом, развивая в нас подозрительность, лишь замедляют наше продвижение вперед. Путник, что смотрит с недоверием на всякого, кто повстречается ему на пути, и поворачивает вспять, если встречный покажется ему похожим на разбойника, вряд ли вовремя достигнет места, куда он стремится. И по правде сказать, продолжал он, - я по собственному опыту знаю, что нет на свете глупее человека, чем наш брат, умник. С детства меня считали очень хитрым, - мне еще и семи не было, когда дамы провозгласили меня настоящим маленьким мужчиной, в четырнадцать я узнал в совершенстве свет, научился ухарски заламывать шляпу и ухаживать за дамами; в двадцать, хоть я был еще совершенно честен, производил на всех впечатление плута, так что никто мне не доверял. И вот наконец мне пришлось и в самом деле сделаться мошенником, чтобы как-то жить, и с тех пор в голове моей не переставали роиться плутни, а сердце замирать от страха, что меня вот-вот разоблачат. Сколько раз доводилось мне дурачить простодушного вашего соседа, честного мистера Флембро - ведь так или иначе я его обманывал раз в год! И что же? Честный человек продолжал идти своим путем, не потеряв доверия к людям, и богател, в то время как я, несмотря на все свои плутни и уловки, прозябал в нужде, не имея притом утешения, которое выпадает тем, у кого совесть чиста. Однако расскажите мне, каким образом попали сюда вы? Как знать, может, я, не будучи в состоянии вырваться из тюрьмы сам, могу тем не менее вызволить своих друзей?

Уступив его любопытству, я поведал ему всю цепь случайностей и безрассудств, которые ввергли меня в нынешнюю мою беду, и прибавил, что не имею ни малейшей надежды выбраться отсюда.

Выслушав мою повесть, он несколько минут помолчал, затем хлопнул себя по лбу, словно сделал важное открытие, и стал откланиваться, говоря, что попытается изыскать способ к нашему спасению.

ГЛАВА XXVII

О том же предмете, что и предыдущая глава

На следующее утро я поделился с женой и детьми своим планом исправления нравов заключенных, который они, впрочем, встретили весьма неодобрительно; они находили его не только неосуществимым, но и неприличным, говоря, что несмотря на все мои усилия, преступников мне не исправить, а вот сан свой я могу запятнать.

- Прошу прощения, - возражал я, - каждый из этих людей, как бы низко он ни пал, - человек, и потому достоин моей любви. Добрый совет, будучи отвергнут, возвращается к советчику и обогащает его душу; пусть мои наставления и не помогут им исправиться, зато мне самому они принесут несомненную пользу. Поверьте, дети мои, если бы эти несчастные были принцами крови, толпы бросились бы угождать им, а на мой взгляд, душа, томящаяся в тюремных стенах, ничуть не менее драгоценна, нежели та, что обитает во дворце. Так, дорогие мои, я постараюсь помочь им, и быть может, не все они станут меня презирать; кто знает? - быть может, мне удастся хоть одну душу вытащить из бездны, и это будет великой радостью, ибо есть ли на земле что-либо драгоценнее души человеческой?

С этими словами я покинул их и проследовал в общую залу, обитатели которой веселились, поджидая меня, причем у каждого была заготовлена какая-нибудь тюремная шутка, которую он жаждал поскорее испытать на ученом пасторе. Так, едва собрался я

говорить, один из них, как бы невзначай, сбил мой парик на сторону и тотчас извинился. Другой, стоявший несколько поодаль, упражнялся в искусстве плевать сквозь зубы, так что брызги фонтаном падали на мою книгу. Третий произносил "аминь" тоном столь прочувствованным, что все так и покатывались со смеху. Четвертый украдкой вытащил у меня из кармана очки. Но одна выдумка вызвала особенно большое веселье, ибо, заметив, в каком порядке разложил я перед собой свои книги, некий весельчак ловко подменил одну из них, и на ее месте очутился сборник непристойных шуток.

Впрочем, и не обращал никакого внимания на проказы вздорных этих людишек и продолжал свое дело, ибо знал наверное, что все, что есть смешного в моей попытке, будет казаться таковым только первое время, серьезное же останется навеки. План мой удался, и не прошло и шести дней, как многих охватило раскаяние, слушали же меня со вниманием все.

Я мог поздравить себя с успехом: благодаря упорству и умению обращаться с людьми мне удалось пробудить совесть у людей, лишенных, казалось бы, каких бы то ни было признаков нравственного чувства; и вот я стал подумывать о том, чтобы облегчить им также и материальную их участь и сделать их жизнь в тюрьме более сносной. До сей поры переходили они из одной крайности в другую: от голода - к излишествам, от бешеного буйства - к горьким сетованиям. Единственным занятием их было ссориться друг с другом, играть в карты и вырезать чурки для того, чтобы приминать табак в трубке. Ненужное это ремесло, однако, подало мне благую мысль: посадить тех, кто захочет, вырезать болванки для табачных и сапожных лавок, купив по подписке необходимое для этого дерево; готовый товар сбывался по моему указанию, и таким образом каждый мог заработать кое-что - пустяки, конечно, но этого хватало на пропитание.

Я не остановился, однако, на этом и учредил систему штрафов за безнравственные поступки и наград за особое прилежание. Так, меньше чем в двухнедельный срок я преобразовал эту толпу в какое-то подобие человеческого общества и испытывал гордость законодателя, которому удалось вывести людей из состояния первобытной дикости, внушив им уважение к власти и пробудив в них чувство товарищества.

Вообще говоря, хотелось бы, чтобы законодательная власть видоизменяла законы свои в сторону исправления нравов, а не большей суровости, и чтобы она поняла наконец, что число преступлений сократится не тогда, когда наказание делается привычным, а тогда лишь, когда оно будет действительно устрашать. Тогда изменится характер нашей нынешней тюрьмы, которая не только принимает готовых преступников в свое лоно, но и делает людей невинных преступниками, и человека, нарушившего закон впервые, выпускает, - если только она выпустит его живым, - готовым на тысячу преступлений. Она стала бы, наподобие других европейских тюрем, местом, где арестованный наедине с собой мог бы поразмыслить над своими поступками и где его навещали бы люди, способные я виненном пробудить совесть, а невинному помещать сбиться с пути. Только так, а вовсе не путем увеличения наказаний, можно исправить нравы в стране; кстати сказать, я сильно сомневаюсь в целесообразности смертной казни применительно к мелким правонарушениям. В случаях убийства необходимость подобной меры очевидна, ибо все мы, разумеется, должны в интересах самозащиты избавить себя от человека, проявившего полное пренебрежение к жизни другого. Сама природа возмущается такими преступлениями.

Иначе, однако, обстоит дело там, где идет речь о посягательстве на мою собственность. У меня нет оснований лишить вора жизни, ибо по естественному праву, лошадь, которую он у меня украл, принадлежит в равной степени нам обоим. И если я считаю себя вправе лишить его за это жизни, надо предположить предварительную договоренность между нами, по которой тот из нас, кто лишит другого его лошади, должен умереть. Но такая договоренность исключается, ибо жизнь не может быть предметом торга точно так же, как никто не имеет права лишить себя жизни, ибо она принадлежит не ему. И даже при существующем законодательстве ни один суд не посчитался бы с подобным договором, ибо совершенно ясно, что проступок, при котором пострадавший терпит лишь небольшое неудобство, ничтожен по сравнению с наказанием, поскольку гораздо важнее сохранить

жизнь двум людям, нежели чтобы один из них мог ездить верхом! Если договор между двумя людьми признан несправедливым, то он останется несправедливым, пусть ею заключат между собою сотни или даже сотни тысяч; ведь круг, сколько его ни черти, хоть десять миллионов раз, все равно никогда не сделается квадратом, точно так же и ложь, повторенная мириадами голосов, не станет от того истиной. Так говорит рассудок, и так говорит природное наше чувство. Дикари, которые знают одно лишь право, право природы, очень бережно относятся к человеческой жизни и только в ответ на пролитую кровь лишают обидчика жизни.

Саксонские наши предки, сколь ни были свирепы они во время войн, в мирное время прибегали к казням весьма редко; и во всех юных нациях, еще хранящих на себе печать природы, почти нет таких преступлений, которые считались бы заслуживающими смертной казни.

А вот в обществе цивилизованном уголовное законодательство находится в руках богатых и беспощадно к бедным.

Может быть, государство с годами приобретает старческую суровость, а собственность наша, увеличиваясь в объеме, становится для нас все драгоценнее, в то время как богатства, умножаясь, множат наши страхи, и поэтому все, чем мы владеем, с каждым днем ограждается новыми законами, а вокруг воздвигаются все новые виселицы во устрашение тем, кто посягнул бы проникнуть внутрь этих границ.

Не знаю, что тому причину: обилие ли карательных законов, или в самом деле распущенность нравов наших, а только ежегодное количество преступников у нас более чем вдвое превышает число их во всех европейских державах, вместе взятых. Возможно, что и оба эти обстоятельства, ибо они взаимно порождают одно другое. Когда народ видит, что различные по тяжести своей преступления, благодаря уголовному закону влекут за собой без разбора одни и те же наказания, он перестает ощущать разницу и между самими проступками, а нравственность общества зиждется именно на этом различии; таким образом, чрезмерно большое количество законов порождает новые пороки, новые же пороки требуют новых карательных мер.

А хотелось бы, чтобы власть, вместо того, чтобы придумывать новые законы для наказания порока, вместо того, чтобы стягивать путы, предназначенные сдерживать общество так туго, что в один прекрасный день оно судорожным движением может их порвать, вместо того чтобы отсекал от себя несчастных как нечто ненужное, даже не испытывал, на что они могут быть годны, вместо того, чтобы дело исправления превращать в возмездие, - хотелось бы, чтобы мы нашли способ предупреждать зло, чтобы закон сделался защитником народа, а не его тираном. Тогда бы мы увидели, что те самые души, которые мы считали никчемными, всего лишь нуждаются в руке умелого мастера; тогда бы мы увидели, что сии несчастные, обреченные на длительные муки, - затем только, чтобы роскошь не испытала и минутного неудобства, - если только правильно к ним подойти, в минуту опасности могли бы стать государству опорой; что сердце у этих людей столь же мало отличается от нашего, сколь мало отличаются от наших лиц их лица; мы увидели бы, что на свете редко сыщется душа, которая бы погрязла в пороке настолько, что ее нельзя исправить; что преступление, совершенное преступником, может оказаться его последним даже и в том случае, если он сам останется жить, а не погибнет на виселице и, наконец, что для безопасности общества совсем не нужно такого обилия пролитой крови.

ГЛАВА XXVIII

В этой жизни счастье зависит не столько от добродетели, сколько от умения жить, земные блага и земные горести слишком ничтожны в глазах провидения, и оно не считает нужным заботиться о справедливой распределении их среди смертных

Более двух недель прошло со времени моего заключения в тюрьму, а дорогая моя Оливия так ни разу у меня и не побывала; я сильно по ней стосковался. Я сказал об этом жене, и на следующее же утро бедняжка, опираясь на руку сестры, появилась в моей камере.

Я был поражен, увидев, как изменилось ее лицо. Смерть, словно нарочно, чтобы напугать меня, вылепила заново все ее черты, некогда столь прелестные. Виски ее ввалились, кожа на лбу натянулась, и роковая бледность покрывала щеки.

- Как я рад тебя видеть, моя дорогая! - воскликнул я. - Но к чему такое уныние, Ливви? Я знаю, любовь моя, ты не позволишь невзгодам подточить жизнь, которой я дорожу, как своею собственной. Ты слишком меня любишь, не правда ли? Приободрись, дитя мое, настанут и для нас когда-нибудь счастливые дни!

- Вы всегда, батюшка, - отвечала она, - были добры ко мне, и мысль, что мне не суждено разделить с вами счастье, которое вы сулите впереди, лишь усугубляет мою тоску. Увы, батюшка, мне уже не видеть счастья здесь, и я мечтаю покинуть мир, где я видела одно лишь горе! Право, сударь, я бы желала, чтобы вы перестали противиться мистеру Торнхиллу: может быть, он сжалился бы над вами, я же умерла бы спокойнее.

- Никогда! - отвечал я. - Никогда не соглашусь признать свою дочь потаскухой! И пусть мир взирает на твой проступок с презрением, я желаю видеть в нем одну доверчивость, а не грех. Друг мой, я ничуть не страдаю, находясь здесь, в этом месте, каким бы мрачным оно тебе ни казалось; и знай, что, покуда я буду иметь счастье видеть тебя в живых, он не получит моего согласия на то, чтобы, женившись на другой, сделать тебя еще более несчастною.

Когда дочь моя ушла, мистер Дженкинсон, присутствовавший при свидании, вполне справедливо принялся корить меня за упрямство, за то, что я не хочу смириться и отказываюсь ценой покорности купить свободу. Он говорил, что было бы несправедливо ради спокойствия одной дочери, к тому же той, что является виновницей моего несчастья, жертвовать остальными членами семьи.

- И потом, - прибавил он, - вправе ли вы становиться между мужем и женой? Все равно ведь помешать этому браку вы не в силах, а можете лишь сделать его несчастливим.

- Сударь, - отвечал я, - вы не знаете человека, который нас преследует. Я же отлично знаю, что, даже покорившись ему, я не получу свободы ни на час. Мне рассказали, что не далее как год назад в этой самой камере один из его должников умер с голоду. Но даже если бы мое согласие я одобрение могло перенести меня отсюда в самый великолепный из его покоев, я бы все равно не дал ни того, ни другого, ибо внутренний голос шепчет мне, что я тем самым попустительствовал бы прелюбодеянию. Покуда дочь моя жива, я не согласен считать какой-либо другой его брак законным. Разумеется, если бы ее с нами более не было, с моей стороны было бы низостью пытаться из личной обиды разлучить тех, кто желает соединиться. Нет, я бы даже хотел, чтобы этот негодий женился, затем, чтобы положить конец дальнейшему его разврату. Но разве не был бы я жесточайшим из родителей, если бы сам способствовал верной гибели моего дитяти, - и все это для того лишь, чтобы самому вырваться из тюрьмы? Желая избежать кратковременных невзгод, неужели захочу я разбить сердце моей дочери, обрекая ее на бесчисленные терзания?

Он согласился со мной, но прибавил, что дочь моя, как ему кажется, так плоха, что моему заточению должен скоро прийти конец.

- Впрочем, - продолжал он, - хоть вы и отказываетесь покориться племяннику, может быть, вы согласитесь обратиться к дяде - он славится как самый справедливый и добрый человек во всем королевстве. Я бы советовал вам послать ему письмо и в нем описать все злодеяния его племянника, и, клянусь жизнью, через три дня вы получите ответ!

Поблагодарив его, я тотчас решил последовать его совету; но у меня не было бумаги, а мы, как на беду, с утра истратили все наши деньги на провизию; Впрочем, он меня выручил и тут.

Три дня я пребывал в тревоге, не зная, как-то будет там принято мое письмо; и все это время жена моя беспрестанно упрашивала меня сдать на любых условиях - лишь бы вырваться отсюда; к тому же мне ежечасно доносили об ухудшении здоровья моей дочери. Наступил третий день, затем четвертый, а ответа все не было: да и как можно было рассчитывать, что моя жалоба будет встречена благосклонно: ведь я был для сэра Уильяма

Торнхилла чужой, а тот, на кого я жаловался, - его любимый племянник. Так что и эта надежда вскоре исчезла вслед за прежними. Я, однако, все еще сохранял бодрость, хотя длительное заключение и спертый воздух тюрьмы начали видимым образом сказываться на моем здоровье, а ожог, полученный во время пожара, становится все болезненней. Зато подле меня сидели мои дети, по очереди читая мне вслух, или со слезами внимая наставлениям, которые я давал им, лежа на соломе.

Здоровье дочери таяло еще быстрее, чем мое, и все, что о ней рассказывали, подтверждая мои печальные предчувствия, увеличивало мою боль. На пятые сутки после того, как я отправил письмо сэру Уильяму Торнхиллу, меня напугали известием, что дочь моя лишилась речи. Вот когда и самому мне мое заключение показалось нестерпимым! Душа моя рвалась из плена, туда, к возлюбленной дочери моей, чтобы утешать ее и укреплять в ней дух, чтобы принять последнюю ее волю и указать ее душе дорогу в небесную обитель! Наконец пришли и сказали: она умирает, а я не имел даже и того малого утешения - рыдать у ее изголовья. Через некоторое время мой тюремный товарищ пришел ко мне с последним отчетом. Он призывал меня быть мужественным - она умерла! На следующее утро он нашел подле меня лишь двух моих малюток теперь это было единственное мое общество; изо всех своих силенок пытались они меня утешить. Они умоляли разрешить им читать мне вслух и уговаривали не плакать, говоря, что большие не плачут.

- И ведь теперь, батюшка, моя сестрица - ангел, не правда ли? восклицал старший. - Так что ж вы ее жалеете? Я сам хотел бы быть ангелом, чтобы улететь из этого гадкого места, только, конечно, с вами, батюшка.

- Правда, - вторил ему младший мой мальчик. - На небе, куда улетела сестрица, много лучше, чем здесь, и потом, там одни только хорошие люди, а тут все такие дурные...

Мистер Дженкинсон перебил невинный их лепет, говоря, что теперь, когда дочери моей уже нет в живых, я должен всерьез подумать об остальном своем семействе и попытаться спасти собственную жизнь, которая с каждым днем все больше подвергается опасности из-за лишений и скверного воздуха. Пора, прибавил он, пожертвовать своею гордостью и обидами ради тех, чье благополучие зависит от меня; и здравый смысл, и простая справедливость велят мне сделать попытку примириться с помещиком.

- Слава господу, - воскликнул я. - Во мне уже никакой гордости не, осталось! Я возненавидел бы душу свою, когда бы на дне ее обнаружил хоть крупицу гордости или ненависти. Напротив, поскольку гонитель мой некогда являлся моим прихожанином, я надеюсь, что когда-нибудь мне посчастливится представить пред лицо вечного судии его душу очищенной. Нет, сударь, нету во мне ненависти, и хоть он взял у меня то, что мне было дороже всех его сокровищ, и хоть он разбил мне сердце, ибо я болен, я совсем без сил, да, тюремный друг мой, я очень болен, - но никогда не вызовет он во мне жажды мщения! Я согласен одобрить его брак, и, если ему это доставит удовольствие, пусть он знает, что я прошу у него прощения за все причиненные неприятности.

Мистер Дженкинсон схватил перо и чернила и изложил мою покорную просьбу почти в тех самых выражениях, в каких я ее произнес, и я поставил свою подпись. Сыну было поручено отнести это письмо к мистеру Торнхиллу, который в это время пребывал в своем имении. Через шесть часов сын принес устный ответ. С трудом, как он нам поведал, добился он свидания с помещиком, ибо слуги отнесли к нему с наглым высокомерием и подозрительностью; случайно, однако, ему удалось подстеречь помещика в ту минуту, как он выходил из дому по делу, связанному с предстоящим своим бракосочетанием, которое должно было состояться через три дня. Затем, продолжал мой сын, он подошел и с самым смиренным видом подал письмо мистеру Торнхиллу; тот, прочитав письмо, сказал, что никому не нужна моя запоздалая покорность; что он слышал о нашем письме к его дядюшке, которое было встречено, как оно того и заслуживало, полным презрением; и, наконец, просил впредь со всеми делами адресоваться к его стряпчему, а его самого не беспокоить. Иное дело, прибавил он, если бы к нему в свое время послали для переговоров барышень, о благоразумии и скромности которых он весьма высокого мнения.

- Ну, вот, сударь, - обратился я к мистеру Дженкинсону, - теперь вы видите, каков мой гонитель: жестокость свою он еще приправляет шуткой! Но пусть его делает со мной, что хочет, я скоро буду свободен, несмотря на все цепи, какими он думает меня оковать. Близок уже чертог, и он сияет все ярче и ярче! Сознание это поддерживает меня в моих невзгодах, и, оставляя после себя беспомощных сирот, я твердо верю, что добрые люди позаботятся о них, одни - ради их бедного отца, другие - во имя отца небесного.

Не успел я выговорить эти слова, как жена моя, которую я еще в тот день не видел, появилась, всем обликом своим выражая смятение и ужас; она силилась что-то сказать и не могла.

- Что такое, душа моя? - воскликнул я. - Или ты принесла весть о новой беде, как будто старых у нас не довольно?

Пусть суровый помещик не разжалобился, несмотря на всю нашу покорность, пусть он обрек меня умирать в этой обители горя, пусть мы потеряли любимое наше дитя, но ты найдешь утешение в оставшихся детях, когда меня уже не будет с вами.

- Так, - отвечала она, - поистине потеряли мы любимое наше дитя! Софья, сокровище мое, ее нет... Ее похитили у нас, ее увезли злодеи...

- Неужто, сударыня, - вскричал мой тюремный товарищ, - негодяи увезли мисс Софью? Не ошибаетесь ли вы?

Не в силах отвечать, она стояла, устремив неподвижный взор в одну точку, и вдруг разрыдалась. Но с нею вошла жена одного из арестантов, и она рассказала нам несколько обстоятельнее все дело; по ее словам, она вместе с моей женой и дочерью прохаживалась по дороге, чуть поодаль от деревни, как с ними поравнялась почтовая карета, запряженная парой, и вдруг подле них остановилась. Из нее вышел какой-то хорошо одетый человек, впрочем, не мистер Торнхилл, обхватил мою дочь за талию и, втащив ее в карету, велел фореитору гнать со всей силой; через минуту они уже скрылись из глаз.

- Вот! - воскликнул я. - Вот когда исполнилась чаша моих страданий; и уж теперь-то ничто на свете не в силах причинить мне новую боль. Итак, ни одной! Не оставить мне ни одной! Чудовище!.. Дитя моей души! Ангел красоты и почти ангельская душа! Но поддержите мою жену - она сейчас упадет! Не оставить мне ни одной!

- Увы, дорогой супруг, - сказала она. - Ты больше меня нуждаешься в утешении. Велико наше горе, но я бы вынесла и это и большее, лишь бы могла видеть тебя спокойным. Пусть отнимают у меня всех моих детей, весь мир, лишь бы тебя мне оставили!

Мой сын, бывший тут же, пытался укротить ее горе; он умолял нас успокоиться, говоря, будто впереди нас еще ожидает счастье.

- Друг мой! - воскликнул я. - Оглянись кругом и скажи, видишь ли ты возможность счастья для меня? Где же проникнуть тут лучу утешения? Разве все лучшие упования наши не по ту сторону могилы?

- Дорогой мой отец, - отвечал он, - я все же надеюсь доставить вам некоторую радость, ибо я получил письмо от братца Джорджа.

- Что он? - перебил я. - Знает ли о наших злоключениях? Надеюсь, что сына моего не коснулась и малая толика невзгод, постигших его несчастную семью?

- Ничуть, батюшка, - отвечал тот, - он доволен, полон бодрости и веселья. В его письме одни лишь добрые вести: он любимец полковника, и тот обещает при первой же вакансии произвести его в лейтенанты.

- Но точно ли, так ли все, как ты говоришь? - воскликнула жена. Правда ли, что ни одна беда не обрушилась на моего мальчика?

- Правда, правда, матушка, - отвечал Мозес. - Вот вы сейчас сами прочитаете письмо и порадуетесь, если только вы способны еще чему-либо радоваться.

- Но точно ли это его рука, - не унималась жена, - и правда ли, что он так доволен всем?

- Да, сударыня, - отвечал он, - это его рука, и со временем он делается опорой и гордостью семьи.

- В таком случае, - воскликнула она, - хвала провидению, он не получил моего

последнего письма! Да, мой друг, - обратилась она ко мне, - признаюсь теперь, что, хотя небесная десница во всех других случаях не щадила нас, на этот раз она оказалась милостива. Ибо в последнем своем письме к сыну, которое я писала в минуту гнева, я заклинала его, если у него в груди бьется сердце мужчины, встать на защиту его отца и сестры и благословляла отомстить за всех нас. Но, слава всевышнему, письмо до него не дошло, и я спокойна.

- Женщина! - вскричали. - Ты поступила весьма дурно, и в другое время я попрекнул бы тебя с большей суровостью. О, какой страшной бездны избежала ты, бездны, что поглотила бы и тебя и его на вечную нашу погибель! Да, верно, что провидение на этот раз оказалось милостивее к нам, чем мы сами. Оно сохранило нам сына, дабы он сделался отцом и защитником моих детей, когда меня не станет. Как несправедлив я был, полагая, будто не осталось никакого утешения, в то время как сын мой весел и не ведает о беде, нас постигшей. Его сохранили, чтобы он мог служить опорой для своей матери-вдовицы, братьев своих и сестер! Но зачем я говорю о сестрах? У него уже нет сестер: нет ни одной, их похитили у меня, и я несчастнейший человек на свете!

- Отец, - перебил меня сын, - позвольте же мне прочитать вам его письмо; я знаю, что вы останетесь им довольны. И, получив мое согласие, он прочел вслух следующее:

"Дорогой батюшка! На несколько минут отрываю свои мысли от удовольствий, меня окружающих, чтобы направить их на предметы еще более приятные - на милый наш домашний очаг. Воображение мое рисует мирный ваш кружок, и я вижу вас всех прилежно внимающими каждой строке моего послания. Сладко мне остановить взор свой на лицах, не искаженных ни честолюбием, ни горем. Но как бы хорошо вам ни было в вашем домике, я знаю, что ваше счастье станет еще более полным, когда вы узнаете, что и я доволен своим положением и чувствую себя совершенно счастливым.

Полк наш получил новый приказ и не покинет пределов отечества; полковник называет меня своим другом и водит меня всюду с собой, и, куда бы я ни являлся, я чувствую себя желанным гостем, и всюду ко мне относятся со все возрастающим уважением. Вчера я танцевал с леди Г., и, если бы мог позабыть, вы сами знаете кого, я, возможно, добился бы успеха. Однако мне суждено помнить друзей, между тем как самого меня предают забвению мои друзья, в числе которых, батюшка, боюсь, вынужден буду считать и вас, ибо давно уже понапрасну жду счастья получить весточку из дому. Вот и Оливия с Софьей обещались писать, да, видно, меня позабыли. Скажите им, что они дрянные девчонки и что я страшно на них сердит; а впрочем, сам не знаю, как это получается, хоть и хочется мне пожуричь всех вас, а душа моя преисполнена одной любовью. Так и быть, батюшка, скажите им, что я нежно их люблю, и знайте, что я, как всегда, остаюсь вашим почтительным сыном".

- Несмотря на все несчастья, - воскликнул я, - мы должны быть благодарны; все же один из нас избавлен от страданий, выпавших на долю нашей семьи! Да хранит его небо, и пусть мой мальчик будет и впредь счастлив, и да найдет в нем вдовица опору, а двое этих сироток - отца! Это все, что я могу оставить ему в наследство! Да оградит он их невинность от всех соблазнов, порождаемых нуждой, и да направит их по пути чести!

Не успел я произнести эти слова, как снизу, из общего помещения, раздался какой-то гул; вскоре он затих, и я услышал бряцанье цепей в коридоре, ведущем в мою камеру. Вошел тюремный надзиратель, поддерживая какого-то человека, перепачканного в крови, израненного и закованного в тяжелые цепи. С состраданием поглядел я на несчастного, который приближался ко мне, но каков же был мой ужас, когда я узнал в нем моего собственного сына!

- Джордж! Мой Джордж! Тебя ли вижу?! Ты ранен! И в кандалах! Таково-то твое счастье? Так-то ты возвращаешься ко мне? О, почему сердце мое не разорвется сразу при виде такого зрелища? О, почему нейдет ко мне смерть?

- Где же ваша твердость, батюшка? - произнес мой сын недрогнувшим голосом. - Я заслужил наказание. Моя жизнь более не принадлежит мне: пусть они ее берут.

Несколько минут провел я молча, в борьбе с собой, и думал, что это усилие будет стоить мне жизни.

- О, мой мальчик, глядя на тебя, сердце мое разрывается! В ту самую минуту, что я полагал тебя счастливым и молился, чтобы и впредь тебя хранила судьба, вдруг так встретить тебя: раненого и в кандалах! Но блажен, кто умирает юным! Зачем только я, старик, глубокий старик, должен был дожить до такого дня! Дети мои один за другим валятся, как преждевременно скошенные колосья, а я, о горе мне, уцелел среди этого разрушения! Самые страшные проклятия да падут на голову убийцы моих детей! Пусть доживет он, подобно мне, до того дня...

- Погодите, сударь! - закричал мой сын. - Не заставляйте меня краснеть за вас! Как, сударь! Забывши свой преклонный возраст и священный сан, вы дерзаете призывать небесное правосудие и посылаете проклятия, которые тут же падут на вашу седую голову и погубят вас навеки! Нет, батюшка, одна должна быть у вас сейчас забота - подготовить меня к позорной смерти, которой вскоре меня предадут, вооружить меня надеждой и решимостью, дать мне силы испытать всю горечь, что для меня уготована.

- О, ты не должен умереть, сын мой! Не мог ты заслужить такое страшное наказание. Мой Джордж не мог совершить преступления, за которое его предки отвернулись бы от него.

- Увы, батюшка, - отвечал мой сын, - боюсь, что за мое преступление нельзя ожидать пощады. Получив письмо от матушки, я тотчас примчался сюда, решив наказать того, кто надругался над нашей честью, и послал ему вызов, но он не явился на место поединка, а выслал четырех своих слуг, чтобы они схватили меня. Первого, который напал на меня, я ранил, и боюсь, что смертельно; его товарищи схватили меня и связали. Теперь этот трус намерен возбудить против меня дело; доказательства неоспоримы: ведь послал вызов я, следовательно, перед законом я - обидчик и как таковой не могу рассчитывать на снисхождение. Но послушайте, батюшка, я привык восхищаться вашей твердостью! Явите же ее теперь, дабы я мог почерпнуть в ней силы.

- Так, мой сын, ты ее увидишь. Да, я воспарил над этим миром и радостями его. С этой минуты я отрываю от сердца все, что привязывало его к земле, и начну готовить и тебя и себя к вечной жизни. Так, сын мой, я укажу тебе путь, и моя душа будет руководить твоей, ибо скоро оба мы покинем этот мир. Так, я вижу, что здесь тебе не будет прощенья, и лишь взываю к тебе, чтобы ты искал его у того великого судии, перед коим вскоре предстанем мы оба. Подумаем, однако, и о других пусть все наши товарищи по тюрьме воспользуются моим напутствием. Добрый тюремщик, позволь им прими сюда и постоять здесь, я хочу с ними говорить!

Тут сделал я попытку встать с соломенной своей постели, но, не имея для того сил, мог лишь сесть, опираясь спиной о стену. Обитатели тюрьмы собрались вокруг меня, как я просил, ибо они научились ценить мои наставления; сын мой и жена встали по обеим сторонам и поддерживали меня; я окинул взглядом собравшихся и, убедившись, что пришли все, обратился к ним с проповедью.

ГЛАВА XXIX

Провидение равно справедливо к счастливым и к несчастным. Из самой природы человеческих страданий и радостей следует, что страждущие в земной юдоли будут вознаграждены в меру страданий своих на небесах

- Друзья мои, дети мои, товарищи мои по страданию! Размышляя над тем, как распределяется добро и зло между жителями дольного мира, я убеждаюсь, что многое человеку дается для услаждения его, но еще более на муку. Если мы обыщем весь свет, мы и тогда не найдем человека, который был бы так счастлив, что ни о чем бы уже не мечтал; вместе с тем каждодневно слышим мы о тысячах самоубийц, которые поступком своим говорят нам, что все их надежды рухнули. Итак, в этой жизни, оказывается, полного блаженства не бывает и совершенным может быть одно лишь горе.

Почему человеку дано испытывать столько муки? Почему всеобщее блаженство в основе своей полагает человеческое страдание? Почему, если во всякой другой системе

совершенствование происходит благодаря тому, что совершенствуются подчиненные части, почему же в совершеннейшей из всех систем столь несовершенны части, ее составляющие? На все эти вопросы ответа нет и быть не может, а если бы даже и был, то оказался бы бесполезным для нас. Провидение почитает за лучшее сокрыть конечную свою цель от любопытных взоров, нам же указывает путь к утешению.

Человек призывает на помощь философию; видя же, сколь бессильна она принести ему утешение, небо дарует человеку веру. Как ни занятна и как ни утешительна философия, она подчас вводит нас в заблуждение. Она учит нас, с одной стороны, что жизнь полна радости и что надо лишь знать, как ею наслаждаться, с другой - что жизнь коротка и что, следовательно, не надобно огорчаться невзгодами, подстерегающими каждый шаг наш! Таким образом утешения эти взаимно исключают друг друга: ибо, если жизнь радость, то недолговечность ее должна бы повергнуть нас в уныние, а если нам в удел достается долголетие, то, следовательно, и горести наши будут длиться долго. Итак, философия слаба; зато религия предлагает нам утешения более высокого свойства. Человек живет, учит она, для того, чтобы совершенствовать свою душу и подготовить ее надлежащим образом для другой обители. Праведнику, когда он расстаётся со своим телом и весь превращается в радостно торжествующий дух, открывается, что за время своей земной жизни он уготовил себе место в раю; несчастный же грешник, искалеченный и оскверненный собственными пороками, с ужасом покидает свою телесную оболочку и убеждается в том, что навлек на себя мщение небес. Стало быть, к религии во всех случаях жизни надлежит нам обращаться за истинным утешением, ибо, если мы счастливы, приятно думать, что мы можем продлить свое блаженство навеки, если несчастны - как радостно думать, что нас ожидает отдохновение от мук! Итак, счастливым вера дает надежду на вечное блаженство, несчастным - на прекращение страданий.

Но хоть религия оказывает милосердие всем людям без разбора, особую награду дарует она тому, кто несчастен; недужному, нагому, бездомному, тому, кто несет непосильное бремя, и тому, кто томится в темнице, священная наша вера обещает наибольшие блага. Тот, кто принес в мир свет веры, всюду заявляет себя другом обездоленного, и дружба его, в отличие от лицемерной дружбы людской, улаживает страждущего. Иные безрассудно ропщут на такое предпочтение, говоря, что оно ничем не заслужено. Но они не подумали о том, что даже небо не в силах сделать бесконечное блаженство таким же великим даром в глазах людей и без того счастливых, каким оно представляется тем, кто обижен судьбою. Ведь благо, которое, приобщившись к вечной жизни, вкушают первые, есть всего лишь прибавление к тем благам, которыми они привыкли владеть, меж тем как для последних оно вдвойне желанно, ибо уменьшает боль, которую они испытывают здесь, и награждает их небесной благодатью в загробной жизни.

Провидение добрее к бедняку, нежели к богачу, еще и в другом: загробная жизнь для него так заманчива, что расставание с жизнью земною для него менее тягостно. Кто несчастен, тот изведает все ужасы бытия. Человек многострадальный спокойно ожидает смерти на своем последнем ложе: у него нет соковищ, которые ему было бы жаль оставить; он испытывает лишь неизбежную боль окончательного расставания с жизнью, и она мало чем отличается от привычных его мук. Ибо у боли есть предел, и, когда предел этот достигнут, милосердная природа набрасывает пелену бесчувствия на всякую свежую брешь, пробитую смертью в еще живом теле.

Итак, провидение дарует несчастным два преимущества над теми, кто счастлив в земной жизни, - легкую смерть, а на небе еще особую радость, ибо чем больше исстрадалась душа человеческая, тем для нее ощутимее блаженство. А это, друзья мои, преимущество немалое, и о нем-то и толкуется в притче о нищем; в Священном писании говорится, что, хотя он был уже на небе и вкушал райское блаженство, наслаждение его было тем полнее, что некогда на земле он страдал и ныне утешается, что, познав горе, он тем лучше может оценить блаженство.

Итак, друзья мои, вы видите, что религия дает нам то, чего по может дать философия:

она показывает, что небо и счастливым и несчастным воздает по справедливости, поровну распределяет радости среди людей. Богатым и бедным равно сулит она блаженство в загробной жизни, и тем и другим подает надежду, но если богатым дано преимущество наслаждаться счастьем на земле, то бедным дарована бесконечная радость сравнивать былые страдания с вечным блаженством; и если преимущество это даже и покажется малым, то все же, будучи вечным, самой длительностью действия своего оно может равняться с временным, пусть и более явственно ощущаемым счастьем великих мира сего.

Таковы утешения, которые даруются несчастным и которые возвышают их над остальным человечеством; во всем же прочем они унижены перед своими братьями. Кто хочет познать страдания бедных, должен сам испытать их жизнь на себе и многое претерпеть. Разглагольствовать же о земных преимуществах бедных - это повторять заведомую и никому не нужную ложь. Те, у кого есть самое необходимое, не могут почитаться бедными, а кто лишен самого необходимого - бесспорно несчастен. Да, да, друзья мои, конечно, мы с вами несчастные люди! Никакие потуги самого утонченного воображения не могут заглушить муки голода, придать ароматную свежесть тяжкому воздуху сырой темницы, смягчить страдания разбитого сердца. Пусть философ, покоясь на своем мягком ложе, уверяет нас, что мы можем противостоять всему этому. Увы! Усилие, с которым мы пытаемся превозмочь наши страдания, и есть величайшее страдание из всех. Смерть - пустяки, и всякий в состоянии перенести ее, но муки, муки ужасны, их не может выдержать никто.

Итак, друзья мои, для нас с вами надежда на небесное блаженство особенно драгоценна, ибо если бы мы рассчитывали на одни земные радости, то были бы воистину несчастными. Я кидая взгляд на эти мрачные стены, выстроенные не только для того, чтобы держать нас в неволе, но и для того, чтобы вселять ужас в наши сердца, на этот свет, служащий для того лишь, чтобы показать нам всю мерзость темницы, в которой мы томимся, на кандалы, которые одни из нас носят вследствие деспотического произвола, другие - как наказание за содеянное преступление; я оглядываю все эти изможденные лица, я слышу кругом себя стенания - о друзья мои, какое же счастье очутиться на небе после всего этого! Лететь сквозь сферы, чистые и прозрачные... нежиться в лучах вечного блаженства... петь бесконечные хвалебные гимны... не знать над собой начальника, который грозил бы нам и насмеялся над нами, и взирать лишь на воплощенное добро - когда подумаю обо всем этом, смерть начинает казаться мне гонцом, несущим благу весть, и, как на самый надежный посох, готов опереться я на самую острую стрелу в ее колчане! Есть ли что-нибудь в жизни, ради чего стоило бы жить? Монархи в дворцах своих и те должны бы страстно желать поскорее приблизиться к этим благам; как же нам, со смиренной нашей долей, не тосковать по ним всеми силами своей души?

И все это в самом деле будет наше? Будет, будет, стоит лишь нам захотеть! И какое же счастье, что мы лишены многих соблазнов, которые замедлили бы наше продвижение к желанной цели! Только восхотите - и все ваше! И к тому же очень скоро, ибо, если оглянуться на прожитую жизнь, она покажется нам чрезвычайно короткой, а остаток ее еще меньше, нежели мы можем вообразить; по мере того как мы старимся, дни наши словно укорачиваются, и чем глубже знакомство наше со временем, тем стремительней представляется нам его течение! Утешимся же, друзья, ибо близок конец нашего странствия; скоро, скоро сложим мы с себя тяжкое бремя, которое небо на нас возложило! И хотя смерть, этот единственный друг несчастных, иной раз напрасно манит усталого путника, то являясь перед ним, то исчезая и, подобно горизонту, продолжая вечно маячить перед его взором, - все же настанет время и ждать уже недолго, когда мы отдохнем от страды нашей, когда великие мира сего, утопая в роскоши, не станут более топтать нас ногами; когда, купаясь в блаженстве, будем вспоминать о своих земных терзаниях; когда окружены будем всеми друзьями своими, или, во всяком случае, теми из них, кто достоин нашей дружбы; когда блаженство наше будет неизъяснимо и, в довершение всего, бесконечно.

ГЛАВА XXX

Наши дела идут та поправку. Будем тверды до конца, и тогда счастье улыбнется нам непременно

Когда я заключил свою проповедь и слушатели мои разошлись, тюремный надзиратель, - а он оказался на редкость добросердечным тюремщиком, объявил мне, что, к великому моему сожалению, он вынужден меня огорчить и отвести моего сына в камеру с более крепкими затворами, но что он разрешит ему навещать меня каждое утро. Поблагодарив тюремщика за милосердие, я крепко сжал руку моему мальчику, простился с ним и наказал ему не забывать о великом долге, его ожидающем.

После этого я снова лег. Младший сынишка примостился рядышком и принялся читать мне вслух, как вдруг вошел мистер Дженкинсон и сообщил, что имеются сведения о моей дочери; будто кто-то видел ее два часа назад в обществе какого-то господина в одной из близлежащих деревушек, где они остановились подкрепить себя едой и откуда они, по всей видимости, направлялись обратно в город. Только сообщил он мне эту весть, как вслед за ним прибежал тюремщик и, захлебываясь от радости, возвестил, что дочь моя нашлась! По пятам за ним вбежал Мозес, крича, что сестрица Софья уже у ворот и сейчас явится вместе с нашим старым другом, мистером Берчеллом.

Не успел он договорить, как вошла моя милая девочка и, почти обезумев от счастья, кинулась меня целовать. Жена молча плакала от радости.

- Вот, батюшка, - вскричала наша милая дочь, - сей мужественный человек и есть мой избавитель! Всем своим счастьем и благополучием обязана я его храбрости!

Тут мистер Берчелл, чья радость, казалось, даже превосходила ее собственную, прервал ее речь поцелуем.

- Ах, мистер Берчелл, - воскликнул я, - в каком жалком пристанище находите вы нас нынче! Да и сами мы сильно изменились с тех пор, как вы нас видели в последний раз! Вы всегда были нашим другом; мы давно уже поняли, сколь заблуждались относительно вас, и давно уже раскаялись в своей неблагодарности. После мерзкого моего обхождения с вами я не знаю, как смотреть вам в глаза, по все же я надеюсь, что вы простите меня, ибо я сам был обманут бездушным и подлым негодяем, который, приняв личину друга, меня погубил.

- Зачем мне прощать вас, когда я на вас и не сердился? - возразил мистер Берчелл. - Я видел, что вы заблуждаетесь, но так как был не в силах вывести вас из заблуждения, мог лишь сожалеть о том.

- Я всегда считал вас человеком благородного образа мыслей и теперь вижу, что был прав! - воскликнул я. - Но, милое дитя мое, расскажи, как тебя спасли и кто те негодяи, что пытались тебя похитить?

- Ах, батюшка, - отвечала она, - я так и не знаю, кто был тот злодей. Ведь когда мы с матушкой прогуливались по дороге, он подошел сзади, втолкнул меня в карету, и фореитор пустил лошадей галопом, так что я не успела даже позвать на помощь. Я несколько раз взывала к встречным, по никто не внял моим мольбам. Между тем злодей пускал в ход всевозможные уловки, чтобы заставить меня молчать; перемежая лесть угрозами, он божился, что не причинит мне ни малейшего вреда, если только я не буду кричать. Однако мне удалось прорвать парусиновую шторку, которой он задернул окошко, и кого же я увидела? Самого мистера Берчелла! Да, впереди кареты, на некотором расстоянии от нее шел, как всегда, широко шагая и размахивая своей огромной суковатой палкой, - помните, батюшка, как мы над нею потешались? - старинный наш приятель.

Расстояние между ним и каретой все время уменьшалось, и я окликнула его, умоляя о помощи. Мистер Берчелл не сразу услышал меня, зато когда наконец услышал, то громовым голосом приказал фореитору остановиться, но тот, не обращая внимания, принялся, напротив, погонять лошадей. Только я подумала, что теперь уж мистеру Берчеллу ни за что нас не догнать, как он поравнялся с лошадьми и одним ударом сбросил фореитора наземь. Лошади тотчас остановились, а злодей, выйдя из кареты со страшными ругательствами и угрозами, выхватил шпагу из ножен и стал требовать, чтобы мистер Берчелл убирался прочь с дороги. Мистер Берчелл разломил его шпагу пополам, обратил его в бегство и преследовал

добрую четверть мили; все же злодею удалось убежать,

К этому времени я уже сама вышла из кареты и хотела идти на помощь своему освободителю, но он вскоре возвратился ко мне, торжествуя полную победу. Форейтор, придя в себя, хотел было тоже убежать, но мистер Берчелл грозно приказал ему вновь сесть на коня и везти нас назад, в город. Видя, что сопротивление бесполезно, он неохотно повиновался; все же рана, полученная им, казалась мне довольно опасной. Всю дорогу он не переставая хныкал и в конце концов разжалобил мистера Берчелла, который по моей просьбе взял другого форейтора, а его оставил на постоялом дворе, куда мы завернули на пути пашем сюда.

- Приди же в мои объятия, дитя мое! - вскричал я. - Тысячу раз приветствую и отважного твоего избавителя! Кругом нас все дышит убожеством, но зато сердца наши исполнены радушия. Мистер Берчелл, вы спасли мою дочь, и, если вы почтете ее достаточной себе наградой, - она ваша! Если не гнушаетесь породниться со столь бедным семейством, берите ее! Сердце ее принадлежит вам, я знаю. Испросите же ее согласия, а за моим делом не станет. И позвольте мне вам сказать, сударь, что вы получите сокровище немалое; прославилась она своей красотой, это верно, но я говорю не об этом: душа ее - клад.

- Да, сударь! - воскликнул мистер Берчелл. - Неполно, знаете ли вы мои обстоятельства и то, что я не в состоянии содержать ее так, как она того заслуживает?

- Если это ваше возражение, - отвечал я, - лишь предлог для вежливого отказа, то я, конечно, не буду настаивать; сам же я не знаю никого, кто был бы достойнее ее руки; и если бы я мог за ней дать тысячи и если бы тысячи женихов домогались ее, и тогда мой выбор пал бы на моего честного, храброго Берчелла.

Молчание, которым он встретил эту мою речь, произвело на меня самое тягостное впечатление; наконец вместо ответа он спросил, нельзя ли заказать еду из ближайшей харчевни и, узнав, что можно, послал туда человека с требованием прислать лучший обед, какой только у них имеется. Кроме того, он заказал самого отличного вина, каким они располагали, да кое-каких наливок для меня, говоря с улыбкой, что раз в жизни не грех и покутить и что, несмотря на то, что он окружен тюремными стенами, никогда желание повеселиться не было в нем так сильно, как сейчас. Вскоре появился слуга из харчевни и стал накрывать на стол, который тюремщик одолжил нам на этот случай; он вдруг сделался необыкновенно услужлив. После того как бутылки были расставлены должным образом, на столе появилось два превосходных блюда.

Дочь моя еще ничего не знала о печальной участи, постигшей ее брата, и мы умолчали об этом, не желая омрачать ее радость. Напрасно, однако, пытался я казаться веселым, - скорбная мысль о сыне нет-нет да и прорывалась сквозь пелену притворства, так что в конце концов я был вынужден несколько нарушить радостное настроение и рассказать об его беде, чтобы и ему разрешили насладиться вместе с нами коротенькой передышкой, что выпала нам на долю. После того как гости мои пришли в себя от ужаса, внушенного моим рассказом, я попросил разрешения позвать также и товарища моего по заключению, мистера Дженкинсона, на что тюремщик согласился с необычайным подобострастием. Едва услышав звон цепей в коридоре, Софья бросилась навстречу брату; мистер Берчелл между тем спросил меня, не Джорджем ли зовут моего сына, и, получив от меня утвердительный ответ, ничего более не прибавил. Когда мой мальчик вошел в комнату, я заметил, что он смотрит на мистера Берчелла с почтительным изумлением.

- Входи, входи, сын мой, - воскликнул я, - как низко ни пали мы, а все же провидению угодно даровать нам небольшой отдых. Сестра твоя возвращена нам, и вот ее избавитель. Этому отважному человеку обязан я тем, что у меня еще есть дочь; пожми ему руку по-дружески, сын мой, - он заслуживает самой горячей нашей признательности.

Но мой сын словно не слышал меня и, казалось, не решался подойти ближе.

- Братец! - воскликнула его сестра. - Что же ты не поблагодаришь моего избавителя? Храбрый храброго должен любить!

Джордж все еще продолжал хранить изумленное молчание; наконец гость наш,

заметив, что его узнали, тоном, исполненным достоинства, велел сыну моему подойти поближе. В жизни не доводилось мне видеть столь величественной манеры, как та, с какой он к нему обратился!

Самое замечательное явление на свете, по словам одного философа, добродетельный человек, борющийся с гонениями судьбы, но человек, который приходит к нему на помощь, едва ли не достойней восхищения. Окинув моего сына важным взором, он строго произнес:

- Итак, безрассудный юноша, то же самое преступление... Но тут речь его перебил один из слуг тюремного надзирателя, который пришел сообщить, что некое значительное лицо, прибыв в карете со свитой, просит нашего гостя назначить время, в которое ему было бы угодно принять его.

- Пусть подождет! - воскликнул наш гость. - Сейчас мне недосуг.

И затем обратился снова к моему сыну:

- Стало быть, вы опять совершили такой же проступок, как тот, за который я вас некогда разбил и за который закон собирается учинить над вами справедливую расправу. Может быть, вы считаете, что раз вы не дорожите собственной жизнью, то имеете право посягать на чужую? Какая же после этого разница между бретером, рискующим своей никому не нужной жизнью, и убийцей, который действует так же, хоть и с большей для себя безопасностью? Шулер остается шулером и тогда, когда вместо денег ставит фишку.

- Ах, сударь! - воскликнул я. - Кто бы вы ни были, сжальтесь над несчастной жертвой заблуждения; ибо он только выполнял волю своей бедной матери, которая, не стерпев жестокой обиды, благословила его на месть. Вот, сударь, письмо, оно покажет вам всю степень ее ослепления и, может быть, смягчит его вину в ваших глазах.

Он взял письмо и пробежал его глазами.

- Это не может служить оправданием, - сказал он, - но все же до некоторой степени смягчает его вину; во всяком случае, он заслуживает снисхождения. Вижу, сударь, - продолжал он, ласково протянув руку моему сыну, - вы не ожидали встретить меня здесь; впрочем, я время от времени навещаю в тюрьмы, даже без такой веской причины, как та, что привела меня сюда сегодня. Пришел же я сюда, чтобы восстановить справедливость по отношению к одному достойному человеку, которого уважаю всей душой. Давно уже исподволь слежу я за благими делами вашего отца. В скромном жилище его встретил я уважение, в котором не было ни малейшей примеси лести, - л незатейливое веселье, царившее у его очага, наполняло мое сердце счастьем, какого не встретишь при дворе. Но, видно, племянника моего известили о моем намерении быть здесь, и он пожаловал сюда сам; было бы несправедливо как по отношению к вам, так и к нему, осудить его, не вникнув в дело; виновный не уйдет от наказания; и могу сказать, не хвастая, что никогда никто еще не мог обвинить сэра Уильяма Торнхилла в несправедливости.

Только теперь поняли мы, что добрый и потешный мистер Берчелл был не кто иной, как знаменитый сэр Уильям Торнхилл, о добродетели и эксцентричности которого все были наслышаны. "Бедный мистер Берчелл" оказался обладателем огромного состояния и чрезвычайно влиятельным человеком, чьим мнением дорожили государственные мужи, к словам которого прислушивалась целая политическая партия; принимая близко к сердцу интересы сограждан, он вместе с тем всегда оставался преданным слугой своего монарха. Бедняжка жена, вспомнив бесцеремонное свое обращение с ним, казалось, оцепенела от ужаса, в то время как Софья, всего несколько мгновений назад считавшая, что он принадлежит ей безраздельно, теперь, когда ей вдруг открылась пропасть, их разделявшая, не в силах была сдержать слезы.

- Ах, сударь, - воскликнула жена в глубоком унынии, - простите ли вы меня когда-нибудь? Непочтительный прием, какой я оказала вашей чести в последний раз, дерзкие мои шутки... Боюсь, сударь, вы их никогда не простите.

- Помилуйте, любезная моя сударыня, - отвечал он с улыбкой, - что же худого в том, что вы шутили? Ведь и я, кажется, в долгу не остался; пусть общество рассудит, чьи шутки были острее. По правде говоря, я не расположен сейчас ни на кого сердиться, кроме как на

злодея, так напугавшего мою милую девочку. Я не успел даже как следует разглядеть этого мерзавца, чтобы описать его приметы для огласки. Софья, душа моя, как вам кажется, - вы узнали бы его, если бы он вам повстречался снова?

- Право, сударь, - отвечала она, - я не могу сказать наверное, но вот сейчас мне вдруг припомнилось, что над одной его бровью был большой шрам.

- Прошу прощения, сударыня, - вмешался Дженкинсон, оказавшийся тут же, - этаким рыжий, без парика, не правда ли?

- Совершенно верно! - воскликнула Софья.

- А ваша честь, - продолжал тот, обратившись к сэру Уильяму, - не обратили внимания на необычайную длину его ног?

- Длинные они были или короткие, не знаю, - отвечал баронет, - но что прытки, то это так; ибо он бежал быстрее меня, я же до сей поры считал, что во всем королевстве мало кто может состязаться со мной в беге.

- Осмелюсь доложить, ваша честь, - вскричал Дженкинсон, - я его знаю! Кочечно же, это он! Лучший бегун в Англии. Он перегнал Пинвайра из Ньюкасла, и зовут его Тимоти Бакстер. Я прекрасно его знаю, и мне даже известно, где он сейчас обретается! Если ваша честь велит господину тюремному надзирателю отправить меня с двумя провожатыми за ним, я берусь доставить его вам самое позднее через час.

Тут же был вызван тюремный надзиратель, и сэр Уильям спросил его, знает ли он, кто с ним говорит.

- Так точно, ваша честь, - отвечал тюремщик, - я хорошо знаю сэра Уильяма Торнхилла; а всякий, кто хоть немного знаком с ним, пожелает узнать его еще лучше.

- А коли так, - сказал баронет, - я попрошу Вас отправить этого человека в сопровождении двух ваших служителей по моему поручению; как местный мировой судья я беру на себя ответственность за такое распоряжение.

- С меня довольно вашего слова, - отвечал тот, - и, если вашей чести угодно, мы пошлем его в любой конец Англии по первому вашему требованию.

Итак, с согласия тюремного надзирателя Дженкинсон был отправлен на розыски Тимоти Бакстера; меж тем мы вдоволь потешились, глядя на Билла, который, только лишь вошел в комнату, немедленно вскарабкался на колени к сэру Уильяму и, обвив его шею рукой, начал его целовать. Мать стала было корить мальчишку за такую фамильярность, но добрый баронет остановил ее и, усадив нашего маленького оборванца к себе на колени, воскликнул:

- Ах, Билл, плутовская ты рожица! Так ты помнишь еще своего старинного приятеля Берчелла? А вон и Дик - здравствуй, здравствуй, старина! И я ведь вас не позабыл, глядите!

Тут он дал каждому по большому куску печатного пряника, и бедняжки принялись уплетать за обе щеки, ибо завтрак их в тот день был весьма скуден.

Наконец мы все уселись за обед, который, по правде сказать, успел порядком уже простыть; впрочем, прежде чем сесть за стол, сэр Уильям, который в свое время увлекался медициной и достиг в этой науке изрядных успехов, написал для меня рецепт, так как опаленная рука моя все еще причиняла мне страдание; за лекарством послали немедленно к проживавшему поблизости аптекарю, сделали мне перевязку, и я тотчас почувствовал облегчение. За столом прислуживал сам тюремный надзиратель, который всячески старался выказать свое уважение к нашему гостю. Но не успели мы окончить обед, как племянник сэра Уильяма снова прислал гонца с просьбой, чтобы дядюшка выслушал его и дал ему возможность оправдаться и защитить свою честь; баронет согласился и велел просить мистера Торнхилла к нам.

ГЛАВА XXXI

Былые благодеяния вознаграждаются с лихвой

Мистер Торнхилл явился с обычной своей улыбкой и хотел было обнять дядюшку, но баронет презрительным жестом остановил его:

- Оставьте ваши льстивые манеры, сударь! - произнес он сурово. - Сердце мое открыто

только тем, кто избрал путь чести; я же покамест вижу у вас одну ложь, малодушие и самоуправство. Как могло случиться, сударь, что бедный этот человек, другом которого вы себя провозглашали, очутился в таком тяжелом положении? В благодарность за его гостеприимство дочь его подло соблазняют, а его самого бросают в тюрьму чуть ли не за то, что он не согласен безропотно терпеть нанесенное ему оскорбление! Вот и сын его, с которым вы побоялись встретиться лицом к лицу, как мужчина...

- Возможно ли, сударь, - перебил его тут племянник, - чтобы родной мой дядюшка вменял мне это в преступление, когда много раз из его же уст слышал я совет избегать поединков?

- Укор заслужен, - вскричал сэр Уильям, - и тут вы поступили хорошо и благоразумно, хоть и не совсем так, как поступил бы ваш отец в подобных обстоятельствах! Мой брат был очень щепетилен в вопросах чести, а ты... Впрочем, здесь вы совершенно правильно поступили, и я одобряю ваше поведение.

- Надеюсь, сударь, - сказал племянник, - у вас не будет оснований бранить меня и за остальные мои поступки. Это верно, сударь, что я появлялся в местах общественных увеселений с дочерью этого джентльмена, но молва потрудились раздуть до чудовищных размеров пустое легкомыслие, и стали говорить, будто я соблазнил ее. Когда же я сам отправился к ее отцу, чтобы объясниться с ним, он встретил меня бранью и осыпал оскорблениями. Что до причин, приведших его сюда, о них вам лучше могут рассказать мой управитель да поверенный - все это в их ведении. Раз он влез в долги и не хочет или пусть даже не может уплатить их, то они обязаны были обратиться к правосудию, и я не вижу ни особенной жестокости, ни несправедливости в этой законной процедуре.

- Коли дело и впрямь обстоит так, как вы говорите, - воскликнул сэр Уильям, - в ваших проступках нет ничего вопиющего, и, хотя вы могли бы обойтись великодушнее с этим джентльменом и спасти его от тирании ваших слуг, все же я не нахожу тут ничего несправедливого.

- Он не может опровергнуть ни одного моего утверждения, - отвечал помещик, - пусть-ка попробует! Я вам представлю несколько свидетелей из числа моих слуг - они подтвердят каждое мое слово. Итак, сударь, - продолжал он, ибо я и в самом деле не был в состоянии опровергнуть его слова и потому молчал, - итак, сударь, вы видите, что я ни в чем не повинен, и хотя ради вас я был бы готов простить этому господину все остальное, его попытки очернить меня в ваших глазах пробуждают во мне ярость, которую я не в силах в себе побороть - а ведь как-никак сын его посягал на мою жизнь! Нет, сударь, это такое черное дело, что я решительно настаиваю на том, чтобы его судили по всей строгости закона. Вот, извольте, вызов, что он мне послал, и два свидетеля, которые могут подтвердить достоверность моих слов; один из моих слуг тяжело ранен, и даже если бы мой дядя сам вздумал бы отговаривать меня, - чего я, разумеется, от него никак не ожидаю, - то и тогда я все равно стал бы добиваться справедливого суда и наказания виновного.

- Чудовище! - вскричала моя жена. - Мало зла ты нам причинил, что ты еще намерен бедного моего мальчика преследовать своей жестокостью? Нет, добрый сэр Уильям заступится за нас, ибо мой сын невинен, как младенец! Я знаю, что это так, ведь он в жизни никого не обидел.

- Сударыня, - отвечал этот добрый человек, - я не меньше вашего желаю ему избавления; однако, к огорчению моему, его вина оказывается бесспорной, и если племянник мой будет настаивать...

Но тут наше внимание было отвлечено появлением Дженкинсона с двумя слугами тюремщика; они втащили в комнату человека высокого роста, одетого весьма изысканно, чьи приметы полностью совпадали с описанием злодея, пытавшегося увести мою дочь.

- Вот он! - вскричал Дженкинсон, держа его за шиворот. - Поймали молодчика! Вот по ком тоскует Тайберн!

Увидев этого человека и Дженкинсона, который его держал, мистер Торнхилл так и отпрянул в ужасе. Он побледнел, как преступник, пойманный с поличным, и сделал

движение, чтобы уйти; но Дженкинсон остановил его.

- Что, хозяин, - воскликнул он, - или вы стыдитесь своих старинных приятелей, Дженкинсона и Бакстера? Ну, да вы, аристократы, так и норовите забыть старых друзей, а только мы вот не согласны вас забыть. Ваша честь, продолжал он, обращаясь к сэру Уильяму, - он признался во всем. Это и есть тот самый джентльмен, которого якобы так тяжело ранили, а он утверждает, что вся эта история - дело рук мистера Торнхилла, что этой вот господской одеждой снабдил его мистер Торнхилл и что он же дал карету. Они сговорились, чтобы Бакстер увез мисс Софью куда-нибудь в укромное местечко, там припугнул бы ее как следует, а между тем мистер Торнхилл явился бы туда как бы невзначай и принялся бы ее "спасать"; для вида он должен был скрестить шпаги с Бакстером, обратить его в бегство и таким образом предстал бы перед ней в привлекательной роли избавителя.

Тут сэр Уильям припомнил, что кафтан, в который был облачен арестованный, он, точно, не однажды видел на своем племяннике; остальные подробности подтвердил сам арестованный, обстоятельно рассказав обо всем и в заключение сообщив, что мистер Торнхилл неоднократно говорил ему о том, что влюблен в обеих сестер сразу.

- Господи! - воскликнул сэр Уильям. - Какую змею пригревал я все это время на своей груди! А ведь как он ратовал за правосудие! Ну, да он его получит сполна... Возьмите же его, господин тюремный надзиратель! Впрочем, стойте! Боюсь, что у меня нет юридических оснований, чтобы его задержать.

Тут мистер Торнхилл униженнейшим образом стал умолять дядю не слушать таких отъявленных негодяев, как эти двое, а допросить его собственных слуг.

- Ваши слуги! - воскликнул сэр Уильям. - Ничтожный человек! У вас нет более слуг; ну, да послушаем, что скажут эти люди, - позовите дворецкого!

Дворецкий вошел и, бросив взгляд на бывшего своего хозяина, сразу понял, что власть его кончена.

- Скажите, - сурово спросил сэр Уильям, - доводилось ли вам когда видеть вашего хозяина в обществе вот этого малого, что вырядился в его платье?

- Осмелюсь доложить, ваша честь, - отвечал дворецкий, - тысячу раз; ведь это ж он ему всегда поставлял женщин.

- Как?! - воскликнул мистер Торнхилл. - Ты смеешь говорить это мне в глаза?

- Смею, - отвечал дворецкий, - и вам и кому угодно. Сказать по правде, молодой человек, никогда-то у меня душа к вам: не лежала, и я не прочь наконец высказать все, что у меня накопело.

- Ну, а теперь, - воскликнул Дженкинсон, - расскажите его чести все, что вы знаете обо мне.

- Хорошего мало, - отвечал дворецкий, - в тот вечер, когда дочь этого джентльмена обманом была залучена к нам в дом, вы были с теми, кто ее привез.

- Прекрасно! - вскричал сэр Уильям. - Хорошего же выставили вы свидетеля своей невиновности! Позорнейший отпрыск рода людского! И вот с каким отребьем водишь ты компанию! Однако, - продолжал он вопрос, - вы сказали, господин дворецкий, что этот человек и привез дочь доктора Примроза к вашему хозяину?

- Ах нет, ваша честь, - отвечал дворецкий, - ее привез сам хозяин, а этот человек доставил священника, который совершил над ними мнимый обряд венчания.

- Увы, это так, - вскричал Дженкинсон, - и я не стану отпираться; таково было данное мне поручение, которое я, к стыду своему, выполнил.

- Великий боже! - воскликнул баронет. - Всякое новое доказательство его злодеяния повергает меня в трепет! Теперь я вижу, что только трусость, самодурство и жажда мести повинны в преследовании, которому он подвергал это несчастное семейство. Прошу вас, господин тюремный надзиратель, освободите этого молодого офицера, я беру его на поруки и позабочусь о том, чтобы представить все дело в правильном свете перед судьей, направившим его в тюрьму, - кстати, мы с ним приятели. Но где же бедная жертва этого негодяя? Пусть явится и она сюда и обличит его. Я желаю знать, какие уловки употребил он

на то, чтобы соблазнить ее. Попросите же ее сюда. Да где она?

- Увы, сударь, - отвечал я. - Ваш вопрос ранит меня в самое сердце. Да, некогда была у меня дочь, отрада моей жизни, однако несчастлива...

Но тут нас снова перебили, ибо в эту минуту неожиданно явилась сама мисс Арабелла Уилмот, которой предстояло венчаться с мистером Торнхиллом на следующий день. Ее изумление при виде сэра Уильяма и его племянника не поддается описанию. Ведь она оказалась здесь совершенно случайно. Она проезжала через этот городок со стариком отцом, направляясь к тетушке, которая требовала, чтобы свадьба ее с мистером Торнхиллом была сыграна у нее в доме; желая отдохнуть и подкрепиться, они остановились в трактире на другом конце города. Там-то из окошка мисс Уилмот увидела одного из моих малюток, игравшего на улице; она тотчас послала лакея, чтоб тот привел к ней мальчика, и от него узнала кое-что о наших злоключениях, но все еще оставалась в неведении относительно того, что виновником их был мистер Торнхилл. Напрасно пытался отец удержать ее от посещения тюрьмы, указывая на все неприличие этого поступка; она велела мальчику проводить ее и таким образом столь неожиданно очутилась среди нас.

Тут я должен сказать несколько слов по поводу чудесных совпадений вообще; они случаются повседневно, однако удивляемся мы им лишь в тех случаях, когда с ними бывает связано какое-нибудь необыкновенное происшествие. Каким только случайностям не обязаны мы всеми радостями и благополучием нашей жизни! Сколько кажущихся совпадений должно произойти, прежде чем мы будем одеты и накормлены! Крестьянин должен почувствовать расположение к работе, дождь - оросить почву, ветер - наполнить паруса торгового судна, а то сколько людей останется без самого необходимого!

Несколько мгновений все мы хранили молчание, в то время как милая моя ученица - так я привык про себя называть мисс Уилмот - взглядом своим выражала смешанное чувство изумления и сострадания, что придавало особую прелесть ее красоте.

- Дорогой мой мистер Торнхилл! - воскликнула она, полагая, что молодой помещик прибыл сюда вызволять нас из беды, а не губить нас. - Право, я на вас обижена за то, что вы пошли сюда без меня и даже не подумали сообщить мне о печальных обстоятельствах, в какие попало семейство, равно драгоценное нам обоим; вы ведь знаете, что я с не меньшим наслаждением, чем вы, стала бы помогать своему почтенному и престарелому учителю. Но я вижу, что вам, как и вашему дядюшке, нравится совершать свои благодеяния втайне.

- Благодеяния! - воскликнул сэр Уильям, перебивая ее. - Ну, нет, милая барышня, его наслаждения столь же низменны, сколь низок он сам. Свет не видывал такого злодея, как он! Негодяй обманул дочь этого бедного человека и затеял погубить невинность ее сестры, отца бросил в темницу, а старшего сына заточил в оковы только за то, что он имел смелость потребовать соблазнителя к ответу! Позвольте же, сударыня, поздравить вас с чудесным избавлением от этого чудовища.

- О боже! - произнесла красавица. - Как же я обманута! Ведь мистер Торнхилл заверил меня, будто старший сын этого джентльмена, капитан Примроз, отправился в Америку со своей молодой женой.

- Душенька! - вскричала тут моя супруга. - Он обманул вас кругом. Мой Джордж никогда не покидал королевства и ни на ком не женился. Хоть вы и отвергли его, но он всегда так вас любил, что и думать ни о ком другом не хотел, и я сама слышала, как он говорил, что из-за вас так и умрет холостым.

И она продолжала расписывать страсть своего сына, рассказала правду об его поединке с мистером Торнхиллом, заодно поведала о развратной жизни молодого помещика, его мнимых браках и заключила все самой неприглядной картиной его трусости.

- Великий боже! - воскликнула мисс Уилмот. - Как близка я была к гибели! Но как счастлива, что избежала ее! Десять тысяч небылиц напел мне этот господин! Под конец он хитроумнейшим образом убедил меня, будто обещание, данное единственному человеку на свете, который был дорог моему сердцу, более меня не связывает, ибо человек этот якобы сам мне изменил. Он заставил меня поверить в эту ложь и внушил мне ненависть к тому, кто

оказался столь же храбр, сколь и великодушен!

К этому времени сын мой был освобожден от оков, так как человек, якобы тяжело раненный им, оказался притворщиком. Мистер Дженкинсон, взяв на себя роль камердинера, причесал Джорджа и доставил все, что ему нужно было по части одежды. И вот он вошел молодец молодцом, в своем нарядном мундире, и я должен сказать без всякого тщеславия (ибо я выше этого чувства), что такого красавца, как он, во всей армии не сыщешь! В самых дверях он отвесил мисс Уилмот скромный и почтительный поклон, ибо еще не ведал о той счастливой перемене, какую произвело в ней красноречие его матушки. Однако никакие приличия не могли удержать нетерпение, с каким жаждала искупить свою вину перед ним его милая. Румянец, слезы, взгляд - все обнаруживало истинные ее сердечные чувства, ее раскаяние в том, что она могла позабыть свои прежние клятвы и дать себя обмануть бесчестному наглецу. Сын мой был, казалось, поражен ее добротой и не мог поверить своему счастью!

- Право же, сударыня, - вскричал он, - все это не более как сон! Не мог я этого заслужить! Такое блаженство - нет, это слишком!

- Ах, сударь, - отвечала она, - я была обманута, низко обманута, иначе ничто не могло бы заставить меня изменить своему слову. Истинные мои чувства к вам вы давно уже знаете - забудьте же о моем проступке и примите еще раз мою клятву в верности. Если Арабелла не может быть вашей, то она никогда не будет принадлежать другому.

- Вы будете принадлежать ему, - воскликнул сэр Уильям, - если только я имею какое-нибудь влияние на вашего отца!

У Мозеса нашего всегда уши на макушке, и он мигом слетал на постоянный двор, где обретался старый мистер Уилмот, и сообщил ему во всех подробностях о том, что у нас тут - произошло. Между тем молодой помещик, видя себя кругом разоблаченным и поняв, что никакая лесть и никакая ложь ему уже больше не помогут, почел за самое умное от обороны перейти в наступление.

- Я вижу, - воскликнул он, - что справедливости мне тут не найти; но я ее добьюсь во что бы то ни стало. Знайте же, сударь, - тут он обратился к сэру Уильяму, - я уже более не завишу от ваших милостей. Я их презираю. Ничто уже не в состоянии отнять у меня приданого мисс Уилмот, которое благодаря прилежанию ее отца весьма изрядно. Контракт и вексель на ее капитал подписаны и благополучно лежат у меня в кармане. Ведь этого брака я желал не ради нее самой, а лишь ради ее денег; а раз денежки я прибрал к рукам, то владей ею кто хочет!

Это был непредвиденный удар, ибо сэр Уильям, который сам участвовал в составлении брачного контракта, понимал всю юридическую законность претензий своего племянника. Мисс Уилмот, увидав, что состояние ее потеряно безвозвратно, обратилась к моему сыну с вопросом, не потеряла ли она вместе с состоянием цену в его глазах.

- Отныне, - сказала она, - у меня нет более состояния, и я могу предложить вам только свою руку и сердце.

- Но у вас только это и было, сударыня! - воскликнул ее истинный обожатель. - Во всяком случае, я ни о чем ином не думал. Клянусь же, возлюбленная моя Арабелла, счастьем клянусь, что ваша бедность лишь увеличивает мое блаженство, ибо теперь моя милая окончательно уверится в искренности моих чувств!

Подоспевший к этому времени мистер Уилмот почувствовал немалое облегчение, когда понял, какой опасности избежала его дочь, и охотно дал свое согласие на расторжение брачного договора. Однако когда он узнал, что приданое ее прочно и безвозвратно закреплено за мистером Торнхиллом, досада его была неопишима. Итак, деньгам его суждено было перейти в чужой карман, в карман человека, у которого не было своего состояния. То, что человек этот негодяй, мистер Уилмот перенес с достаточным мужеством, но что у негодяя не оказалось ни гроша за душой - это уже было сверх всяких его сил.

Несколько минут просидел он в горестной задумчивости, пока сэр Уильям не прервал ее.

- Признаться, сударь, - воскликнул он, - я отчасти даже доволен тем, что вас постигло такое разочарование. Неумеренная ваша страсть к деньгам ныне наказана по заслугам. Но хоть дочь ваша и не богата, у нее все же довольно для безбедного существования. Вот перед вами честный молодой воин, он готов взять ее без приданого; они давно любят друг друга, и ради той дружбы, что я питаю к его отцу, я позабочусь о дальнейшем его продвижении. Забудьте же ваше честолюбие, которое ничего вам не доставило, кроме досады, и не отталкивайте счастье, которое само стучится к вам в дверь.

- Сэр Уильям, - отвечал старик, - поверьте, я никогда не оказывал давления на ее чувства и не собираюсь принуждать ее теперь. Если она все еще любит этого молодого человека, я от души желаю ей счастья с ним. У нас, слава богу, еще кое-что осталось, да к тому же ваше покровительство кой-чего стоит. Но только пусть мой старый друг (так он называл меня), пусть он обещает, что, даст моей девочке шесть тысяч фунтов, если ему случится вернуть себе свое состояние, и я готов хоть сейчас соединить их руки!

Теперь выходило, что счастье молодой четы зависело от меня, и я охотно согласился на его условие, - оно и нетрудно было при скудости моих надежд!

Тут влюбленные, почти обезумев от счастья, ко всеобщей нашей радости, бросились друг к другу в объятия.

- После всех моих злоключений, - воскликнул Джордж, - такая награда! Право же, это превышает самые дерзкие мои мечты! Получить все блага - и после стольких страданий! Нет, нет, я и в мыслях так высоко никогда не возносился!

- Да, мой милый Джордж, - отвечала его прелестная невеста, - пусть этот негодяй возьмет себе мои деньги; если вам они для счастья не нужны, то мне и подавно. Ах, какая перемена: от самого подлого человека к самому благородному, самому лучшему! Пускай себе пользуется нашим состоянием, я же теперь могу быть счастлива и в нужде!

- Смею вас заверить, - перебил молодой помещик, ухмыляясь, - что и я, в свою очередь, буду очень счастлив, пользуясь теми благами, которые вы так презираете.

- Погодите, сударь! - вскричал тут Дженкинсон. - На это дельце по-всякому можно взглянуть. Что касается состояния этой достойной девицы, то вам от него не достанется и полушки. Прошу прощения, ваша честь, - обратился он к сэру Уильяму, - имеет ли ваш племянник право на приданое мисс Уилмот, если он женат на другой?

- Что за вопрос? - отвечал баронет. - Конечно, не имеет.

- Какая жалость! - отвечал Дженкинсон. - Столько лет мы с этим господином были сообщниками, что я даже питаю к нему нечто вроде дружбы, право! Но как я его ни люблю, а должен сказать, что брачный контракт этот не стоит деревяшки, которой приминают табак в трубке, ибо жених наш женат!

- Лжешь, негодяй! - крикнул помещик, не на шутку оскорбившись. Никогда ни с одной женщиной не был я обвенчан законным браком!

- С вашего позволения, сударь, - отвечал тот, - вы ошибаетесь. И я надеюсь, что вы как следует отблагодарите вашего честного Дженкинсона за то, что он дарует вам жену; если обществу угодно обождать несколько минут, оно может удовлетворить свое любопытство и увидит ее воочию.

Со свойственным ему проворством он исчез из комнаты, оставив всех нас в полном недоумении.

- Пусть его! - воскликнул помещик. - В чем в чем, а тут он мне повредить не может. Не мальчик я, холостыми выстрелами меня не запугаешь!

- По правде говоря, я в толк не возьму, - сказал баронет, - что там задумал этот малый. Верно, какая-нибудь низкопробная шутка.

- Как знать, сударь, - возразил я, - может, у него и дело на уме. Когда подумаешь, на какие только хитрости не пускался этот джентльмен, чтобы обманывать неопытных девушек, то невольно в голову придет мысль: а ну, как нашлась среди них одна похитрее и сама его провела? Ведь скольких погубил он, сколько родительских сердец разбито из-за позора, которым он запятнал их имена! Я бы нисколько не удивился, если бы кто-нибудь из них...

Но, боже! Кого я вижу? Моя дочь? Она жива? Неужто я ее держу в объятиях? Так это она, жизнь моя, мое счастье! Я ведь думал, что потерял тебя навеки, родная моя Оливия, и вот я обнимаю тебя, и ты будешь жить мне на радость!

Буйный восторг самого страстного влюбленного не мог бы сравниться с моим, когда я вновь увидел свое дитя; она же совершенно онемела от счастья.

- Душа моя, радость моя! - кричал я. - Тебя возвратили мне, дабы ты усладила мою старость!

- Возвратили, возвратили! - подхватил Дженкинсон. - И потрудитесь оказать ей всяческое уважение, ибо дитя ваше непорочно. Во всей этой комнате нет женщины честнее, чем она.

Что касается вас, господин помещик, то молодая дама - ваша законная супруга, и это сущая правда. А чтобы вы уверились, что я не лгу, я готов представить на всеобщее обозрение лицензию, по которой вас обвенчали.

С этими словами он подал бумагу баронету, который прочитал ее и нашел вполне исправной.

- Я вижу, господа, - продолжал Дженкинсон, - что вы удивлены; позвольте разъяснить вам дело в нескольких словах, и вы все поймете. Добрый наш помещик, к которому я, между нами говоря, питаю некоторую слабость, частенько давал мне всевозможные порученья, каковые я и исполнял. Так, он просил достать ему подложную лицензию на венчание и подложного священника, чтобы обмануть мисс Оливию. Однако из дружбы к нему я раздобыл настоящую лицензию и настоящего священника, который и обвенчал их по всем правилам. Вы, может, думаете, что я поступил таким образом из благородных побуждений? Ничуть не бывало! К стыду своему, признаюсь, что единственной моей целью было сохранить эту бумагу и впоследствии дать помещику знать, что она у меня имеется и что я в любую минуту могу объявить о ней во всеуслышание; таким образом, у меня была бы возможность всякий раз, как я испытывал бы нужду в деньгах, выкачивать их из него.

Вся комната, казалось, наполнилась радостью; восторг наш передался даже в общую залу, где заключенные выразили нам свое сочувствие:

Оковами бряца в восхищенье,

И дикий звон сей музыкой звучал.

Все лица сняли счастьем, и даже на щеках Оливии показался румянец радости. Вернуть себе добрую славу, друзей, состояние, и все это вдруг - да какая болезнь тут устоит? Казалось, живость и здоровье непременно должны теперь возвратиться к ней. Впрочем, не думаю, чтобы кто-нибудь радовался искреннее меня. Все еще прижимая драгоценное свое дитя к груди, я вопрошал себя: полно, не наваждение ли все это?

- Но как, - вскричал я, обращаясь к Дженкинсону, - как решились вы умножить мое горе сообщением о мнимой смерти моей дочери? Впрочем, это не важно - радость свидания с лихвой вознаграждает меня за былую боль.

- Мне не трудно, - сказал Дженкинсон, - ответить на ваш вопрос. Я считал, что есть лишь один способ добиться вашего освобождения из тюрьмы, и этот способ - изъявить покорность помещику и дать свое согласие на его брак с другой.

Вы же поклялись не давать согласия, покуда жива ваша дочь. Я уговорил вашу супругу принять участие в заговоре, и до настоящей минуты у нас не было возможности открыть наш обман.

Лишь два лица не сияли восторгом. Наглость мистера Торнхилла как рукой сняло. Бездна нужды и бесславия разверзлась перед ним, и он дрожал, не решаясь в псе окунуться. Упав на колени перед дядей, душераздирающим голосом стал он молить его о милосердии. Сэр Уильям хотел его оттолкнуть, но, сдавшись на мою просьбу, поднял его и, помолчав немного, сказал:

- Твои пороки, преступления и неблагодарность не заслуживают жалости; однако совсем тебя я не кипю; деньги, достаточные на то, чтобы удовлетворять насущные нужды, - но не прихоти! - будут тебе выплачиваться. Эта молодая дама, твоя законная жена, получит

треть состояния, которое раньше принадлежало тебе; и впредь все, что ты будешь получать сверх назначенного, будет зависеть от нее одной.

Тот собрался было в пышной речи излить свою благодарность за такое великодушие, но баронет остановил его, говоря, чтобы он не выказывал более своей подлости, ибо она и так всем теперь достаточно видна. Он велел ему уйти, избрав из числа бывших своих слуг одного по своему усмотрению и им отныне довольствоваться.

Как только он покинул нас, сэр Уильям подошел к своей новоявленной племяннице и с любезной улыбкой поздравил ее. Его примеру последовали мисс Уилмот и отец ее; жена моя нежно поцеловала дочь, которую, как она выразилась, сделали честной женщиной. За матерью поочередно подошли к пей Софья и Мозес и, наконец, благодетель наш Дженкинсон тоже попросил разрешения поздравить ее. Теперь нам как будто ничего не оставалось и желать. Сэр Уильям, для которого не было большего счастья, чем творить добро, сиял как солнышко, оглядывая всех нас, и всюду встречал радостные взоры в ответ;

одна лишь Софья по непонятной для нас причине казалась не совсем довольной.

- Ну, вот, - воскликнул он с улыбкой, - кажется, все тут, за исключением, может быть, одного или двух, совершенно счастливы. Остается мне еще довершить дело справедливости. Вы, конечно, понимаете, - повернулся он ко мне, - сколько мы оба обязаны мистеру Дженкинсону, и я думаю, что справедливо, чтобы каждый из нас достойным образом вознаградил его. Я не сомневаюсь, что он будет очень счастлив с мисс Софьей, за которой получит от меня пятьсот фунтов - они отлично ведь могут жить на это, не правда ли? Ну, так как же, мисс Софья, что вы думаете о подобной партии? Согласны ли вы?

Бедняжка едва не лишилась чувств, услышав столь чудовищное предложение, но материнские руки вовремя подхватили ее.

- Согласна ли я? - слабым голосом повторила она. - Ни за что на свете, сударь!

- Как? - вскричал он. - Вы отказываете мистеру Дженкинсону, вашему благодетелю? Этаким красавец, да еще пятьсот фунтов в придачу и блестящее будущее!

- Прошу вас, сударь, - пролепетала она еле слышным голосом, - прошу вас воздержаться от дальнейшего и не заставляйте меня страдать столь жестоко.

- Вот упрямец! - вскричал он. - Отказать человеку, которому ваша семья стольким обязана, который спас вашу сестру и который обладает состоянием в пятьсот фунтов? И вы не согласны?

- Ни за что, сударь! - отвечала она гневно. - Лучше смерть!

- Ну что ж, коли так, - вскричал он, - и вы не хотите взять его в мужа, видно, придется мне самому взять вас в жены!

И с этими словами он страстно прижал ее к своей груди.

- Красавица моя, умница! - воскликнул он. - Как только могла ты подумать, что твой Берчелл тебе изменит? Или что сэр Уильям Торнхилл когда-нибудь перестанет восхищаться своей возлюбленной, которая полюбила его за его собственные достоинства? Вот уже много лет, как я ищу женщину, которая, не зная о моем действительном положении, оценила бы во мне человека! И после того как отчаялся найти ее даже среди дурнушек и записных кокеток, вдруг одержать победу над такой умной головкой, такой божественной красотой!

И, обернувшись к Дженкинсону, он добавил:

- Видите ли, сударь, я никак не могу расстаться с этой девицей, ибо ей почему-то полюбилась моя физиономия - так что я могу лишь вознаградить вас ее приданым, - завтра поутру вы можете прийти к моему управляющему за пятьюстами фунтами.

Тут мы все принялись поздравлять будущую леди Торнхилл и повторили всю церемонию, которую только что проделали с ее сестрой. Между тем явился слуга сэра Уильяма и сказал, что поданы кареты, которые должны отвезти нас в гостиницу, где все уже было для нас приготовлено. Мы с женой возглавили шествие и покинули мрачную обитель скорби. Щедрый баронет приказал раздать заключенным сорок фунтов и, вдохновленный его примером, мистер Уилмот дал половину этой суммы в придачу. Внизу нас приветствовали радостные клики горожан, среди которых я пожал руку нескольким друзьям из своего

прихода. Они проводили нас до самого места; тут нас ожидало великолепное пиршество; провожающим тоже было приготовлено угощение - правда, менее изысканное, зато накормили их до отвала.

После ужина, так как дух мой был утомлен до последней степени от сменявших весь этот день ощущений печали и радости, я попросил разрешения удалиться на покой; общество веселилось вовсю, а я уединился и излил свое сердце в благодарственной молитве тому, кто дарует нам и счастье и горе; затем лег и проспал спокойным сном до самого утра.

ГЛАВА XXXII

Заключение

Наутро, проснувшись, я увидел подле своей постели старшего сына; он обрадовал меня сообщением еще об одном счастливом повороте фортуны. Освободив меня предварительно от обещания, которое я дал ему накануне, он рассказал, что купец, по вине которого я потерял состояние, был задержан в Антверпене и что у него обнаружили сумму, превышающую ту, которую он должен был своим кредиторам. Бескорыстие моего мальчика порадовало меня чуть не больше, чем неожиданное это счастье. Впрочем, я сомневался, вправе ли воспользоваться благородным предложением сына. Покуда я размышлял об этом, вошел сэр Уильям, и я поделился с ним своими сомнениями. Он успокоил меня, сказав, что поскольку сын мой и без того благодаря своему браку делается владельцем изрядного состояния, я могу не задумываясь предложение его принять. Пришел же он затем, чтобы сообщить мне, что с часу на час ожидает прибытия лицензий на бракосочетание, и просил меня, как священника, способствовать как можно скорее всеобщему счастью. В эту же минуту вошел лакей и доложил, что лицензии прибыли; я был уже одет и спустился вниз, где застал всех; у них царило такое веселье, какое может быть лишь там, где душевная чистота сочетается с достатком. Мне, впрочем, легкомысленный их смех показался несовместимым с торжественностью предстоящего обряда. Я сказал им, что в эту насыщенную таинством минуту они должны быть преисполнены серьезности, важности и высоких мыслей; я даже прочел им целых две проповеди и трактат собственного сочинения, чтобы подготовить их надлежащим образом. Но они все равно не унимались и продолжали резвиться.

Даже следуя за мной в церковь, они держали себя настолько легкомысленно, что у меня несколько раз было искушение рассердиться и повернуть назад. В церкви возникло новое затруднение, решить которое, казалось, было нелегко. Кому венчаться первым? Невеста моего сына горячо настаивала на том, чтобы уступить эту честь леди Торнхилл, вернее, будущей леди Торнхилл, та же об этом и слышать не хотела, с неменьшей горячностью утверждая, что ни за что на свете не совершит такого невежливого поступка. Спор длился довольно долгое время, причем обе стороны были одинаково упрямы и одинаково вежливы. Все это время я стоял с раскрытым требником в руках; наконец мне надоели их препирательства, и я воскликнул:

- Я вижу, никто из вас нынче не намерен венчаться, так что лучше всего возвратиться нам потихоньку домой - сегодня нам в церкви делать нечего!

Мои слова тотчас отрезвили всех. Первыми были повенчаны баронет со своей невестой, а за ними мой сын со своей прелестной возлюбленной.

Еще с утра я распорядился послать карету за своим добрым соседом Флембро и его семейством, так что, возвратившись из церкви в гостиницу, мы там застали обеих мисс Флембро. Мистер Дженкинсон подал руку старшей, сын мой Мозес повел к столу младшую; впоследствии я обнаружил, что он в самом деле равнодушен к этой девушке, и в душе посулил дать ему свое согласие и выделить изрядную долю, как только он сам ко мне придет за тем и другим. Возле дома собрались почти все мои прихожане, которые, прослышав о моем счастье, явились меня поздравить. Среди них были и те, которые пытались силой вырвать меня из рук правосудия, за что я так резко их укорял. Я рассказал эту историю своему зятю сэру Уильяму, он вышел к ним и отчитал их с великой суровостью; увидев, впрочем, что они очень уж упали духом от жестоких его упреков, он дал каждому по полгинеи, чтобы они выпили за его здоровье и развеселились.

Затем нас позвали к изысканной трапезе, приготовленной поваром мистера Торнхилла. Что же касается его самого, то, может быть, тут будет уместно упомянуть, что нынче он проживает в качестве компаньона у одного родственника; к нему очень хорошо относятся, почти всегда сажают с собой за стол, исключая те случаи, когда и без него тесно, словом, он там свой человек. Большую часть времени он занят тем, что развлекает этого родственника, который несколько склонен к меланхолии; кроме того, он учится играть на валторне. Впрочем, старшая моя дочь до сих пор вспоминает о нем с некоторым сожалением; она даже говорила мне, - но только это великая тайна! - что, когда он исправится совсем, она, может быть, и сменит гнев на милость. Однако, к делу, - я терпеть не могу отступлений! - когда стали рассаживаться за столом, начались снова всяческие церемонии. Возник вопрос, не следует ли усадить старшую мою дочь, как замужнюю даму, выше новобрачных; но тут сын мой Джордж прекратил споры, предложив сесть как кому вздумается, то есть каждому кавалеру подле своей дамы. Предложение было встречено всеобщим одобрением, если не считать жены, которая, я видел, была чем-то недовольна, - она рассчитывала, что будет председательствовать за столом и резать жаркое для всех.

Впрочем, несмотря на это маленькое ее огорчение, все были отменно веселы. Не берусь утверждать, что мы были остроумнее обычного, но, во всяком случае, смеялись мы, как никогда, а это, в конце концов, главное. Особенно врезалась мне в память одна шутка: старик Уилмот провозгласил здоровье Мозеса, тот же смотрел в это время в другую сторону и ответил: "Благодарю вас, сударыня". На что старик, подмигнув нам всем, заметил, что он, верно, думает о своей милой. Я боялся, что обе мисс Флембро умрут со смеху! Тотчас после обеда, верный своему всегдашнему обычаю, я велел убрать стол и снова имел счастье видеть всю свою семью вокруг уютного камина. Малюток своих я посадил к себе на колени, остальные же расселись парочками. Теперь мне уже ничего не оставалось желать на этом свете горести мои окончились, радость была несказанна. Отныне у меня одна-единственная забота: быть столь же благодарным в счастье, сколь смиренен я был в беде!

ПРИМЕЧАНИЯ

Роман Оливера Голдсмита "Векфильдский священник" написан был в 1762 году, однако опубликован лишь четыре года спустя, в 1766 году, очевидно, после основательной авторской доработки. Пятое издание романа - последнее, вышедшее при жизни автора и им исправленное, - принято считать эталоном текста. Все последующие издания исходят из него.

Неплохо принятый публикой, роман этот, однако, большой прижизненной славы Голдсмиту не принес. Но к концу века быстро возрастает круг читателей романа в Англии и во всем мире. Он переводится на все основные европейские языки, а затем на венгерский, исландский и древнееврейский. Во французских и русских переводах "Векфильдский священник" начиная с конца XVIII и в течение XIX века выходил по семи раз, причем иные переводы много раз переиздавались. По словам Теккерея, этот роман "проник в каждый замок и каждую хижину по всей Европе". Среди заинтересованных, а порой и восторженных читателей этого романа были Гете, Вальтер Скотт, Стендаль, Карамзин, Толстой, Аксаков, Диккенс. Последний образовал даже свой ранний псевдоним Боз от имени одного из героев романа Голдсмита - Мозеса.

"Векфильдский священник" в переводе Т. Литвиновой впервые был опубликован в 1959 году Гослитиздатом.

... когда Генрих II проходил через Германию... - Генрих II (973-1024) император Священной Римской империи с 1002 года. Эпизод, о котором идет речь, относится к 1023 году.

Геба - богиня вечной юности (греч. миф).

... получил образование в Оксфорде, так как я предназначал его для одной из ученых профессий. - "Учеными профессиями" в Англии того времени считались богословие, юриспруденция, медицина и музыка. Обучали этим профессиям обычно уже после окончания университета, дававшего общее классическое образование, в корпорациях лиц

соответствующих профессий.

... Уистон Уильям (1667-1752) - известный английский богослов и математик, сотрудник Ньютона. В 1711 г. опубликовал книгу "Историческое введение к возрожденному раннему христианству", а в 1715 г. основал общество, ставившее себе целью проводить в жизнь идеи, изложенные в этой книге. Взгляды Уистона казались настолько опасными, что он был изгнан из Кембриджского университета и против него был начат процесс по обвинению в ереси. Требование единобрачия духовенства было лишь одной из особенностей религиозной доктрины Уистона, но герой Голдсмита и во многом другом близок взглядам Уистона - главным образом в противопоставлении морали раннего христианства современной испорченности нравов.

Хукер Ричард (1554-1600) - известный английский теолог, автор труда "Законы управления церковью". История его путешествия в Лондон была занимательно изложена в его биографии, написанной Исааком Уолтоном.

Джуэл Джон (1522-1571) - один из руководителей английской Реформации.

"Я был молод, и состарился, и не видел праведника оставленным и потомков его, просящими хлеба" - псалом 36, стих 25.

... в утро святого Валентина (14 февраля). - Во времена Голдсмита в Англии еще сохранился средневековый обычай, по которому молодой человек и девушка, увидевшие друг друга на рассвете Валентинова дня, считались "Валентином и Валентиной". Молодой человек имел после этого право при родителях поцеловать свою "Валентину" и ухаживать за ней в течение года.

... накануне Михайлова дня... - то есть 28 сентября.

..."Жестокая Барбара Аллен" - народная баллада о юноше, который умер от любви, и о девушке Барбаре Аллен, которая умерла потом от раскаянья.

"Последнее прости" Джонни Армстронга" - другая старинная баллада - о смерти знаменитого пирата.

Драйден Джон (1631-1700) - крупный английский поэт и драматург эпохи Реставрации.

... историю Беверлендского Оленя, повесть о терпеливой Гризеледе, приключения Кота Мурлыки (английский вариант сказки об Ослиной Шкуре)... о замке прекрасной Розамонды. - Популярны народные сказки и легенды, по большей части средневекового происхождения.

Зверь лесной идет в свое логово, птица небесная летит в гнездышко, а беспомощный человек находит пристанище только среди себе подобных. Парафраз евангельского текста: "Лисицы имеют норы, и птицы небесные гнезда; а сын человеческий не имеет, где приклонить голову" (от Матфея, VIII, 20; от Луки, IX, 58).

... освежевать Марсия, после того как... с него уже содрали кожу. Согласно греческому мифу, фригийский бог лесов и источников Марсий вызвал на состязание в музыке бога искусств Аполлона. По условию, победитель мог поступить с побежденным, как ему заблагорассудится. Аполлон победил и, привязав Марсия к дереву, содрал с него кожу.

... остановил свой выбор на одном из страшилищ, что украшают церковь святого Дунстана... - На колокольне расположенной в центре Лондона церкви святого Дунстана находились часы, украшенные двумя фигурами дикарей.

Церковные десятины - налог в пользу церкви в размере одной десятой всех доходов. Поскольку номинальным главой англиканской церкви является английский король, в Англии XVIII в. этот налог фактически взимался в пользу государства, и только небольшая его часть передавалась духовенству.

... диспут между Твакумом и Сквэром, спор Робинзона Крузо с дикарем Пятницей и... о словесном состязании в "Благочестивых влюбленных". - Диспут между Твакумом и Сквэром - речь идет об одном из эпизодов романа Генри Фильдинга (1707-1754) "История Тома Джонса, найденыша" - о споре глупого и лицемерного попа Твакума и столь же глупого и лицемерного "вольнодумца" Сквэра; спор Робинзона Крузо с дикарем Пятницей. - В романе Даниэля Дефо (1661-1731) "Робинзон Крузо" рассказывается, как дикарь Пятница не раз ставил в тупик своими наивными вопросами Робинзона Крузо, растолковывавшего ему

догматы христианской веры. "Благочестивые влюбленные" - речь идет о нравоучительном трактате Дефо "Благочестивые влюбленные, с примерами из истории, показывавшими, сколь необходимо, чтобы обе стороны, вступающие в брак, были богобоязненны и исповедовали одну и ту же веру" (1722).

... прелестно описанных мистером Геом влюбленных, которых смерть сразила в объятиях друг друга. - Имеется в виду трагическая пастораль английского поэта и драматурга Джона Гея (1685-1732) "Диона".

... о "Акиде и Галатее" Овидия. - Речь идет об эпизоде из XIII книги "Метаморфоз" - крупнейшего произведения древнеримского поэта Публия Овидия Назона (43 г. до н. э. - 17 г. н. э.).

Музыкальные стаканы. - Незадолго до написания "Векфильдского священника" ирландец Пакеридж создал примитивный музыкальный инструмент, в котором звуки извлекались из стаканов, наполненных на разный уровень водой. Этот инструмент, несколько усовершенствованный членом Королевской академии Делавалем, стал известен знаменитому американскому общественному деятелю и ученому XVIII в. Бенджамину Франклину, который, в свою очередь, внес в него улучшения и назвал его "гармоника". Тем не менее "музыкальные стаканы" так и остались диковинкой и не вошли в число музыкальных инструментов.

Набоб - правитель провинции средневековой Индии. Слово "набоб" стало в Европе нарицательным для обозначения богача. Особенно часто так называли купцов и чиновников, разбогатевших в Индии.

... рыцарях подвязки... - Кавалеры ордена Подвязки - высшего из английских орденов.

Ганновер-сквер - площадь в западной, аристократической части Лондона.

"Дамский журнал". - Речь идет о "Дамском журнале, или Любезном собеседнике для прекрасного пола", который издавался в Лондоне с 1760 по 1763 гг.

Григорий Великий (ок.540-604). - Речь идет о римском папе (с 590 г.) Григории I Святom. Ему приписывается обращение в христианство Англии.

Санхониатон, Манефо, Берозус и Оцеллий Цукан... - Санхониатон (иначе Санхуниатон) - предполагаемый автор истории Финикии и Египта, опубликованной греческим грамматиком Фило во II в. н. э. До нас дошли лишь отдельные отрывки из этого произведения. Манефо (III в. до н. э.) - египетский верховный жрец. Ему приписываются философские, богословские и исторические сочинения, сохранившиеся ныне лишь в отрывках. Берозус (III в. до н. э.) вавилонский жрец, составивший на греческом языке свод вавилоно-халдейских сказаний. Из него сохранилось лишь несколько отрывков, цитированных греческими и римскими историками. Оцеллий Лукан - философ-пифагореец (V в. до н. э.). Из всех его сочинений сохранился полностью лишь трактат "О природе Целого". Приведенные слова являются цитатой из этого произведения (гл. I, 3).

Навуходоносор - речь идет о Навуходоносоре II, вавилонском царе (604-561 гг. до н. э.), упоминаемом в Библии.

... читали книгу острословия! - Речь идет об одном из распространенных в XVIII в. юмористических сборников.

"Венец творенья - честный человек" - строка из философски-дидактической поэмы английского поэта, просветителя-классициста Александра Попа (1688-1744) "Опыт о человеке" (IV, 248).

"Женщина и Смерть" - старинная народная песня.

"Умирающий Лебедь" - народная песня.

"Элегия на смерть бешеной собаки". - Это стихотворение Голдсмита, до сих пор остающееся в Англии хрестоматийным, было написано по случаю охватившего жителей Лондона панического страха перед бешеными собаками, одного из случаев массового психоза, не раз возникавших в те времена. Стихотворение на подобную же тему за много лет до Голдсмита написал Гей. "Элегия на смерть бешеной собаки" написана Голдсмитом также в целях литературной полемики. Являясь видным представителем английского

сентиментализма, Голдсмит вместо с тем был убежденным противником того направления в сентиментализме, которое получило название "кладбищенской поэзии".

... песенки, что распевают в парке Ранела... - В 1742 году в Челси, окраинном районе Лондона, был разбит увеселительный сад с ротондой, в которой устраивались концерты. Этот сад был расположен на месте резиденции лорда Ранела, министра Карла II, откуда и заимствовано его название.

... добрый книготорговец с Сент-Лолз-Черчъярд... - Речь идет об известном издателе и книготорговце Джоне Ньюбери. Ньюбери неоднократно авансировал Голдсмита и однажды взял на себя ведение всех его финансовых дел. Ньюбери приложил большие усилия, чтобы улучшить состояние детской литературы в Англии, и сам писал для детей. Сент-Лолз-Черчъярд - улица вокруг собора святого Павла, расположенного в центре лондонского Сити.

Отвей Томас (1652-1685) - английский драматург периода Реставрации. Лучшие его трагедии, в которых драматург с большим мастерством изобразил интимные человеческие чувства, долго пользовались успехом на сцене. Голдсмит принадлежал к числу больших его поклонников.

Роу Николас (1674-1718) - английский драматург, продолжатель Отвея. Роу ввел в свои трагедии бытовой элемент, что делает его одним из предшественников так называемой "мещанской трагедии", представленной в Англии XVIII в. именами Лилло и Мура.

Флетчер Джон (1579-1625) - английский драматург, младший современник Шекспира. Политические симпатии Флетчера на стороне монарха-самодержца.

Джонсон Бенджамин (ок. 1573-1637) - крупнейший из английских драматургов, современных Шекспиру.

Конгрив Уильям (1670-1729) - английский драматург, продолжатель комедии Реставрации, один из основателей комедии нравов в Англии.

Фаркар Джордж (1678-1707) - крупный английский комедиограф, последователь комедии Реставрации.

Я про себя решил, что вижу перед собой по меньшей мере члена парламента. В этом своем мнении я, укрепился еще более, когда... он стал настойчиво приглашать нас с актером к себе домой... - При крайне незначительном числе лиц, имевших право голоса на выборах в парламент, депутаты парламента, желавшие быть переизбранными, всячески обхаживали своих избирателей, а нередко и подкупали их.

Корнуэлл - полуостров на крайнем юго-западе Англии.

... но если он будет продолжать в том же духе, в каком действовал все последнее время... - Речь идет о том, что король Георг III (1738-1820) вскоре после восшествия на престол в 1760 г. начал бороться за восстановление ряда прерогатив короны, утраченных в течение XVIII века. Эти попытки не имели успеха, несмотря на то что Георг III упорно стремился осуществить свои цели вплоть до 1811 г., когда он официально был признан невменяемым и отстранен от власти.

Левеллеры - английская политическая партия времен английской революции XVII в. Политические требования левеллеров состояли в установлении демократической республики с широким избирательным правом (которого, однако, должны были быть лишены женщины, слуги и нищие), религиозной свободы и беспристрастного рассмотрения дел в суде. Левеллерам совершенно не были присущи те цели, которые им приписывает здесь Голдсмит. Напротив, они выступали в защиту частной собственности и против ликвидации помещичьего землевладения. Свое представление о задачах партии левеллеров Голдсмит, по всей вероятности, заимствовал из полемической литературы XVII в., в которой противники левеллеров действительно обвиняли их в том, что они намерены уничтожить всякую частную собственность и "всех уравнять".

Картезианская система миров. - Речь идет о космогонической системе французского философа Декарта (1596-1650). Сущность ее состоит в том, что вся материя находится в состоянии вихревого движения. В центрах вихрей материя сгущается, таким образом

образовались звезды и планеты.

Тайный иезуит. - Со времен Реформации католические державы много раз засылали в Англию в качестве своих тайных агентов монахов ордена иезуитов. Этот монашеский орден сыграл также немалую роль во время двух попыток новой реставрации Стюартов, предпринятых в 1715 и 1745 гг. Поэтому английские обыватели испытывали панический страх перед "тайными иезуитами", а вигийские политики неоднократно пользовались этим в своих целях и объявляли инакомыслящих "тайными иезуитами".

"Газетир" (буквально: журналист) - английская газета, издававшаяся с тридцатых годов XVIII в. до середины девятых. Поддерживала партию вигов.

... навязать себе деревянные башмаки? - Деревянные башмаки считались в Англии символом нищеты, в которой жило население католических стран.

"Прекрасная грешница" (1703) - трагедия Николаса Роу.

Ньюгет - главная уголовная тюрьма Лондона, построенная в начале XV в.

... когда я сидел в кофейне... - Кофейни в Англии XVIII в. были чем-то вроде клубов, причем каждая кофейня имела свой круг посетителей.

Проперций Секст (ок. 50-15 гг. до н. э.) - римский поэт, один из крупнейших представителей любовной лирики в литературе времен императора Августа.

Филавт, Филалет, Филелютер и Филантроп. - Все эти имена имеют смысловое значение. Филавт по-гречески значит "друг самому себе", Филалет - "друг правды", Филелютер - "друг свободы" и Филантроп - "друг людей".

Сент-Джемский парк - парк при королевском дворце в Лондоне. В конце XVII в. был открыт для публики.

... возле конторы мистера Криспа... - Речь идет о реальном лице хозяине известной вербовочной конторы.

... синод Пенсильвании... - Пенсильвания - одна из английских колоний в Америке; до завоевания Соединенными Штатами Америки независимости управлялась синодом, совмещавшим духовную и светскую власть.

... к индейцам племени чикасо... - Одно из индейских племен, обитавших в то время на Миссисипи.

... я невольно вспомнил Эзопову корзину с хлебом... - Существует предание, что раб Эзоп, легендарный древнегреческий баснописец, отравляясь в дорогу вместе с другими рабами, предпочел взвалить себе на плечи тяжелый груз - большую корзину с хлебом. Зато к месту назначения он пришел с пустой корзиной, тогда как у остальных поклажа осталась прежней.

Пирудмео Пьетро (1446-1524) - итальянский художник эпохи Возрождения.

... с него соглашались взять всего сто фунтов вместо обычных трехсот, В английской армии XVIII в. патенты на офицерский чип продавались.

... если можно назвать несчастьем смерть на поле боя рядом со славным лордом Фолклендам. - Люций Кари, виконт Фолкленд (ок. 1610-1643) английский политический деятель времен английской революции XVII в. Фолкленд был близок к парламентской оппозиции, но после начала гражданской войны перешел на сторону короля. Во время битвы при Ньюбери (20 сентября 1643 г.) лорд Фолкленд выехал на коне под огонь неприятеля и был тотчас же убит. Сторонники абсолютной монархии изображали лорда Фолкленда героем, погибшим за правое дело, но в действительности он сам искал смерти, запутавшись в отношениях между двумя партиями.

... не столь угодны небу девяносто девять праведников, сколь один раскаявшийся грешник... - парафраза евангельского текста (от Луки, XV, 7).

... древний мудрец, видно, знал цену дружбе в несчастье, когда сказал: "Тон космонайре, зе дос тон этайрон" - "За друга требуй целый мир" (греч.).

... в притче о нищем... - Евангелие (от Луки, XVI, 20-31).

Самое замечательное явление на свете, по словам одного философа, добродетельный человек, борющийся с гонениями судьбы... - Голдсмит воспроизводит слова римского

философа-стоика Сенеки (3 г. до н. э. - 65 г. н. э.) из его сочинения "О судьбе".

Лицензия. - Брак без тройного оглашения в церкви можно было заключить в Англии того времени только по специальной лицензии.

Оковами бряца в восхищенье, \\ И дикий звон сей музыкой звучал. Цитата из трагедии Конгрива "Невеста в трауре".

Ю. Кагарлицкий

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке BooksCafe.Net](#)
[Оставить отзыв о книге](#)
[Все книги автора](#)